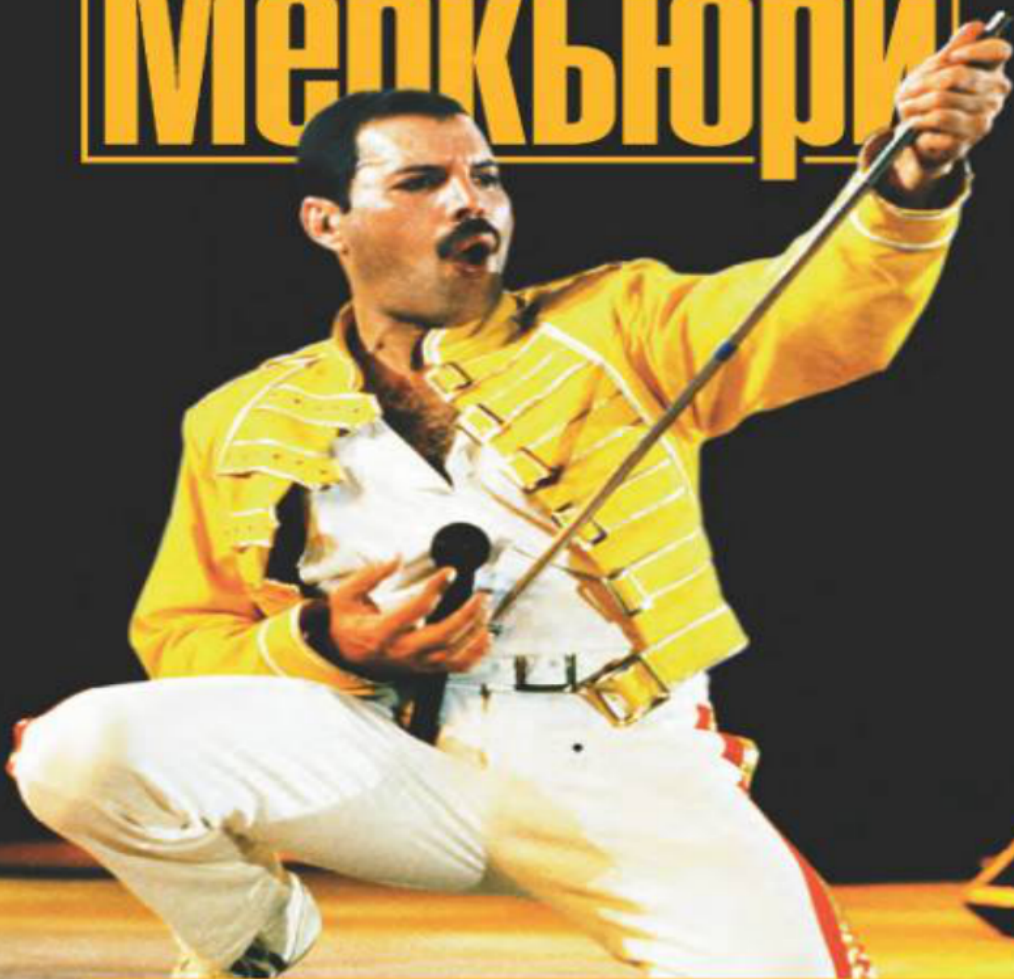

Фредди Меркьюри

ЖИЗНЬ ЕГО СЛОВАМИ

Annotation

В одном интервью на вопрос журналиста: «Любите ли вы свою работу?» — Фредди ответил: «Я люблю свою работу, но не люблю говорить об этом с людьми вроде вас». И в последнем заявлении, сделанном за день до своей смерти, 23 ноября 1991 года, он четко высказал свою позицию: «Для меня всегда была важна неприкосновенность моей личной жизни, и я известен своей скупостью на интервью. Пожалуйста, будьте внимательны к этому в дальнейшем».

Тем не менее за двадцать лет своей карьеры с группой Queen и вне ее Меркьюри, конечно же, давал интервью журналистам газет, на радио и телевидении. Выдержки из них и стали этой книгой: высказывания о творчестве Queen, о сольных проектах, о съемках клипов, об отношении к славе и известности, о современной музыке, о друзьях, о личной жизни.

В этой книге собраны выдержки из интервью Фредди Меркьюри за двадцать лет его карьеры в группе Queen и вне ее. О чем бы ни говорил Фредди — он делал это в своей неподражаемой манере: иронично и откровенно.

Издание включает в себя большое количество фотографий и предисловие матери Фредди — Джер Булсара.

- **Фредди Меркьюри**

-
- Введение
- Предисловие
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая

- ☐ Глава пятнадцатая
- ☐ Глава шестнадцатая
- ☐ Глава семнадцатая
- ☐ Глава восемнадцатая
- ☐ Глава девятнадцатая
- ☐ Глава двадцатая
- ☐ Благодарности
- ☐ Источники
- ☐ Иллюстрации

- ☐
- ☐
- ☐
- ☐
- ☐
- ☐
- ☐
- ☐

- notes

- ☐ 1
- ☐ 2
- ☐ 3
- ☐ 4
- ☐ 5
- ☐ 6
- ☐ 7
- ☐ 8
- ☐ 9
- ☐ 10
- ☐ 11
- ☐ 12
- ☐ 13
- ☐ 14
- ☐ 15
- ☐ 16
- ☐ 17
- ☐ 18
- ☐ 19
- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29
- ☐ 30
- ☐ 31
- ☐ 32
- ☐ 33
- ☐ 34
- ☐ 35
- ☐ 36

- ☐ 37
- ☐ 38
- ☐ 39
- ☐ 40
- ☐ 41
- ☐ 42
- ☐ 43
- ☐ 44
- ☐ 45
- ☐ 46
- ☐ 47
- ☐ 48
- ☐ 49
- ☐ 50
- ☐ 51
- ☐ 52
- ☐ 53
- ☐ 54
- ☐ 55
- ☐ 56
- ☐ 57
- ☐ 58
- ☐ 59

Фредди Меркьюри

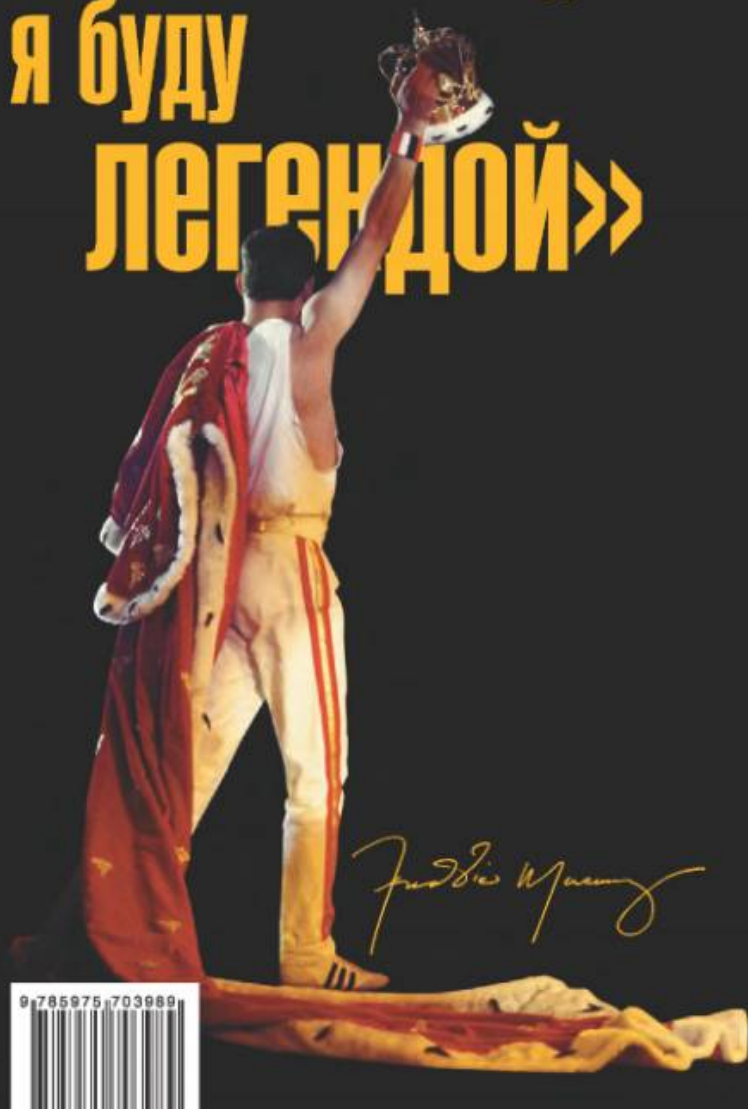
Фредди Меркьюри: Жизнь его словами

Он был экзотичен как сказочная птица. Он родился на Занзибаре, у берегов Африки, в парсийской семье — Фарух Булсара. В школе он учился в Индии, недалеко от Бомбея, и там его называли Фредди. Он приехал в Лондон, учился на дизайнера, сменил несколько рок-групп, начал писать собственные песни; вошел в оставшуюся без вокалиста группу Smile, которой придумал новое название — Queen. Несколько лет выступлений перед небольшими студенческими аудиториями, поиск собственного стиля, потрясающая вера в себя и, наконец, запись первого студийного альбома и появление этого легендарного псевдонима — Меркьюри.

Он был скромн и экстравагантн. Он был удивительно застенчив, но на сцене покорял стотысячную публику. Он был ироничн, но глубоко серьезн. Он называл свои песни одноразовой попсой, но он прекрасно знал себе цену. Он был остроумен и умен. Он не выносил скуки и не боялся рисковать: он соединял стили и жанры, он выступил с Королевским балетом, сочинил оперный альбом и спел с примадонной Монсеррат Кабалье. Его любили миллионы поклонников, но он был невероятно одинок.

Он появился как в сказке — с волшебнo-загадочного Востока — и ушел, став легендой.

«Я не собираюсь
становиться звездой —
я буду
легендой»

9 785975 703989

Введение

Если бы Фредди был жив и мог принять участие в создании этой книги, ему пришлось бы вынести многие дни скучных и утомительных интервью с безымянным журналистом — еще одним посторонним человеком, пытающимся получить новые откровенные признания, а затем исчезнуть и написать книгу от имени Фредди. По всей вероятности, у Фредди не было бы ни желания, ни достаточного терпения для подобного занятия, и вскоре он бы утратил к этому всякий интерес. Фредди терпеть не мог скуки. Именно поэтому и, конечно, из-за отсутствия самого Фредди эта книга имеет две существенные особенности.

Во-первых, здесь собран материал не нескольких дней общения с Фредди, он взят из интервью за двадцать лет из самых разных источников. Мысли и мнения, которые высказывает Фредди, относятся не какому-то определенному отрезку его жизни, а проходят через всю его профессиональную карьеру. Вполне естественно, что его взгляды существенно менялись в течение жизни, и это нашло отражение в его собственных словах. Высказывания Фредди о личных отношениях, о других участниках Queen, о творчестве, о его частной жизни и о планах на будущее заметно менялись на протяжении двух десятилетий, поэтому некоторые фрагменты книги могут показаться противоречивыми. Но все это станет вполне понятным, если вы представите двадцать лет своей жизни в напечатанном виде.

Во-вторых, у этой книги нет литературного обработчика. Все, что вы прочитаете, — собственные слова Фредди, хоть иногда их требовалось слегка привести в порядок. Мы не приписывали ему того, что он не говорил, и не вырывали его слова из контекста^[1]. Здесь вы найдете несколько примеров того, как Фредди переходил от настоящего времени к прошедшему и снова к настоящему или наоборот, но именно так он зачастую строил фразы, и эту особенность мы сохранили. В то же время мы постарались, чтобы одна и та же тема была представлена высказываниями Фредди из разных источников и разных периодов его жизни; иногда эти высказывания касаются события, которое еще не свершилось, а иногда комментируют то, что уже состоялось, или даже то, что находится в процессе создания, например запись альбома *A Night At The Opera*. Поэтому вполне естественно, что слияние определенных предложений или абзацев не совсем безупречно в отношении согласования времен. Мы сделали все возможное, чтобы оставить неизменным каждое слово Фредди, где это было возможно, и сохранить целостность

всех оттенков его речи, хотя зачастую он просто не заканчивал начатого предложения! Многие из того, что говорил Фредди, было двусмысленным, но мы не беремся его истолковывать. Пусть читатели сами интерпретируют его слова и делают собственные выводы. Это и есть, по нашему мнению, то, чего всегда хотел Фредди.

Многое из того, что Фредди где-то и в связи с чем-то сказал, как и его лирика, слава богу, было записано и осталось в архивах. Значительная часть этого впервые представлена в данном проекте, и в результате такого смещения Фредди предстает совершенно живым, как всегда полным энергии и требующим вашего внимания. Вы увидите его ироничным и раздраженным, очень мягким и пронзительно откровенным, серьезным и легкомысленным и найдете здесь его вызывающие неловкость колкие комментарии. О чем бы Фредди ни говорил, он делал это в своей неподражаемо дерзкой манере, как не смог бы никто другой, но всегда с юмором и откровенностью. Это подлинный Фредди Меркьюри в его собственных словах, какой угодно, но только не скучный! Никогда не скучный!

Для нас было большой привилегией заниматься изучением и подбором материала для этой книги. Надеемся, она доставит вам удовольствие.

А теперь, не затягивая больше и не дожидаясь, пока Фредди потеряет интерес, давайте, как он часто говаривал, «займемся этим».

***Саймон Лаптон и Грег Брукс,
июль 2006 года***

Предисловие

Эта книга о моем мальчике Фарухе Булсара.

Конечно, он больше известен миру как Фредди Меркьюри. Но при всем при этом он всегда оставался любящим и нежным сыном и членом нашей семьи.

Мне его ужасно не хватает, но благодаря его музыке он всегда рядом со мной. Талант и ум этого уникального человека — и горячо любимого сына — сохранят память о нем в грядущих поколениях. Я надеюсь, что вы получите удовольствие, читая его собственные слова, потому что они наглядно представляют, каким прекрасным человеком он был.

Джер Булсара

Глава первая

I Had This Perfect Dream [2]

*Я не собираюсь становиться
звездой, Я хочу стать легендой!
Я хочу быть Рудольфом
Нуреевым в рок-н-ролле,*

В самом начале я был готов голодать (что я и делал), но добиться успеха. Необходимо верить в себя, не важно, как много времени вам потребуется.

Когда Queen только образовалась, все мы были нацелены на большие высоты и не хотели довольствоваться меньшим. В этом деле нужно иметь большую уверенность. Глупо утверждать, что тебе этого не требуется. Если кто-то начинает: мол, «может быть, я недостаточно хорош, может быть, меня устроит и второе место», то тут и говорить не о чем. Мы были полны уверенности. Она просто необходима. Нужно обладать своего рода нахальностью, самоуверенностью и целеустремленностью, помимо других безусловных талантов — музыкальных. Самоуверенность — отличная штука, особенно в начале, когда говоришь себе, что вы собираетесь стать группой номер один, а не группой номер два. У нас это было внутри. У нас у всех было очень большое самолюбие.

Мы были упрямы в этом. Мы хотели, чтобы люди знали — мы группа, с которой следует считаться. К тому же у нас было полно всяких идей, как показать свою оригинальность.

Начинать нужно с чего-нибудь скандального — это лучший способ заявить публике о своем существовании. Нужно постараться, чтобы публика вас заметила: возмутить и шокировать — бесценные приемы. На обложках наших альбомов мы были без одежды, много макияжа, черные ногти и все такое... В то время это шокировало как ничто другое.

Я думаю, образ — неотъемлемая часть рекламы. Не важно, насколько он надуман, в конце концов ты создаешь его интуитивно. Либо это ловкий трюк, который не сработал, либо это нечто, что можно обыгрывать дальше. Это все стратегия. Немного самоуверенности и самолюбия — без этого нельзя.

Когда мы впервые собрали нашу группу, думаю, большинство людей были немного шокированы, потому что они думали, что поп-группы состоят из бывших водителей грузовиков недалекого ума, которым надоело жить на пособие и которые решили вместо этого создавать хиты. Мы были одной из групп, которые хотели

отвоевать свое место. Мы собирались это сделать. Мы знали, что можем это сделать.

Мы не просто *играли* в музыкантов. Мы сказали себе: «О'кей, давайте-ка ворвемся в рок и сделаем это на полном серьезе — никаких полумер». Мы все еще учились в университетах и имели потенциально перспективные карьеры, и мы не собирались бросать свои профессии ради мнимого успеха. Мы стремились к лучшему. Это не было стремлением к мировому господству, хотя, кажется, оно пришло неизбежно, как капитализм.

Мы стремились на самый верх и не собирались довольствоваться ничем другим. Ни один из нас не хотел быть привязанным к работе с девяти до пяти. Я определенно знал, что в музыкальном отношении мы будем иметь всё. Мы были достаточно оригинальны и уже начали это доказывать. Мы были не из тех, кто говорит: «О'кей, мы хотим рискнуть, но, если это не сработает, будем делать как все». Нет. Такое не проходит. Мы бы не полезли в музыкальный бизнес, если бы не были уверены, что доведем начатое до конца. Мы решили сначала закончить учебу, что означало полтора года ожидания, и, если бы к этому времени мы всё еще были вместе, тогда это значило бы, что мы настроены серьезно.

В то время мы решили: «Сделаем что-нибудь интересное. Попробуем объединить все, что мы умеем». Мы не были снобами, мы были очень расчетливыми. Мы хотели появиться с определенным стилем. Хотя в то время мы были еще *никто*, мы чувствовали, что можем сделать это именно так. В этом был своего рода снобизм. Мы хотели сделать из Queen группу не *для всех и каждого*, а только для избранного меньшинства.

С самого начала я знал, что мы идем к огромному успеху, и мы действительно шли. В этом у меня никогда не было сомнения. Никогда. Я просто знал, что мы обязательно этого добьемся, и я прямо так и говорил любому, кто спрашивал. В этом деле необходимо иметь подобную самоуверенность. Если вы хотите откусить верхушку торта, то должны обладать уверенностью, чтобы пойти и получить ее.

Я единственный в группе из артистической среды. Все остальные занимались наукой: Роджер — биологией, Джон — электроникой, а Брайан — физикой. Никогда в жизни, даже в самых смелых своих фантазиях, я бы не представил, что астроном, занимающийся инфракрасным излучением, возьмет в руки гитару и станет рок-музыкантом, — так вот вам пожалуйста!

Я поступил в школу искусств с намерением получить диплом (и я его получил) и стать иллюстратором, надеясь зарабатывать на жизнь ремеслом свободного художника. Музыка всегда была

побочным занятием. К концу обучения меня уже тошнило от занятий искусством. Я был сыт по горло. Я подумал: «Я не уверен, что сделаю на этом карьеру, потому что это совсем не мое». Тогда я подумал, что мог бы переключиться на музыку. Каждый хочет стать звездой, и я подумал, что мог бы здесь преуспеть, — почему бы нет?

Всегда наступает время принятия решения, когда вы должны сделать решительный шаг и либо сказать себе: «Я пойду и сделаю это и приложу к этому все усилия», либо не говорить этого. И мы в конце концов так сказали.

Нам пришлось довольно долго ждать: решаться нужно было не мне одному. Брайан, Джон и Роджер должны были подумать о своей карьере. Это было время принятия важных решений. Это ведь то, что занимает тебя целиком, а не хобби. Мы испытывали своего рода вдохновение при мысли о том, что забросим свои академические знания и дипломы и займемся этим. И вот... пожалуйста! Я определенно ни о чем не жалею.

Мои родители просто вышли из себя, когда я сказал им, чем хочу заниматься, но сейчас мы прилично зарабатываем, и, кажется, они вполне довольны.

Глава вторая

Playing My Role In History ^[3]

Я никогда не считал себя лидером Queen — возможно, самой значительной фигурой...

Концепцией Queen была царственность и величественность. Гламур был частью нас, и мы хотели выглядеть шикарно. Мы хотели поражать и шокировать. Мы хотели, чтобы люди не задумывались о том, нравимся мы им или нет, а понимали бы это сразу, едва увидев нас. Мы не просто старались быть *другими*, потому что если вы не профессионалы, то вам не стоит даже и *стараться* быть чем-то!

Идея создания Queen зародилась у меня еще во время учебы в колледже. Брайан, который тоже в то время был в колледже, одобрил эту идею, и мы объединили усилия. Самые первые следы группы ведут к команде под названием Smile^[4], которая записала сингл и выпустила его в Штатах. Я очень интересовался Smile, и мы подружились. Я бывал на их выступлениях, и они нередко приходили на мои концерты. Но группу постоянно преследовали неудачи.

Я говорил Брайану и Роджеру: «Зачем тратить время на это? Вам нужен более оригинальный материал. Вы должны быть более эффектными в подаче музыки. Если бы я был вашим вокалистом, я бы это сделал!» В конце концов Smile распалась, и мы решили вместе создать новую группу. Все очень просто. Мы были уверены, что наши музыкальные идеи будут гармонировать. Потом [в июле 1971 года] мы познакомились с Джоном Диконом и решили назвать группу Queen.

Я придумал название группы давно. Это очень величественное название и к тому же великолепно звучит. Оно сильное, универсальное и эффектное. Оно имеет большой визуальный потенциал и открыто для интерпретации. Оно давало возможность для многих вещей, таких как театральность, например, и это было замечательно. Оно очень эффектное во всех смыслах. Оно такое емкое. Это не просто фирменная этикетка.

Конечно, я понимал, что название имеет голубой подтекст, но это была лишь одна из его граней. В любом случае, мы всегда воспринимали Queen как нечто величественное, а не гомосексуальное. Мы были обеспокоены тем, что название может дать людям неверное представление, но в то же время знали, что

наша музыка будет сильнее этого имиджа, потому что всегда стремились делать качественный продукт. Мы были уверены, что люди к нам потянутся, потому что, хотя эпатажный имидж уже был установлен Боуи и Воланом, мы намеревались поднять его на другой уровень. Мы думали, что, возможно, понравимся хипповым девчонкам и что, возможно, на какое-то время к нам приклеится попсовый ярлык, но не надолго. В то время мы были заинтересованы только одним — поразить тех, кто приходил на наши концерты.

Между фактическим образованием группы Queen и первым контрактом прошло довольно много времени. Именно поэтому мы были так озабочены высказываниями типа: «Вот появились Queen; в моде глэм-рок, и они туда же». Мы никогда никому не подражали. Мы были в глэм-роке до Sweet, и Боуи, и боялись, что пришли слишком поздно. Мы хотели создать особый вид сценической музыки.

Я думаю, что каждый в начале своей карьеры получает ярлык. Журналисты втискивают тебя в какую-нибудь категорию и вешают ярлык. О каждой группе, которая сейчас только начинает, говорят, что она слегка напоминает Culture Club или кого-нибудь еще. Мы слегка напоминали Led Zeppelin, потому что у нас были гармонии и все такое, и поэтому нас пришили к этой категории. Каких только ярлыков на нас не навешивали! Ярлыки насколько плохи, настолько же и хороши, и очень глупо относиться к ним серьезно. Мне правда совершенно безразлично, что обо мне говорят. Я думаю, люди говорили разное о нас, но меняли свое мнение, после того как слышали наши альбомы. В конце концов мы обрели свой фирменный знак — Queen. Многим командам, пришедшим после нас, говорили, что они звучат как Queen, и им это тоже не нравилось, но они должны были пройти через это. Так всегда было и будет.

Вначале у нас было много веры, но я думал, что все это закончится лет этак через пять и я займусь чем-нибудь другим. Но она все росла и росла, и не забывайте, что до этого мы все играли в разных группах и имели достаточно опыта, чтобы первое же радужное предложение от записывающей компании могло нас ошеломить.

В тот момент, когда мы делали демо-запись [в 1971 году], мы знали, что вокруг много акул. У нас были очень заманчивые предложения от людей, которые говорили: «Мы сделаем из вас новый T-Rex», но мы были очень, очень предусмотрительными, чтобы ввязаться в это. Мы обошли, пожалуй, все студии звукозаписи прежде, чем выбрали одну. Мы не хотели, чтобы с нами обращались как с рядовой группой. Мы настаивали на этом,

потому что у нас никогда не было желания стать безработными музыкантами. Мы сказали: «Принимайте нас как серьезный товар или совсем не принимайте нас».

Мы очень многое продумывали. Успех пришел к нам не в одночасье, ведь мы уже существовали три года. Мы просто нашли нужных людей, которые бы работали на нас, и выбрали правильную компанию, а на это ушло много времени. И всё же нас обвиняли в дешевой рекламе и сравнивали с группами, о которых мы слышать не слышали, и даже в том, что мы не являемся авторами собственных песен.

Большинство считали, что мы прославились враз, но на самом деле нам долгое время пришлось кружить по различным клубам, не имея контракта со студией звукозаписи. Мы с самого начала чувствовали постоянное давление коммерции. Это было похоже на бег с препятствиями. Я всегда буду утверждать, что группа, достигшая большого успеха, либо прошла нелегкий путь, либо что-то здесь не так. Если все слишком легко, то вы достигаете вершины, и на этом все заканчивается!

Вы не можете просто ходить и говорить всем: «Какой я классный музыкант! Какую бесподобную вещь я вчера сочинил!» Необходимо, чтобы вас открыли. Частью таланта является умение донести свою музыку до слушателя. Недостаточно быть прекрасным музыкантом и выдающимся композитором — их и так полно. Научитесь проталкивать себя, быть в нужном месте в нужное время и вникать в бизнес с самого начала. Такова игровая позиция в сегодняшнем рок-н-ролле. Вы должны инстинктивно чувствовать вещи, которые принесут вам успех.

Чем выше ты забрался по лестнице, тем жестче нужно быть, чтобы не свалиться с нее вниз. Не то чтобы я хотел быть жестким и злобным, просто иногда приходится быть таким. Как только ты становишься успешным, вокруг тебя собираются плохие парни, и вот тогда нужно быть по-настоящему сильным и постараться понять, кто есть кто, — это настоящая проверка на выживание. К тебе присасываются всевозможные пиявки, и они высосут твою кровь до капли, дай им только шанс. Приходится следить за каждым, кто работает на тебя, и, если ты чувствуешь, что они собираются надуть тебя, от них нужно быстрее избавляться. Нельзя допускать, чтобы это сходило им с рук. Это как аттракцион с машинками, только это рок-н-рольные машинки — нельзя позволять плохим парням слишком часто наезжать на тебя. Каждый, кто достигает успеха, раз или два непременно обожжется. Это что-то вроде классического правила. Назовем его опытом.

Думаю, мы приобрели этот опыт в те далекие дни, когда нас

обманывали, обворовывали и все такое. Дело не только в том, чтобы получить контракт от звукозаписывающей компании и успокоиться — это еще не обещает сладкой жизни. Это музыкальное предложение, и это деловое предложение. Нужно постоянно держать под контролем все, что происходит вокруг тебя. В наши дни иметь талант — это значит быть не просто хорошим музыкантом, это значит быть все время в курсе. Тебе жизненно необходимо вникать во все. Талант — это не только сочинение хороших песен и их исполнение, это еще и деловой подход, потому что без него невозможно правильно продвигать свою музыку и получать от этого прибыль. Используй все профессиональные уловки, и, если веришь в себя, ты добьешься успеха. Это единственный способ, который мы знали, и он сработал для Queen. Конечно, необходимо иметь специалистов, которые бы занимались всеми делами, но ты должен и сам всем интересоваться.

Таких людей очень трудно найти. Очень трудно доверять другим, особенно для нас. Мы очень вспыльчивые, разборчивые и дотошные. То, через что мы прошли с Trident^[5], заставило нас о многом задуматься, и мы стали очень внимательными и избирательными в отношении людей, работавших с нами после этого и ставших частью команды Queen.

Джон Дикон внимательно следил за всем делопроизводством. Он знал все, что должно и чего не должно происходить. Если бы Бог покинул нас, остальные члены группы не стали бы делать ничего без одобрения Джона.

Я думаю, сейчас давление бизнеса становится все больше и больше. Так много всего происходит, что порой приходится принимать поспешные решения и делать все по шаблону. Труднее всего решить проблему времени, и в некоторых случаях приходится идти на компромисс, что мы так ненавидим. Я просто умираю, когда чувствую, что сделал что-то, что мог бы сделать лучше. Это ужасно, потому что об этом постоянно думаешь. В конце концов, это *твоя* профессия и *тебе* с этим жить.

Для начинающей группы хорошее руководство и менеджмент жизненно необходимы. Но людям нравится думать, что у артистов нет мозгов и что большинство из них, конечно, легко изолировать от их собственных денег. Мы были хитрее в этом плане. После Trident мы перебрали многих топ-менеджеров, чтобы убедиться, что на этот раз делаем правильный выбор. Правильным выбором в то время оказался Джон Рид. Он сверкнул на меня глазами и сказал: «А почему бы и нет?» Он был великолепен. В нем были все те качества, сочетание которых мы искали все эти годы. Его подход и методы работы были

безупречны. Он занимался всем: переговорами, релизами и менеджментом.

Со временем мы стали очень трудно управляемой группой, потому что мы много требовали. Мы сушие дьяволы, так что управлять нами мог бы только кто-нибудь вроде Гитлера или Геббельса. Queen — это бизнес, организация, и мы решили взять все в свои руки.

Поскольку Queen выступали и записывались вместе, у людей создался образ единого организма. Но Queen — музыкальная группа, а не семья. Естественно, что, как и во многих семьях, у нас случаются ожесточенные ссоры. Мы спорим по мелочам. Но мы все понимаем, что в основном наши цели совпадают — продолжать делать хорошую музыку и расширять рамки того, что уже сделано группой.

Сколько мы существуем, столько же существует и какая-то внутренняя ревность между нами. Роджер, Брайан, Джон и я — мы все пишем по раздельности и бьемся, чтобы протолкнуть как можно больше собственных песен в каждый альбом. Здесь и давление, и страсть, и постоянная борьба, что я считаю очень здоровым явлением. Мы выясняем отношения, и в итоге все получается очень демократично. Я не стремлюсь заграбастать все. Я ни в коем случае не хочу сказать, что песни должен писать я один. Все зависит от самой песни. Разве не было бы ужасно, если бы я проталкивал только свои композиции и настаивал на том, что они лучшие?

Это своего рода политика группы, когда мы спорим и говорим: «О'кей, не важно, кто это сочинил, мы думаем, лучше выбрать эту песню, потому что она работает на нас всех». Я имею в виду, что, если бы я толкал свою песню, не будучи уверен в том, что она станет хитом, в итоге это принесло бы убыток мне самому. Так, например, в случае с *Radio Ga Ga* [1984] я первый сказал, что эта песня, которую написал Роджер, может стать отличным синглом. Это была коммерческая, сильная, необычная и очень современная песня.

Кстати, я не являюсь лидером группы. Все считают меня лидером Queen. Но я всего лишь ведущий вокалист. Я не командир или что-нибудь в этом роде. Мы четыре равноправных участника. Мы все хотели стать поп-звездами, но группа — прежде всего. Без остальных я был бы ничем.

Современные люди в моем положении называют себя «фокусом» группы, что превосходно, если вас зовут Род Стюарт и вы имеете группу музыкального сопровождения за своей спиной. Что же касается нас, то мы не Фредди Меркьюри и его группа. Если разобраться, мы вчетвером заставляем все это работать.

Каждый вносит свои двадцать пять процентов, просто я нахожусь впереди, вот и все. Queen — это четырехголовый организм, и это очень нелегко, должен сказать. Очень непросто каждый раз принимать четырехсторонние решения, но иногда приходится соглашаться с большинством. Часто мы так и не приходим к согласию. Иногда мы разделяемся надвое. И как быть в этом случае? Приходится откладывать проблему на какое-то время, а затем возвращаться и подходить к ее решению с другой стороны.

Мы всегда спорили. Мы ссорились практически с первого дня. Каждый из нас четверых очень сильная индивидуальность, так что мы по-прежнему схватываемся друг с другом. Как четыре бойцовых петуха... да мы самая склочная команда на свете! Мы часто просто за горло друг друга берем. Но если бы мы не спорили, мы были бы подхалимами и в итоге получили бы *отстой*. Обычно тщеславие, скандальность и вспыльчивость ассоциируются с моей персоной. Да, я очень эмоционален и иногда становлюсь очень буйным, но как бы вы удивились, если бы посмотрели на других участников группы. У каждого из нас свой характер, но, возможно, именно это и удерживает нас вместе.

Я думаю, что со временем мы так привыкли друг к другу, что поддерживаем наши отношения чисто инстинктивно. По существу, мы просто четыре человека, работающих вместе. Между нами не существует очень крепкой связи, и мы не так уж часто совместно проводим время. Мы вместе уже так долго и видимся практически каждый день на работе. Но мне кажется, в неофициальной обстановке мы предпочитаем держаться подальше друг от друга, иначе мы будем слишком часто видеться и просто надоедим друг другу. Если необходимо идти на какие-нибудь приемы, мы идем: мы очень профессиональны в этом отношении. Но с другой стороны, так приятно возвращаться в свой собственный мир. У остальных есть семьи, и это занимает большую часть их времени. Мне нравится моя частная жизнь без них — если вы понимаете, что я имею в виду.

Я не могу все время жить жизнью четвертинки. Из-за нашей работы мы постоянно видимся друг с другом, а одни и те же лица каждый день — это сведет с ума любого. Поэтому, как только работа закончена, мы расходимся каждый в свою сторону. Случается так, что я не общаюсь с ними месяцами, но потом мы едем в тур и прекрасно ладим. Музыка удерживает нас вместе, и мы научились инстинктивно принимать друг друга. Мы знаем, что, когда мы долго остаемся вместе, мы начинаем действовать друг другу на нервы. Были времена, когда между нами были большие трения, но мы в какой-то мере сглаживали их. Да, мы

много спорим и много ссоримся, но в итоге всегда добиваемся результата и делаем хорошую музыку. Мы все прекрасно понимаем. Очень легко стать эгоистичным и сказать: «Я самый великий!» Может разыграть самолюбие и вообще всякое может случиться, но ты должен себя сдерживать. Полагаю, это и называется профессионализмом.

Мы до сих пор вместе, потому что мы по-прежнему уважаем друг друга как музыкантов. У нас разные характеры, но это неважно. Когда мы не можем договориться о музыке, тут такое начинается, что стулья летят, но, в конце концов, если ты не можешь находиться в одной комнате с другим человеком, тебе придется сказать: «Всё, забыли!» Это просто пытка. Но когда альбом закончен, мы думаем: «Ну ладно, у меня были свои взгляды, у него было свое мнение, но мы объединились ради музыки».

Если группа состоит из четырех совершенно разных людей, каждый из них норовит отклониться от общего курса, и это очень тяжело. Распад группы обычно происходит из-за того, что кто-то один сильно вырывается вперед и просто не может вернуться обратно. Когда в группе есть одна сильная личность, другие отстраняются и думают: «Этого засранца слишком много, не податься ли в другую группу?» Нам так или иначе удается держать свое самолюбие под контролем.

Это не значит, что мы настолько пассивны, что со всем соглашаемся, мы просто не допускаем, чтобы все зашло так далеко, чтобы действительно сказать: «Окей, давайте тут и закончим!» Были моменты, когда я думал, что с меня хватит, но мы еще столько хотим сделать в музыке. Я думаю, что мы остаемся вместе так долго, потому что никто не хочет уходить. Если уйдешь, будешь выглядеть трусом. Это инстинкт выживания, который есть у меня и у всей группы.

Брайан однажды получил предложение от группы Sparks [в 1975 году], которые хотели, чтобы он присоединился к ним в качестве гитариста. Но мы относимся к такого рода вещам как к чему-то нереальному. Мы так увлечены тем, что мы делаем, что даже не заговариваем об этом второй раз. Мы все получали предложения от других групп, но, если мы с Роджером посылаем их к черту, Брайан тянет время, стараясь быть вежливым с людьми, отчего у них иногда возникает обманчивое впечатление. Брайан действительно настоящий джентльмен — не то что я, старая блядь, — но он ни на минуту не задумывался покинуть нас.

Единственная причина, по которой Брайан мог бы уйти от нас, — это чтобы стать астрономом, но не чтобы присоединиться

к группе типа Sparks. Бог мой! Особенно в то время, когда веселье только начиналось! Мы мчались на гребне волны, и нам открывались новые горизонты. Мы наконец-то стали получать отдачу, в том смысле что нас признали как музыкантов и наши песни нашли свою аудиторию.

Полагаю, то, как усердно мы взялись за нашу карьеру, может выглядеть нездорово и расчетливо, но наше самолюбие не позволяло нам соглашаться ни на что, кроме самого лучшего. Я всегда считал нас самой лучшей группой. Это звучит слишком заносчиво, но так оно и есть. Когда нам представилась возможность играть вместе с Mott The Hoople, это было здорово, но в тот момент, когда мы закончили тур, я отлично знал, что скоро мы будем заглавной группой на афишах.

Мы не боимся использовать новые идеи. Чего мы действительно избегаем — так это повторения одних и тех же форм. Изначально мы — рок-группа, о чем мы и заявили своим первым альбомом. Второй немного отличался, но те, кто слышал третий, даже не могли подумать, что это опять мы. Понимаете, мы всегда меняем стиль. Мы следуем правилу, что нужно придерживаться той формы, которая работает, так что на новом этапе остается старый стиль, но мы добавляем новые идеи, по мере того как они к нам приходят. Таков принцип. Это касается всего, даже оформления альбомов. Я имею в виду, господа, через что мы только не прошли, чтобы сделать фотографии для альбома *Sheer Heart, Attack*^[6]!!! Дорогие мои, можете себе представить, как нужно постараться убедить других намазаться вазелином, а потом облить их водой из шланга? В результате четыре участника группы выглядят совсем не царственно — загорелыми и здоровыми и такими мокрыми, как будто потели всю неделю. Дело в том, что все ожидали, что новая обложка будет чем-то вроде *Queen III*, но это было совершенно новое. Не то чтобы мы менялись полностью, просто в то время мы переживали переходный этап.

Существует столько направлений, в которых мы можем сочинять нашу музыку. Думаю, что мы просто делали то, что хотели сделать. Мы не угождали общественному вкусу. Мы старались быть в курсе того, что происходит и делать один шаг вперед. Я думаю, в итоге хорошая музыка говорит сама за себя, и я уверен, что мы пишем хорошие песни и отлично их исполняем. Мы часто рисковали, но в большинстве случаев риск был оправдан. Мы всё такие же голубоватые на вид, как и прежде. Мы остались такими же вызывающими, какими были в начале. Мы просто показываем людям, что, помимо гей-имиджа, мы способны и на другие вещи.

Каждый раз, когда приступаешь к записи нового альбома, чувствуешь новый прилив энергии — а мы делаем такие разные альбомы! Это каждый раз как новый проект. Все очень свежо, и это очень стимулирует. Если бы мы появились со старым материалом, уверенные, что публика готова его воспринять, это была бы игра без риска. Мы никогда не осторожничали.

Посмотрите, как мы рисковали, записывая альбом *Hot Space* [1982]. Это было здорово. Мы осваивали разные пространства и пути, поэтому наша энергия была направлена по различным руслам. Мы были всё теми же людьми, но во многих отношениях альбом получился свежим. Я порядком волновался. Попадет ли альбом в черные чарты? Получит ли он признание среди поклонников диско? Мы не знали.

Я помню, когда был выпущен сингл *Another One Bites The Dust* [в 1980 году] и поднялся до первого места в чартах, многие купили его и решили, что мы чернокожая группа. Потом они пришли на наши выступления и обнаружили, что мы все белые.

Я считаю, *Hot Space* был одним из самых рискованных, но публика может положительно реагировать на то, что выходит за привычные рамки. Мне бы осточертело, если бы каждый раз мы придерживались нормы. Я не говорю, что мы всегда правы, потому что это не так. Весь этот танцевально-фанковый уклон был, по существу, моей идеей, и, очевидно, не самой блестящей. Я думаю, этот альбом обогнал свое время, но мы делали то, что считали нужным делать, и чувствовали, что мы правы.

Это очень болезненный процесс, и мы ужасно щепетильны. Бывает, мы забраковываем и не включаем в альбом буквально десятки и дюжины песен, причем некоторые из них очень хорошие. Если людям не нравятся песни, которые мы исполняем в определенный момент, нам на это глубоко плевать. Мы так требовательны к тому, что делаем, потому что нас очень заботит, что мы донесем до слушателя. И если мы записываем потрясающий альбом, мы хотим, чтобы он был укомплектован соответствующим образом. Честно говоря, мы самая привередливая группа в мире.

С каждым разом работать в студии становится все труднее, потому что мы стараемся развиваться, писать песни, которые звучали бы по-новому. Первый альбом писать легко, потому что в голове полно идей, которые хочешь реализовать. Но от альбома к альбому начинаешь думать: «Скажут, что здесь я повторяюсь». Я очень чувствителен к этому.

Нам столько всего хочется попробовать, но мы не можем делать всё одновременно. Это невозможно. Несколько песен, которые мы хотели записать для первого альбома, были

окончательно завершены только к альбому *A Night At The Opera*, хотя для большинства такой стиль работы был бы неприемлем. Нельзя впихнуть все в один альбом. Приходится ждать своего времени.

Мне нравится студийная работа, хотя это самая изнуряющая часть моей профессии. Это так утомляет морально и физически. Она полностью выматывает тебя. Иногда я спрашиваю себя, зачем я это делаю. После записи *Sheer Heart Attack* мы чуть с ума не сошли и решили: «Больше никогда!» И что же в итоге?

После этого альбома мы поняли, что нашли себя. Мы чувствовали, что для нас не существует препятствий и ограничений. В вокальном отношении мы могли превзойти любую группу, и мы решили из кожи вон лезть и, не ограничивая себя ни в чем, действительно делать именно то, что хотим. В каждом альбоме мы немного перебирали, но в этом собственно и есть Queen. В альбоме *A Night At The Opera* [1975] был и все возможные звуки: от тубы до гребенки. Никаких пределов. Как только мы его закончили, то поняли, что теперь можем все.

Я никогда не забуду *A Night At The Opera*. Никогда. Он отнял больше времени, чем любой из четырех первых альбомов. На самом деле мы не стремились к этому. Для нас важнее было сделать альбом так, как мы хотим, особенно после того, как потрачено столько времени и сил.

Это был самый важный для нас альбом, ничего сильнее мы еще не писали. Я знал, что он будет нашим лучшим альбомом. Я был очень доволен оперными штучками. Я хотел добиться какого-то невероятного вокала. К этому времени мы уже записали альбом, который, честно признаемся, был труден для большинства слушателей. Но это было то, что мы хотели сделать. Мы хотели экспериментировать со звуком и иногда использовали три студии одновременно. Фактически на запись альбома ушло четыре месяца. Одна только композиция Брайана *The Prophet's Song* отняла у нас не то две с половиной, не то три недели. Мы хотели записать столько песен! Для разнообразия мы вставляли короткие композиции. У нас была полная свобода, и она была настолько неограниченной, что мы готовы были дойти до крайности. Мне нужно было написать свои песни всего за две недели, так что мы работали как проклятые.

Название *A Night At The Opera* возникло в самом конце записи^[7]. Мы подумали: «Ну вот, все песни готовы, как же мы назовем наш альбом?» Это название должно было объединить весь материал, и тогда я сказал: «Постойте, здесь столько всяких оперных элементов, давайте взглянем с этой стороны». Тогда мы с Роджером придумали название, и оно как раз подошло.

Мы многое узнали о студийной технике и многому научились во время работы над альбомом *A Night At The Opera*, Бедный звукооператор просто измучился, потому что мы требовали максимально возможного уровня записи. В этом отношении мы действительно очень вредные. Мы продолжаем поднимать уровень, двигая вверх фазеры, он в это время смотрит на индикаторы и бормочет: «Это никогда не записать!» Затем мы даем ему задание ехать в Нью-Йорк или еще бог знает куда, говоря: «Убедись, что громче записать нельзя». Это очень тонкая грань, потому что мы всегда хотим выжать как можно больше из музыки, но в то же время нужно следить, чтобы это не было чересчур, иначе страдает все дело. Но наш звукооператор Майк Стоун был молодцом! Этот маленький мерзавец — преотличный парень!

Во многом нам помог успешный мировой тур. Ничего подобного мы раньше не делали. Он многому нас научил. Как надо вести себя на сцене и как подавать музыку. Мы начали с Британии [1974], и к тому времени, как мы достигли Америки, а затем и Японии [1975] с этим же самым шоу, мы были уже совершенно другой группой. Весь этот опыт постепенно накапливался, и когда мы начали работать над «Оперой», многое из того, что мы делали раньше, мы могли теперь делать намного лучше. Мы стали лучше играть.

Мы вообще работаем как черти. Мы работаем, пока не валимся с ног. Я пою, пока мое горло не становится похожим на промежность грифа. Мы разборчивы и щепетильны, у нас очень высокая планка. Если бы мы не могли сделать песню должным образом, мы бы предпочли не делать ее вовсе. Мы самая разборчивая и требовательная группа в мире, и вкладываем столько любви в каждый альбом! Благодаря этому мы до сих пор существуем. Если бы мы выпустили альбом, про который сказали бы: «Это в точности как *Sheer Heart Attack*», я бы сразу же все бросил. Вы бы так не сделали?

Всегда кто-нибудь приходит на сцену после вас, всегда после вас и вашего успеха появляется новое лицо, и это отличный вызов. Я думаю, каждая успешная группа нуждается в этом. Это всегда что-то вроде свежего вливания. Это хорошее соперничество, и мне оно нравится. Я хочу сказать, когда мы начинали, то хотели затмить всех, кого считали чего-нибудь стоящими, и говорили, что можем делать лучше. Всегда будут появляться новые команды, и мы это прекрасно понимаем. Мне нравится чувствовать себя конкурентоспособным. Если они достаточно хороши, то пробьются, несмотря ни на что. Места хватит всем. Разве не приятно, что новые группы считают себя

вашими конкурентами? Потому что, если бы вы были ничем, они бы сказали: «Да пошли они!»

Расцвет всего этого панка [1977] было достаточно трудным периодом для нас, и я думал сам запанковать, но если есть вызов, мы его принимаем, и это помогает нам выживать.

Я никогда не забуду, как мы сидели в студии, записывая песню Sheer Heart Attack, а в соседней студии оказались Sex Pistols. Можете представить под одной крышей нас и это олицетворение самого панк-рока и анти-истэблишмента?! Тем не менее я пригласил Джонни Роттена и Сиды Вишеса послушать одну из наших фонограмм и сказал, что спою одну из их песен, если они исполнят мою. Вы бы их видели! Они заявили что-то типа: «Мы не можем петь с Фредди Меркьюри!» В то время я носил балетные туфли и все такое. Я выглядел забавно. Помню, Сиды Вишеса я назвал Саймоном Фероушесом^[8] или как-то так, и ему это жутко не понравилось. «Ну так как насчет этого?» — спросил я. Он был весь в этих шрамах, и я поинтересовался, не порезался ли он во время бритья, и он возненавидел меня за подобную манеру общения.

Мы не хотим быть скандальными. Это просто сидит в нас. Мы как Сесил Б. де Милль^[9] рок-н-ролла — всегда хотим сделать больше и лучше! Но нужно иметь талант. Иногда я думаю: «Боже мой, они думают, я так много работаю, чтобы вжиться во все это», но это не так. Я бы не смог делать не свое дело. Queen не притворщики. Мы создали определенный образ. Мы не навешивали на себя ярлыков. Мы сказали: «Это Queen! Это наша музыка и это то, как мы себя подаем». Забавно, что никто не вмешивается в создание имиджа Queen, и мы никому не хотим этого позволить. Мы говорим: «Это мы, и это ваше дело, как нас понимать».

То же можно сказать и про нашу экстравагантность и яркость. Мы любим наряжаться. Если вы вживаетесь во что-то, то лишь на короткое время, а мы здесь надолго. Если завтра балет станет развлекательным жанром, а джаз обретет новую волну популярности, мы не изменимся. Мы будем играть нашу музыку, потому что это то, во что мы верим.

Когда песня *Seven Seas Of Rhye* стала хитом [1974], все говорили, что мы сможем отлично заработать, продолжая в том же духе. Мы не хотели этого. Наша сила в музыке. Удивительно то, что мы существуем так долго. Мы умеем меняться, и делаем это с умом. Я знаю, что мы хорошие музыканты. Я знаю, что нам хватит таланта, чтобы оставаться в этом бизнесе столько, сколько мы захотим. К тому же мы уделяем нашей работе больше внимания, чем большинство групп, готовых потеснить нас.

Мы учились на собственных ошибках. Теперь мы не просто приходим в студию и делаем запись — мы отслеживаем весь процесс, чтобы убедиться в том, что все делается именно так, как мы хотим. Все: от оформления обложек наших альбомов до внутренних конвертов, а также переговоры со звукозаписывающими компаниями и менеджмент. Это как взяться за огромный проект. Мы всё еще ссоримся. Мы с Брайаном ссоримся как дети всякий раз, когда оказываемся в одной комнате... Но до драки еще никогда не доходило!

Такие вещи очень трудно выделить, но между нами определенно существует нечто, что удерживает нас вместе. У нас есть роль, которую мы должны играть. Queen — это повозка, которую везут четыре коня, и время от времени один из нас берет на себя ведущую роль. Мы разные по характеру, и поэтому мы вместе. Ни один из нас не похож на другого, у нас разные вкусы, но, когда мы вместе, срабатывает то, что называется «химией». Я не знаю, что это такое. Кто знает? Но это именно то, что нужно. Это то, из чего сделаны хорошие группы... А мы действительно хорошая группа!

Согласитесь со мной, мои дорогие, мы самая ненормальная группа в мире!

Глава третья

The Great Pretender^[10]

*Я часто думаю, что бы сказала
моя мама, увидев мои фотографии,
где я на сцене во всем этом
королевском облачении и с
макияжем, но, как и мой отец, она
никогда не задает лишних вопросов.*

Моя ответственность перед зрителями в том, чтобы сделать хорошее шоу и убедиться, что Queen дали им хорошее, сильное представление. Я должен быть уверен, что я завоевал аудиторию и позволил ей хорошо провести время, — в противном случае концерт не удался. Мне нравится, когда люди уходят с наших концертов довольными, чувствуя, что прекрасно развлеклись. Я знаю, это избитая фраза: «кормить с руки», но мне кажется, чем быстрее я овладеваю аудиторией, тем лучше, потому что это позволяет мне чувствовать, что я контролирую ситуацию. Тогда я знаю, что все идет как надо.

Людям нравится, когда их развлекают всевозможными способами, за исключением одного: когда кто-нибудь просто выходит и, не особенно напрягаясь, поет им свои песни. Мы не из таких. Это слышно и на наших пластинках. Наша сила в том, что мы вчетвером стараемся развлечь вас. Мне нравится, что наши песни могут принимать разное звучание в зависимости от того, что мы хотим донести до вас. Так, например, *Love Of My Life* совершенно не похожа на то, что вы слышали на альбоме. Просто все зависит от того, что мы ощущаем, исполняя эти песни. Или можете себе представить, как бы мы стали исполнять такие вещи, как *Rhapsody* и *Somebody To Love*, в джинсах и майках, без особой подачи? Такое никогда бы не сработало.

Некоторые группы используют фонограмму, но для нас попытка изображать исполнение под запись не работает. Это не значит, что мы первые, кто говорит: «Если мы не можем сделать альбомную вещь вживую, то не будем ее делать совсем». Мы не жульничаем с фонограммами, и что касается *Bohemian Rhapsody*, все сложилось совершенно естественным образом. Сначала мы чувствовали, что не сможем сделать ее на сцене, поэтому просто вставили пару фрагментов из нее в наше попурри. Но потом, когда мы были в Бостоне, я сказал: «Почему бы нам не попробовать сделать *Rhapsody* целиком? Но так, чтобы не

пытаться имитировать игру под фонограмму?»^[11] Мы попробовали пару раз, и у нас получилось. Теперь мы делаем это на каждом концерте.

Я бы сказал, что такие песни, как *Rhapsody* и *Somebody To Love*, в высшей степени студийные вещи — сильные прежде всего своим вокалом, что является мощной стороной Queen. Поэтому *Somebody To Love* — просто убийственный номер для исполнения вживую. Уж поверьте мне, это просто нервотрепка, и, когда мы делали это первый раз, мы спели ее так быстро, только чтобы поскорее закончить. Такие песни нужно особым образом аранжировать. Ну как бы вы воспроизвели на сцене госпел на сто шестьдесят голосов? Никак. Это невозможно.

Насколько я знаю, большинство людей, покупающих наши пластинки, достаточно умны, чтобы понимать, что все вокальные партии исполняем только мы вчетвером. Поэтому они знают, что мы не можем повторить это на сцене, как бы мы ни старались. Для меня важнее передать на сцене атмосферу песни.

Все наши песни приобретают совершенно другую форму, когда мы исполняем их на сцене. Многое из того, что мы делаем, получилось само собой. Гораздо лучше опытным путем прийти к оптимальному способу исполнения песни, чем пользоваться заранее придуманной идеей. В противном случае песни вроде *Crazy Little Thing Called Love* никогда бы не получились.

Многие стараются использовать как можно больше визуальных эффектов. Все выдающиеся исполнители пользовались этим, включая Джими Хендрикса и Rolling Stones. Так и должно быть. Лично мне это нравится, потому что я терпеть не могу просто выйти на сцену и петь. Мне даже нравится немного переигрывать, и я действительно делаю из песни шоу. Мне нравится двигаться, а в каждой песне есть своя энергия, и мне нравится ее показывать. Я хочу сказать, что большинство песен можно исполнить просто сидя на стуле, но тогда они не произведут такого эффекта. В противном случае мы бы установили на сцене наши картонные фигуры и запустили бы свой альбом через усилители.

Меня очень увлекает мысль делать более зрелищные вещи на сцене. Мне нравится такой подход к развлекательному жанру, этакое подобие кабаре. Я обожаю Лайзу Минелли — она просто что-то потрясающее. Но мне приходится соединять это со стилем группы, от этого не отделаться. Это нелегко. Мы немного вызывающи, но достаточно разумны. Это уже не глэм-рок, это бизнес.

В самом начале мы выходили на сцену в черном, что было очень круто. Потом мы для разнообразия стали переодеваться в

белое, и пошло-поехало. Я люблю одеваться убийственно, но со вкусом, мои сценические костюмы — это особое веселье. Вы приходите не просто на концерт, это еще и показ мод. Мне нравится переодеваться во время представления, это все элементы театра. Я выхожу на сцену после гитарного соло Брайана — и зритель знает, что сейчас что-то случится!

Это просто форма роста. Надоедает носить одни и те же костюмы и выглядеть одинаково. Я просто люблю наряжаться. Я прошел от балетного периода до жесткого кожаного образа. Этот кожаный имидж появился после посещения бара в Германии — и, конечно, я ношу это чисто для выпендрежа.

Я люблю кожу. Я воображаю себя чем-то вроде черной пантеры.

В конце концов, мы знаем, что песни говорят сами за себя, и если ваша песня дерьмовая, то она не зазвучит лучше только потому, что на вас замечательная одежда. Я всегда думал: «Ради бога, не принимай себя слишком серьезно!» А для этого лучше всего надеть смешной костюм. Выйти на сцену в балетных тапочках и трико — это прикольно. В то время мне был нужен этот эффект. Я старался вписать это в сценическое действие, дополнить этим музыку, которую мы играли, и если бы это не работало, я бы этого не делал. Кроме того, мне очень нравился костюм Нижинского. Мы всегда делаем шоу, мы не просто перепеваем альбом.

В душе мы все рок-н-ролльщики, но для нас очень важно само представление, а этого как раз и недостает многим группам. Наша группа во многом изменилась, мы растем и взрослеем от тура к туру. Что касается зрелищности, мы очень зажигательная команда. Все наше действие фантастично, и мы идем дальше и делаем еще больше. Каждый новый номер должен быть представлен как музыкально, так и визуально, и нам бы не хотелось подавать его каждый раз одинаково. Нам не нужно много бутафории на сцене, хотя мы используем сухой лед и бросаем в зал цветы. Кстати говоря, мы не используем пар. Один журналист в Нью-Йорке написал, что мы используем пар, и я представил, как мы кипятим чайники за кулисами.

Мы считаем, что концерт должен быть спектаклем, и пресса не раз проезжалась по поводу наших навороченных шоу. Но в этом-то все и дело! Мы хотим сделать шоу, значит, нам необходимо все это море света и сложная система звука. Но все это для того, чтобы сделать музыку лучше. Люди видят, как мы разодеты на фотографиях, и думают: «А! Это всего лишь глэм-рок». Мне очень жаль подобных журналистов, потому что, если бы они удосужились подготовиться к интервью, они бы увидели, что

мы на самом деле из себя представляем.

На сцене я иногда почти перехожу грань. Вам так не кажется? Но я давно научился обращать такого рода вещи в шутку — я смеюсь сам над собой, и зритель принимает это. Я имею в виду: кто бы мог выйти к первым рядам зрителей и плеснуть им в лицо воды или сделать что-нибудь еще в этом роде? Если бы я делал это абсолютно серьезно, тогда это было бы оскорбительно. Но на самом деле это весело. Что помогает мне выживать в любых ситуациях — так это то, что я люблю смеяться над собой. Если бы мы были группой другого плана со всякого рода лозунгами и политическими темами, тогда все было бы иначе. Вот почему я могу надеть смешные шорты и раздавать зрителям полугестаповские приветствия. Это всего лишь китч. Не все это понимают.

Однажды мы играли в Нью-Йорке вместе с Mott The Hoople, и какая-то дотошная особа написала, что, меняя костюм, я успел переодеть даже туфли и носки. И добавила еще, что находилась так близко ко мне, что ей было видно, какого я вероисповедания и что я был без трусов! Ох уж эти журналисты! Они замечают все, вплоть до прыща на твоей заднице! Кстати, мои дорогие, никакой бутылки из-под колы у меня в штанах нет. То, что там выпирает, — мое собственное!

На сцене я чувствую себя необыкновенно сильным, и я полностью растворяюсь в музыке. Это потрясающее и вдохновенное чувство — когда владеешь аудиторией. Но мне никогда и в голову не приходило, что я могу пропагандировать какие-то политические лозунги среди аудитории. Я не мессия — ничего подобного, я не хочу проповедовать. Ничуть. Я не хочу выходить к ним с речами.

В руках кого-нибудь не столь благоразумного подобная власть могла бы быть непредсказуемой. Я мог бы вызвать мятеж, если бы хотел. Иногда приходит мысль: «У меня есть такая власть. Я могу разрушить все!» Ты полон адреналина, ты чувствуешь себя дьяволом, и это здорово, просто здорово! Но я знаю, что никогда не воспользуюсь этим. Я не выхожу каждый вечер на сцену с единственной мыслью: «О! У меня есть власть!» Я слишком хорош для этого, мои дорогие!

Иногда я чувствую себя флейтистом из Гамельна, но мне не хочется думать, что люди настолько глупы. Не думаю, что кто-нибудь пошел бы за мной в реку... Мне бы пришлось тащить этих мерзавцев силком. Моя работа — не учить их, моя работа — делать музыку. Я не хочу в одночасье изменить их жизнь, я не хочу загружать публику лозунгами о мире и всякими подобными вещами. Это эскапизм, я хочу, чтобы они в данный момент

наслаждались моей музыкой, а когда надоест, могли бы просто выбросить эти чертовы пластинки в мусорную корзину. Я ощущаю себя мастером развлечений, и не хочу быть никем больше, потому что они пришли получить удовольствие — вот и все. Для меня развлекать — это главное, и мне нисколько не хочется почувствовать себя в роли политического оратора.

Я очень легкомысленный человек, и мне нравится веселиться, а лучше всего это делать, выступая перед трехсоттысячной аудиторией! Я просто *горю* на сцене! Чувство, которое я получаю от контакта с аудиторией, намного сильнее секса. Мне нравится это возбужденное состояние, и я все время чувствую, что хочу больше — больше, больше, больше. Я просто музыкальная шлюха! Это у меня в крови, но это не значит, что я такой и в реальной жизни. После выступления мне требуется несколько часов, чтобы успокоиться и вернуться к себе настоящему. Моя личность состоит из многих граней, и Фредди на сцене — только одна часть меня.

Иногда я чувствую себя настоящим демоном на сцене. Когда я выхожу туда, я оказываюсь в собственном мире. Я выхожу и отрываюсь. Все, что важно для меня в этот момент, — это реакция публики, и я чувствую временами, что мог бы выйти к публике и вызвать восторг просто тем, как Фредди Меркьюри выделяется и дурачится.

Я настолько всемогущ на сцене, что мне кажется, я создал монстра. Когда я выступаю, я абсолютный экстраверт, хотя на самом деле я совсем другой человек. На сцене я просто мачо, секс-символ и я очень самоуверен, из-за чего многие меня неправильно воспринимают. Но в жизни я не такой. Они не знают, какой я на самом деле. Люди думают, что я чудовище. Какие-то девицы однажды зашипели на меня на улице: «Ты дьявол!» Они думают, что я действительно ужасен, но это только на сцене. За сценой? Нет, я определенно не монстр. Конечно, моя эксцентричность на сцене, которая заставляет меня без устали скакать и перевоплощаться, — моя природная черта, но люди не понимают, что за этим кроется гораздо большее. Они ждут, что я и в личной жизни такой же. Они говорят: «Давай, Фредди, блесни! Растормоши нас!»

Кажется, люди думают, что, если я скачу сломя голову по сцене, я также ношусь и по жизни. Но это не так. Это представление о том, что я живу крайностями, сильно преувеличено. В принципе я лишь чуть-чуть выхожу за норму, но я не все время взведен. Я не живу как камикадзе. Я экстравагантен, у меня полно энергии, и мне просто нравится все делать быстро. Я могу очень долго не спать, это моя натура. Но,

знаете, мой сценический образ заставляет публику думать, что я и за сценой живу так же. Если бы это было так, то я бы уже давным-давно умер.

Я не хочу, чтобы люди говорили, что видели меня на улице и я вел себя точно так же. Нет, нет и еще раз нет — они должны видеть, что человек способен изменяться. Это внутренний дар. Это то, что делает вас особенным. То, что вы изображаете на сцене, невозможно повторить у себя дома на кухне, в домашней обстановке. Нужно стать другим человеком, чтобы выстроить свой особый сценический образ. Иначе не будет никакой разницы между вашим выходом из дома и выходом на сцену.

Давно прошли те дни, когда я чувствовал, что должен поддерживать образ Фредди Меркьюри вне сцены, потому что люди ждали этого от меня. Я обнаружил, что можно стать очень одиноким, если это делать; так что я совсем не боюсь быть вне сцены самим собой — возможно, слишком скучным и обыкновенным для окружающих. Дома я джинсово-маечный человек. На самом деле многие люди, когда знакомятся со мной, бывают очень разочарованы, потому что ожидают, что я буду такой же, как на сцене. Но я живой человек, и я хочу, чтобы люди понимали, что я могу быть плохим и хорошим, как и любой другой. У меня те же чувства и те же вредные привычки, я думаю, что люди могли бы предоставить мне такую свободу. Мне нравится быть самим собой, и мне сто раз плевать на то, что говорят другие.

Я хочу, чтобы люди составили собственное мнение обо мне и моем имидже. Я не люблю, когда мне приходится говорить: «Я — *вот* кто такой». Я думаю, что таинственность, незнание правды о ком-то очень привлекает, и последнее, что бы я сделал, — дал бы понять, какой я есть на самом деле. Именно поэтому я разыгрываю эту бисексуальность, потому что это еще и забавно.

Конечно, я веду себя вызывающе, провокационно, театрально и эксцентрично, но я не *выбирал* этот образ. Я такой, какой я есть, и на самом деле я далеко не всегда ударяюсь в крайности. Я бы пошел против себя, если бы отказался от макияжа только потому, что некоторые считают это неправильным. Даже упоминание о гомосексуальности было непристойным и оскорбительным, но те времена прошли. Сейчас много свободы, и можно выражать себя как угодно.

Мне всегда хочется, чтобы зрителей было как можно больше. Чем больше, тем лучше! Мне кажется, что любой, кто хочет достичь успеха, и тем более тот, кто его уже достиг, хочет выступать перед огромной аудиторией, и я не боюсь честно в этом признаться. Я хочу, насколько это возможно, достичь

максимальной аудитории, и чем больше, тем веселее. Я бы хотел, чтобы весь мир слушал мою музыку, и я хочу, чтобы все слушали и смотрели на меня, когда я на сцене.

Выступления в качестве группы разогрева были самым болезненным опытом в моей жизни. Когда выступаешь в поддержку в туре другого артиста, тебя очень сильно ограничивают. Ты не получаешь собственного освещения, достаточного времени, необходимых эффектов. У тебя нет возможности показать публике, на что ты действительно способен, когда твое имя не главное в афишах и когда ты не знаешь, пришли ли эти люди посмотреть именно на *тебя*.

Впервые мы поехали в Америку в поддержку Mott The Hoople, и этот тур стал пробой сил. Мы прочувствовали Америку и поняли, что от нас потребуется, когда мы приедем сюда в следующий раз. Мы верили, что главное — музыка, а не трюки, и мы знали, что наша музыка имеет нечто совершенно уникальное: оригинальность и многосторонность. Наша звукозаписывающая компания в Америке [Elektra] рекламировала нас как «новейшее открытие». Они предлагали: «Обязательно послушайте! Это британский рок в великолепных традициях».

У нас было несколько неудач. Мы выступали в поддержку только что вышедшего альбома *Queen II*, но в самый разгар тура Брайан заболел гепатитом. На самом деле он был болен уже шесть лет, но не знал об этом. Тем не менее прекращение гастролей было для нас шоком, и мы восприняли это как большое поражение. Однако нам удалось продержаться еще месяц, и, если бы мы не сделали этого, никто, возможно, и не узнал бы о нашем существовании. Безусловно, полный тур помог бы нам намного больше, но мы никогда не считали, что «упустили свой шанс». Мы знали, что время было на нашей стороне и что скоро мы опять туда вернемся. Вы бы только видели отзывы в прессе; они были великолепны, и все хотели нашего скорейшего возвращения.

На следующий год, закончив европейский тур, мы вернулись в Америку, и это был по-настоящему сильный удар. Тур длился два месяца, и тогда-то со мной случилась эта неприятность. У меня были проблемы с голосом, но я думал, что это просто фарингит. Горло действительно болело, особенно после того, как мы дали шесть концертов за четыре вечера. Но на моих голосовых связках начали образовываться узлы. Я отправился к специалистам, и они заговорили об операции. Они собирались выжечь узлы лазером. Но они не были уверены, что обойдется без осложнений, которые могли бы быть очень опасными. В конце концов они сказали, что мне следует прекратить петь, если я не хочу совсем остаться без голоса. Они не на шутку напугали меня,

и мы были вынуждены отменить достаточно много концертов.

Казалось, что неудачи просто преследовали нас в Америке. Там же во время нашего тура в 1975 году какая-то молоденькая американская шлюшка залезла ко мне в номер и стянула мои драгоценности и браслеты. Она как раз выскакивала из комнаты, когда я накрыл ее у лифта. Я схватил ее за волосы, затащил обратно в номер и вытряхнул содержимое ее сумочки — и чего там только не было! Я забрал свои вещи и сказал: «Проваливай, сизтловская сучка!»

Годом позже моя многообещающая карьера едва не закончилась. Две юные девицы на выходе из театра решили заполучить мой шарф в качестве сувенира. Они совершенно забыли, что в тот момент он был обмотан вокруг моей шеи, и чуть было не задушили меня. Я уверен, что Ее Величеству не приходится терпеть подобное обращение, но ведь она никогда не попадала в музыкальные чарты, не так ли?

Мне всегда нравилось гастролировать в Японии, особенно все эти гейши-девочки — и мальчики. Мне нравится там: образ жизни, искусство. Великолепно! Я бы хоть завтра вернулся туда, если бы мог. Мы знали, что будет классно, как только приземлились. Мы шли по зданию аэропорта и не верили своим ушам: они остановили трансляцию объявлений о полетах и вместо этого запустили нашу музыку. Это просто невероятное чувство — прибыть в страну, где уже полно твоих поклонников, — мы так мечтали дожить до такого времени.

В то время *Queen II* был признан альбомом года, и истерия началась с самого нашего появления там; беспорядки в аэропорту, телохранители — прямо как во времена битломании. Организация была просто волшебной, и мы наслаждались каждой минутой нашего пребывания там. Но нам требовалась защита, потому что как только мы спускались в фойе гостиницы, нас тут же окружала толпа очень приятных людей, ждущих автографов. У каждого из нас был личный телохранитель, моего звали Хитами. Он был начальником токийской службы телохранителей, и вся его работа заключалась в том, чтобы холить меня и лелеять во время всего тура и заботиться о том, чтобы ни один волос не упал с моей головы. Он был очень мил и подарил мне японский фонарь, которым я очень дорожу.

Мы также ходили на чайную церемонию, вроде той, где бывала королева — я помню, как она поморщилась после пары глотков. Вообще-то это очень крепкий зеленый чай и горький как черт знает что! Его полагается выпить за три глотка. После этого нам был устроен прием, и все крупные японские бизнесмены присутствовали на нем, а также британский посол со своей

супругой. Она сказала нам: «Мы ходили на концерт Led Zeppelin, но это было так громко!»

На концертах я не мог поверить в эти толпы, которые подпрыгивали, раскачивались и пели. Нам очень повезло: везде, где мы выступали, нам оказывали такой же прием — аудитория везде была настроена на хороший контакт. Позже, когда мы исполняли *Love Of My Life*, зрители инстинктивно почувствовали, что должны петь вместе с нами. Это потрясающее зрелище. Мне не нужно было ничего им говорить, они сами знали что делать. Я люблю, когда публика так реагирует. Может быть, иногда нам хотелось бы, чтобы они сидели и слушали, но я лично получаю намного больше, когда публика заводится, — это заставляет меня стараться изо всех сил.

Да, это был тяжелый тур, но он в одночасье перевел нас в совершенно другую категорию. Эти гастроли были нам необходимы: после них мы могли сделать тур по Британии на наших собственных условиях — так, как мы хотели. Начать с того, что под нас заранее были заказаны средние залы, но к тому времени у нас вышел новый альбом и мы успели несколько раз засветиться на телевидении, — и все пошло-поехало. Я думаю, если бы мы подождали, то могли бы получить большие залы, — это был просто вопрос времени. Но я рад, что мы сделали наш тур именно тогда, хотя это и было физически и морально очень тяжело.

Это здорово — гастролировать и выходить на сцену перед аудиторией, которая никогда прежде тебя не видела. Приходится начинать все с самого начала и каждую песню исполнять словно в первый раз, и это приятно. Приходится также использовать все свои старые хитрости, потому что всегда хочется вызвать реакцию у тех, кто пришел на тебя посмотреть. Я контролирую ситуацию, и я знаю, что у меня есть приемы, которые вызовут определенную реакцию у публики. Как-то я подумывал над тем, чтобы меня, обмахивая опахалами, вынесли на сцену нубийские рабы. Я даже собирался устроить просмотр и отобрать победителей. Но где найдешь нубийских рабов?

Вообще говоря, люди ждут зрелища, они ждут шоу-бизнеса и хотят видеть, как ты уносишься в своем лимузине. Именно поэтому мы рассматриваем наши альбомы и концерты как две разные сферы нашей деятельности. То, что ты испытываешь в студии, совершенно отличается от того чувства, которое охватывает тебя на сцене перед публикой, где ты можешь позволить себе полностью раскрепоститься. Мы установили для себя очень высокую планку, и 99 % аудитории может не согласиться с нашей оценкой концерта. Мы все кричим и орем

друг на друга, разносим гримерку и выплескиваем свою энергию. Мы скандалим по поводу и без повода, мы спорим из-за всего, даже из-за воздуха, которым дышим. Однажды Роджер был в таком прескверном настроении, что швырнул свою чертову ударную установку через сцену. Эта штукавина только чудом не попала в меня — а так бы запросто могла меня убить. В другой раз Роджер в крохотной душной гримерке случайно брызнул лаком для волос прямо в лицо Брайану, и они чуть не подрались. Хотя было весело!

Я думаю, теперь уже Queen нашли собственное выражение. Америка убедилась, что мы хорошая группа, а за ней и Япония, ведь мы были супергруппой в Японии. Я ничуть не смущаюсь, говоря об этом. Мы могли переплюнуть любого, и мы сделали это нашей музыкой. Мы знали, что если будем делать просто что-нибудь гармоничное, то превратимся в Beach Boys, если ударимся в тяжелый рок, то станем Led Zeppelin. Но нам всегда нравилось запутывать слушателя и доказывать, что мы ни на кого не похожи. Уж если на то пошло, так у нас гораздо больше общего с Лайзой Минелли, чем с Led Zeppelin. Мы скорее принадлежим к развлекательной традиции, чем к рок-н-рольной. У нас есть свое лицо, потому что мы объединили все то, что теперь и называется Queen. Вот этого-то, кажется, люди и не понимают.

Мы все время учились, мы понимали, что хороши настолько, насколько хорошим получилось наше последнее представление. Мы все хотели достичь совершенства и сделать наше шоу идеальным. Такие вещи не всегда получаются. Часто бывало так: я удаляюсь со сцены, чтобы сменить костюм, и, еще не успев переодеться, слышу, что Брайан вдруг заканчивает гитарное соло, так что мне приходится бросаться обратно полуодетым. Я не раз оказывался в подобных ситуациях.

Мы чувствовали, что, пока мы нацелены на новые достижения и освоение новых пространств, мы держим нашу удачу и должны продолжать. Нас не пускали в Россию: думали, мы развратим молодежь или что-то в этом роде. Мы хотели играть там, где рок-музыка никогда прежде не исполнялась. По этой причине мы отправились в Латинскую Америку [1981] и в итоге открыли Южную Америку всему миру. Кстати, если прорваться туда, можно заработать приличные деньги.

На самом деле мы поехали в Южную Америку, потому что нас пригласили. Им нужны были четыре благоразумных парня, играющих приятную музыку. К концу тура я хотел купить весь континент и назначить себя президентом. Мы уже давно думали о большом южноамериканском турне. Но гастролирующие Queen — это не только сама группа. Сюда входит огромный штат

персонала, и это стоит больших денег. В конце концов мы сказали: «К черту деньги, дорогуши! Давайте немного поживем!»

Я много знал об Аргентине, но никогда не думал, что и мы там хорошо известны. Я был поражен реакцией аргентинцев на наш приезд. Мы все ужасно нервничали, потому что не могли рассчитывать на мгновенную любовь от незнакомого слушателя. Не думаю, что им доводилось когда-либо видеть столь грандиозное представление со всем этим освещением и прочими эффектами, которые мы используем.

Целая толпа журналистов со всего мира приехала освещать наши выступления в Аргентине и Бразилии. В Сан-Паулу мы выступали перед 120000 зрителей в один вечер и перед 130000 — на следующий день. Такого раньше здесь никогда не было, и все это было ново для них. Они беспокоились, что при таком огромном скоплении народа концерт может превратиться в политическое событие, и они умоляли меня не петь *Don't Cry For Me Argentina*^[12]. Для нашей охраны был выделен «отряд смерти» — команда тяжело вооруженной полиции, которая действительно запросто бы начала убивать людей, если бы толпа стала неуправляемой. И прежде, чем мы вышли на сцену, там уже выстроилась целая армия со штыками наготове.

С места на место нас перевозили на военных бронированных автомобилях, обычно применявшихся для защиты от бунтовщиков. Дорогие мои, это была самая захватывающая часть тура. Впереди нас следовали шесть ревущих полицейских мотоциклов, маневрирующих на улицах, ныряя и выныривая из толпы, прокладывая путь сквозь поток машин. В фургоне были отверстия, через которые полицейские могли высовывать свои автоматы; а в нем мы — вопим изо всех сил и хохочем на весь стадион. Фантастика!

Рио в 1985 году был великолепен. Это захватывающее чувство — держать всю эту толпу буквально на ладони. Во время исполнения *Love Of My Life* я стоял еле сдерживая слезы и чувствуя комок в горле — то же самое я испытываю от *The Last Night Of The Proms*^[13].

Вот что значит солнечная страна! Это была замечательная аудитория, и мне понравилось, как они выражали свои эмоции.

Иногда эта публика слишком возбуждалась, и однажды произошла стычка между кем-то из толпы и оператором. Это случилось во время исполнения *I Want To Break Free*. В клипе на эту песню мы все переодеты женщинами, поэтому я вышел на сцену с накладными буферами под майкой и с пылесосом в руках, и народ немного сошел с ума. Сначала я подумал, что мои сиськи слишком велики для них. Дело в том, что, когда я нацепил их в

первый раз в начале тура, в Брюсселе, кто-то из обслуживающего персонала заметил, что с задних рядов их заметят, только если они будут в два раза больше, чем у Долли Партон. Поэтому в этот раз на мне были буфера побольше. Не знаю, почему их так завело мое переодевание в женщину; там полно трансвеститов: достаточно выйти на улицу — они там на каждом углу.

Конечно же, я переоделся, чтобы не провоцировать их и не быть побитым камнями как царица Савская, но я не отказался из-за них от своих сисек!

Я единственный хотел прекратить гастролирование и изменить цикл, в котором мы уже так долго находились. Если продолжать ездить по миру с концертами, то я хочу делать это в совершенно другой манере — я сыт по горло всеми этими грандиозными световыми и сценическими эффектами. Я не уверен, что в моем возрасте стоит прыгать по сцене в трико, как раньше. Говорю вам честно, после каждого выступления я чувствовал себя так, словно пробежал марафон. У меня были синяки по всему телу.

Перед гастрольями Magic Tour [1986] я действительно очень переживал, потому что знал пределы своих возможностей и думал, что публика ждет от меня того же, что я делал всегда. Я подумал: «Боже мой! Я опять должен пройти через все это!» Но коль скоро тур начат, поздно идти на попятный. Это уже не то время, когда я мог делать что угодно, зная, что мне все сойдет. Теперь все начеку.

Я набрал немного веса, войдя в средний возраст, так что, когда люди это увидят, меня начнут называть Фэтти^[14] Меркьюри. Я подумал обо всем этом и убедился, что я полностью в форме. Но то, как ты себя чувствуешь перед туром, ни о чем не говорит; в какой ты на самом деле форме, ты узнаешь, только отработав первый концерт, а тогда уже поздно что-либо менять — весь тур уже спланирован, все залы заказаны.

Мы всегда думали, что если мы не можем провести концерт так, как мы того хотим, то его вообще не стоит делать. Хуже нет, как отработать концерт и извиняться за него потом. Полное дерьмо. Если уж делаешь представление, так должен держаться до конца.

Я действительно беспокоился, что теряю голос. Чем больше я отрабатываю вокала в студии, тем больше я должен показать на сцене, иначе скажут: «А! Он может это только благодаря студийным эффектам!», — терпеть этого не могу.

Мне нравится быть свободным на сцене, и я не прочь побегать по ней, но, когда я увидел декорации для Magic Tour, я подумал: «О мой бог! И что мне с этим делать? Мне, пожалуй, понадобятся

ролики, чтобы обежать эту сцену». Я не хотел никого подводить, поэтому тут же решил отменить тур. Но это были только мысли. Я все равно понимал, что должен идти и тренироваться, и в конце концов я сказал себе: «Черт побери! Я просто *заставлю* себя это сделать». И вот я немного поотжимался и после первых трех-четырех концертов, показавшихся мне сущим адом, мои мышцы начали работать, и потом уже все было прекрасно. Я рад, что сделал этот тур, потому что он оказался одним из самых успешных за всю нашу карьеру, и я рад, что решился на это.

Проблемы с голосом начались у меня уже в первые годы наших гастролей, потому что мы обычно делали очень напряженные туры, иногда давая еще и дневные представления. Можете представить, что я делаю еще и дневное представление? Закончилось тем, что у меня появились узлы на связках — этикие мозоли, наросшие в горле, и время от времени они плохо сказывались на моем вокале. Это результат перенапряжения голоса, и, если у вас появились эти узлы, от них уже невозможно избавиться.

Был один случай, кажется в Цюрихе, когда я на самом деле остался без голоса на сцене. Я подумал: «Бог мой! Что же теперь делать?» Я с трудом мог вообще говорить, ничего не выходило, и это было просто ужасное чувство. Обычно я умею притвориться, но притворяться можно до определенной степени — дальше уже просто смешно. Я сказал себе: «Да пошло оно все!» и ушел, бросив троих на сцене. Никогда раньше я не подводил так публику. Так или иначе мне всегда удавалось отработать выступление целиком. Но мне пришлось это сделать, я был просто никуда не годен. Этот случай до сих пор преследует меня как кошмарный сон. Если такое произошло однажды, оно может повториться снова.

Иногда мы используем сухой лед, и бывает, что жар от световой установки не дает ему подняться, и мне приходится петь сквозь этот туман. Это всего лишь гастрольные накладки, но они достаточно досадны, особенно когда нужно брать высокие ноты. Вместо этого поешь на октаву ниже, потому что не хочешь рисковать и каркать как ворона. В нескольких случаях я открывал рот — и ничего не выходило. Остальные парни все понимали, но что они могут сделать? Ведь не станут же они орать на меня: «У тебя *должен* быть голос!» Они очень мне помогали. Когда я доходил до высокой ноты, бывало, я просто открывал рот, а ноту брал Роджер. Роджер очень хорошо поет, и Брайан тоже. Они выручали меня, когда было нужно.

Я так и не избавился от этих узлов на связках, поэтому мне приходится воздерживаться от красного вина и делать распевки,

которые я называю оперными пародиями. При этом я делаю их голым, потому что тут есть одна пикантность. В одежде это не помогает, так что я пою нагишом.

Я посещал многих специалистов, думаю, я перевидал их всех. Но они всегда советуют мне просто отдохнуть и отказаться от гастролей или лечь на операцию. Я уже почти согласился на операцию, но мне не понравился доктор, и мне стало немного не по себе, когда я представил, что мне в горло засовывают все эти странные инструменты.

Мне всегда грустно и тоскливо, когда тур заканчивается. Ты вдруг опять оказываешься дома и должен заставить себя вернуться к размеренному образу жизни. Опять самому себе заваривать чай — а я привык к тому, чтобы обо мне заботились.

И вообще, мне хочется, чтобы люди воспринимали меня как человека, который поет свои песни и делает это на совесть. Мне нравится, когда люди уходят с концерта Queen довольными, с чувством хорошо проведенного времени. Это чистой воды эскапизм — все равно, что посмотреть хороший фильм. После этого каждый уходит, говоря, что это было здорово, и возвращается к своим проблемам.

Глава четвертая

The Masterstroke ^[15]

*Нас и раньше вынуждали идти
на компромиссы, но мы никогда не
соглашались резать наши песни.*

На самом деле я уже очень давно хотел сделать что-то такое вроде *Bohemian Rhapsody*. Не то чтобы я слишком раздумывал над этим во время записи предыдущих альбомов, но, когда мы подошли к четвертому альбому, я почувствовал, что готов это сделать.

На самом деле это были три песни, и я просто соединил их вместе. Я всегда хотел сделать что-нибудь оперное, что-то задающее настроение в самом начале, потом переходящее в роковую вещь, которая внезапно прерывает оперную часть — хитрый трюк — и затем возвращается к исходной теме. Честно говоря, я не очень силен в опере: знаю несколько произведений. Я хотел создать нечто в этом направлении, что, как мне казалось, было по силам Queen. Я не говорю, что это настоящая опера, ни в коем случае, это не сжатая версия «Волшебной флейты». Я не утверждал, что я поклонник оперы и что я разбираюсь в этом жанре, я просто хотел сделать оперу в рок-н-рольном ключе. А почему бы и нет? Получилось настолько хорошо, насколько позволяли мои ограниченные возможности.

Мне нравится думать, что мы вышли из рок-н-ролла, зовите это как хотите, и что нас ничего не сдерживает. Все открыто, особенно сейчас, когда все стараются попробовать себя, осваивая новые территории. Как раз это мы и старались делать на протяжении многих лет. Никто не пытается экспериментировать с балетом. Это звучит шокирующе и экстремально, но я уверен, что придет время, когда это будет в порядке вещей. Именно это я и попробую сделать — не получится так не получится, попробую что-нибудь другое.

Над *Rhapsody* пришлось много думать, она появилась не из воздуха. Для некоторых песен просто необходим подобный помпезный стиль. Я работал как сумасшедший. Я очень хотел сделать такого рода песню. Я специально кое-что изучил. Хоть это и было несерьезно, псевдоопера, тем не менее я хотел, чтобы она стала по-настоящему композицией Queen. Мне очень нравятся оперные вещи. Мне хотелось создать потрясающие вокальные партии, потому что нас постоянно сравнивают с другими, что

очень глупо. Если послушать оперную часть, станет очевидно, что здесь не может быть никакого сравнения, чего мы и добивались.

Хотите, чтобы я раскрыл несколько профессиональных секретов? Ладно. На самом деле это была колоссальная задача, поскольку композиция соединяла в себе три отдельные секции. Каждая требовала огромных усилий. Оперная секция в середине оказалась самой трудоемкой, потому что мы хотели воссоздать грандиозное оперное звучание силами всего троих поющих — Брайана, Роджера и меня. Это подразумевало многослойную запись и многое другое. Думаю, втроем мы создали эффект хора в 160–200 голосов.

Там нужно было сделать партию «No, no, no!» — такая эскалация; так вот, мы втроем делали это «No, no, no, no, no, no, no!» раз, наверное, сто пятьдесят. Тогда были только 16-дорожечные студии. Теперь есть и 24- и 36-дорожечные и даже больше. Для этой песни нам приходилось делать множество наложений с шестнадцатью дорожками, мы записывали и записывали один трек поверх другого, так что пленка становилась абсолютно прозрачной и больше уже просто не могла выдержать. Я думаю, она даже порвалась в двух местах.

Это была *огромная* работа. Я все это держал в голове и заставлял Роджера, Брайана и Джона играть такие партии, что они просто удивлялись: «Что это вообще такое?» Это были, например, такие куски: один аккорд и затем длинная пауза, и они все говорили: «Это же смешно!» Но я-то представлял, куда встанет каждый кусочек. На эту запись ушла уйма времени.

Я развею некоторые иллюзии. Это была всего лишь одна из песен, написанных мной для этого альбома, — просто часть моего песенного материала. Я почти отказался от этой песни еще в самом начале работы над ней, но потом она все-таки во что-то превратилась.

Тогда мы переживали очередной этап нашего развития. Думаю, время и удача были на нашей стороне. Это был период альбома *Night At The Opera* [1975], когда мы сочиняли как сумасшедшие. Была жажда работы — азарт, воодушевление, постоянная борьба, что было очень здорово. У нас было столько идей. Да, по правде говоря, мы немного перестарались с этим альбомом — впрочем, как и со многими другими. В определенных случаях мы всегда чувствуем, что заходим слишком далеко. Но с чем-то стоящим нестрашно и перестараться!

Многие критиковали *Bohemian Rhapsody*, но вы можете ее с чем-нибудь сравнить? Назовите мне хоть одну группу, которая сделала оперный сингл. Я никого не припоминаю. Но мы создали оперный сингл не потому, что этого до нас никто не делал,

просто так получилось.

Rhapsody была целой эпохой, и она была очень своевременной. Было очень подходящее время для такой композиции. Честно говоря, если бы мы выпустили ее сегодня, не думаю, что она бы стала таким большим хитом. Я не скромничаю; тогда мы почувствовали необходимость сделать что-то такое возвышенное. Я просто думаю, что если бы эта вещь не была написана тогда, то сегодня я бы ее уже не смог написать, потому что чувствую сегодняшнюю атмосферу. Поэтому я пишу такие песни, как *Body Language* [1982]. Я не считаю, что *Body Language* ниже по достоинству, чем *Rhapsody*, если вы понимаете, что я имею в виду. Я думаю, обе эти вещи по-своему хороши.

Если кто-нибудь думает, что из-за огромного успеха *Bohemian Rhapsody* я вдруг вернусь к ней и выпущу римейк, то он сильно ошибается. Я не собираюсь этого делать ни при каких обстоятельствах. Необходимо каждый раз придумывать что-то новое, своевременное. Если у тебя не получается придумать чего-то нового, когда это нужно, лучше вообще об этом забыть. Нельзя жить прошлым, и я не могу жить одной *Bohemian Rhapsody*.

Мы сочиняем песни, а не синглы и альбомы. Мы лишь отбираем лучшие вещи из массы. И смотрим на них как на целое, чтобы альбом получился хорош целиком. В случае с *Bohemian Rhapsody* нам показалось, что это очень мощная вещь, и мы выпустили сингл. Но об этом было много споров. Кто-то предлагал подрезать ее, потому что на радио считали, что наш сингл должен укладываться в три минуты, но резать эту вещь бессмысленно — она просто не сработает. Мы хотели выпустить ее и показать, что такое сегодняшние Queen. Вот наш сингл, и скоро вы получите весь альбом!

Выбор сингла — всегда нелегкая задача. Ты никогда не скажешь с уверенностью, что какая-то песня станет стопроцентным хитом. Я бы сказал, что такие вещи, как *Rhapsody*, — достаточно большой риск, но это сработало. Мы начали задумываться о выпуске сингла в самый разгар работы над альбомом *A Night At The Opera*, Было несколько вариантов. Сначала мы подумывали о *The Prophet's Song*, но потом нам показалось, что *Rhapsody* — как раз то, что нужно.

С самого начала это было рискованно. Людям на радио она не нравилась изначально, потому что была слишком длинной, а звукозаписывающие компании говорили, что не смогут продать ее в таком виде. После того как я соединил три песни в одну, они хотели, чтобы я снова ее разрезал. Можете себе это представить? Радиостанции могли отказаться транслировать шестиминутный трек. Многие говорили: «Вы с ума сошли! Никто не будет это

ставить в эфир. Вы услышите только первые несколько аккордов, а потом они уменьшат громкость и потихонечку ее вырубят». Нам приходилось много ругаться. ЕМІ была в шоке... «Шестиминутный сингл! Да вы шутите!» Но все получилось, и я очень рад.

Было много разговоров о том, что ее нужно подрезать, чтобы она пошла в эфире, но мы были твердо уверены в том, что эта вещь станет хитом только в том виде, в каком она написана. Нас и раньше заставляли идти на компромиссы, но мы никогда не соглашались резать наши песни. Зачем делать то, что убьет песню? От нас хотели, чтобы мы сократили ее до трех минут, но я сказал: «Ни за что! Или она выйдет целиком, или не выйдет вообще! Либо все остается как есть, либо забудьте об этом!» Либо это будет наш провал, либо люди, услышав *Rhapsody*, пойдут и купят ее, и тогда она станет хитом. К счастью, она стала суперхитом.

Между нами существует единодушие. Иначе бы мы не победили. Мы приняли правильное решение в случае с *Bohemian Rhapsody*, но это совсем не означает, что мы всегда правы, потому что это далеко не так. Все могло выйти совсем иначе, дорогие мои.

Это была сильная вещь, и она стала суперхитом на континенте. Это было как взрыв вулкана! Этот сингл разошелся тиражом в миллион с четвертью экземпляров в одной только Британии, что само по себе потрясающе. Только представьте, как от него балдеют старушки!

Мне вообще нравится рисковать. Без этого не получится хорошей музыки. Мы всегда шли на риск. Только так можно показать людям, что мы верим в себя и в наши песни. Я чувствовал, что *Rhapsody* ждет успех, что она заслужит большое признание. Эта песня была построена на крайностях, и, я думаю, ее успех либо провал зависели от этих крайностей. Безусловно, она стала для нас прорывом и вывела нас на более широкий музыкальный рынок. Действительно, я думаю, наша музыка становится все более разнообразной, так что мы можем удовлетворить более широкую аудиторию. На наши концерты стала приходиться публика разного возраста.

Мы всегда ходили по краю. Мы записали *Queen II* в 1974 году. На этом альбоме мы исполнили столько экстраординарных вещей, что люди начали говорить: «Самолюбование, слишком много вокала и вообще всего слишком много!» Но это и были Queen! После *Bohemian Rhapsody* все, кажется, поняли, что в этом-то и заключается Queen. Наконец-то это поняли!

Люди, кажется, действительно воспринимают эту песню как

наше наивысшее достижение, потому что рассуждают так: «Как же Queen собираются после этого продолжать?» Но это если смотреть с коммерческой точки зрения. Да, это один из подходов, но, думаю, что касается сочиненных нами песен и студийной техники, мы уже намного превзошли сами себя.

Меня до сих пор спрашивают, о чем же на самом деле *Bohemian Rhapsody*, и я отвечаю, что не знаю. Я думаю, это развеивает миф и разрушает таинственность, придуманную людьми. *Rhapsody* — одна из тех вещей, которые дают простор воображению. Мне кажется, ее просто надо послушать, подумать и открыть какой-то свой смысл.

Я действительно терпеть не могу разбирать свои песни до последнего слова. Никогда не спрашивайте меня о моих стихах. Часто задают вопрос: «Почему вы написали такие-то стихи и что вы хотели этим сказать?» Я не люблю объяснять, о чем я думал, когда сочинял песню. Эти объяснения ужасны. И это все совсем не то.

Мне не нравится анализировать тексты. Я предпочитаю, чтобы слушатели вкладывали в них собственный смысл — и понимали их, как им нравится. Я просто пою свои песни. Я сочиняю их, записываю и выпускаю, а там уж пусть покупатель решает, как их интерпретировать. Это не наше дело — выпускать музыку с готовыми ярлыками. Было бы невыносимо скучно, если бы все было разложено по полочкам и каждый бы всегда точно знал, где и что лежит. Мне нравится, когда люди составляют собственное мнение. Если бы мне пришлось анализировать каждое слово в своих песнях, это было бы очень скучно для слушателей и могло бы разрушить некоторые иллюзии.

Думаю, эта песня стала для нас своего рода точкой отсчета. По крайней мере, я так это вижу. Для нас вдруг открылось новое пространство, и я подумал, почему бы этим не воспользоваться? Поехали! И мы вдруг стремительно понеслись. Иногда ты летишь с бешеной скоростью — и проносишься мимо того, что создал.

Конечно, в определенном смысле, я горжусь *Bohemian Rhapsody*. Я горжусь многими вещами, но больше всего я горжусь тем, что я все еще в группе после стольких лет. Это самое главное, если честно!

Глава пятая

An Amazing Feeling^[16]

Часть первая

Когда я ребенком пел в хоре в Индии, мне просто нравилось петь. Я не рассматривал это как свою будущую карьеру, я никогда не задумывался об этом. Потом я понял, что на самом деле могу сочинять песни и делать свою собственную музыку. Я обнаружил, что могу делать это по-своему. Я вдруг почувствовал вкус успеха, и он мне понравился.

У меня нет правил, как сочинять песни. Все происходит случайно. Некоторые песни пишутся быстрее других. Я никогда не сажусь за пианино со словами: «Так, мне нужно сочинить песню». Нет. Сначала у меня появляется какое-то чувство, потом возникает идея — и тогда я начинаю сочинять. Это трудно объяснить, но у меня в голове всегда полно различных идей. Некоторые вещи складываются сами собой, но над другими приходится много работать. Это звучит самоуверенно, но такая вещь, как *Killer Queen*, получилась буквально за один день. Просто все встало на свои места, как это бывает со многими песнями. Ночью в субботу я нацарапал впотьмах слова песни, на следующее утро собрал их вместе, проработал с ними все воскресенье — и получилась песня. Однако над стихами других песен пришлось попотеть. Так, например, чтобы завершить *The March Of The Black Queen* [1974], песню с нашего второго альбома, потребовалась целая вечность. Я хотел придать ей абсолютную выразительность.

Известно, что я имею обыкновение набрасывать текст песни прямо среди ночи, иногда даже не включая свет. Я пишу песни по-разному — в зависимости от настроения, и мне это нравится. *Crazy Little Thing Called Love* [1979] я написал в ванной. На это ушло каких-нибудь пять-десять минут. В студии я сыграл ее на гитаре, на которой я абсолютно не умею играть, и это в определенном смысле хорошо, потому что мне негде было разгуляться с теми аккордами, которые я знал. Это отлично

дисциплинирует; потому что я был *вынужден* сочинять в узких рамках. Я не мог написать сложную вещь, и в результате получилась хорошая песня — мне так кажется. Знай я слишком много гитарных аккордов, я бы все испортил.

Я всегда подумываю о новых песнях. Я не могу перестать сочинять. У меня полно идей, которые так и рвутся наружу. Это приходит само собой. Мне нравится сочинять красивые запоминающиеся мелодии. Я просто должен это делать, но мне это к тому же нравится. Это такое забавное хобби. В результате получаешь такое удовлетворение, что хочешь продолжать этим заниматься и пробовать разные варианты, чтобы посмотреть, что из этого получится. Это как писать картину. Нужно отойти от полотна подальше, чтобы увидеть, что на нем изображено.

Что касается стихов, они даются очень тяжело. Для меня это целая задача. Моя сильная сторона — мелодия. Первым делом я концентрируюсь на этом, потом на структуре песни, а слова приходят уже после. Мелодическая структура рождается у меня легко, но текст для меня — трудное дело. Над этим мне еще нужно работать. Иногда я чувствую, что мои мелодии настолько сильнее лирики, что последняя их портит. Думаю, мои мелодии чаще всего превосходят стихи. Ненавижу писать стихи. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь делал это за меня. Был бы у меня Берни Топин^[17]! Но заметьте — я не такой человек, я люблю все делать сам. Я жадная сволочь!

Когда я пишу песни, мне нужно закрыться ото всех и остаться наедине с самим собой. Чтобы сосредоточиться, мне необходимо одиночество. Когда я сочиняю песню, мне важно представлять ее целиком. Если получается, значит получается. Когда я не задумываюсь об этом, получается лучше всего. Я люблю, когда удастся быстро ухватить песню, тогда это получается свежо, а уже потом можно проработать детали. Ненавижу вымучивать песню, если она не получается легко. Либо она получается быстро и ты говоришь: «Да, у нас есть песня!», либо не получается вообще, тогда я обычно говорю просто: «Слушайте, давайте забудем об этом».

Я пишу так, как чувствую, и я всегда готов учиться. Намного интереснее писать песни в различных жанрах, чем всегда повторять одну и ту же форму. Мне кажется, я не выдумываю песни, они как бы настигают меня, если вы понимаете, о чем я... Я ничего об этом не знаю, но догадываюсь, что это подсознательные вещи. Думаю, многие пишут те песни, которые внутри них. Я не из тех сочинителей, которые следят за тенденциями и модой и говорят: «О'кей, это сегодня модно, давайте напишем песню». Мне просто нравится делать

разнообразные вещи и не повторяться. Я не люблю подолгу задерживаться на чем-то одном, и это передается моей музыке и стихам. Мне хочется попробовать все хотя бы раз, и я не боюсь рисковать. Я люблю бросать вызов, и мне нравится делать вещи, выпадающие из мейнстрима. Я не боюсь открыто говорить об определенных вещах в своих песнях, потому что уверен, что в конце концов быть естественным — самый беспримысленный вариант.

Я не хвастаюсь, но иногда я действительно выдаю их одну за другой. Это получается легко, если сосредоточиться. Думаю, я сочиняю песни гораздо быстрее других. Меня часто спрашивают: «Насколько вы плодотворный автор?» Я пишу десятки песен в день, радость моя!

Если собрать все мои песни вместе, думаю, их всех можно объединить словом «эмоции». Они все о любви, эмоциях, чувствах. Все они о настроениях.

Большинство песен, которые я пишу, — любовные баллады, где говорится о вещах, связанных с грустью, страданием, болью, но в то же время они легкомысленные и ироничные. Думаю, такова, по сути, моя натура. Я настоящий романтик, и хотя все пишут песни на эту тему, я делаю это по-своему, в другом ключе. В принципе я не создаю ничего нового, я не говорю: «Смотрите, я написал песню, какой еще никогда не было!» Нет. Но там *мой* взгляд.

Многие находили и теряли любовь, многие влюбляются и разочаровываются в любви, поэтому я продолжаю писать песни об этом — о разных проявлениях любви. Мне кажется, любовь и отсутствие любви — вечные темы, и люди по-разному переживают любовь и расставание. Думаю, большинство моих песен об этом, и, по-моему, петь и сочинять песни о любви можно действительно бесконечно. Я пишу о вещах, которые люди переживают ежедневно. Я чувствую, что тоже прошел через все это, так что, по сути, я собираю свой опыт и вкладываю его в свои песни. Я настоящий романтик, просто какой-то Рудольф Валентино. Мне нравится сочинять романтические песни о любви, потому что они дают такой простор для творчества и к тому же имеют большое отношение ко мне. Я всегда их писал. Я имею в виду — с самого начала, со второго альбома, и, полагаю, буду писать такие вещи всегда, потому что они часть меня. Мне нравится сочинять самые разные песни, но романтические — независимо ни от чего. Я ничего не могу с этим поделать, это происходит автоматически. Я бы хотел писать песни о чем-нибудь совершенно другом, но все всегда сводится к эмоциям и драме. Не знаю почему. Но в конце все равно всегда присутствует элемент иронии. Вот о чем, по

существо, все мои песни.

Это действительно довольно забавно; мои стихи и песни — главным образом вымышлены. Я все выдумываю. Они не земные, они воздушно-сказочные. Я не из тех авторов, которые ходят по улицам и вдохновляются увиденным, и я не из тех, кто в поисках вдохновения отправляется на сафари или покоряет горные вершины или делает еще что-то подобное. Нет, вдохновение может посетить меня, даже когда я принимаю ванну. Я один из *таких*. Для вдохновения мне не нужна живая натура. Обычно какая-то конкретная сцена или произведение искусства как таковое не дают мне вдохновения, хотя был один такой пример на альбоме *Queen II* — песня *The Fairy Fetter's Masterstroke*, написанная под вдохновением от картины, которую я увидел. Это очень и очень необычно для меня. Как человек, тяготеющий к искусству, или как вам там угодно, я часто посещаю галереи, и в Галерее Тейт я увидел эту картину Ричарда Дадда^[18], одного из моих любимых художников викторианской эпохи. Я был необыкновенно вдохновлен. Я долго ее рассматривал, и все, что я попытался сделать, — зарифмовать слова, опираясь на оригинал, описать картину — описать, что я на ней увидел и как это понял.

Вдохновение может посетить тебя где угодно. Оно приходит, когда его меньше всего ожидаешь, и мешает моей сексуальной жизни. Некоторые песни приходили ко мне прямо в постели. Но мне просто необходимо записать их немедленно, иначе к утру от них не останется и следа. Когда я и Мэри [Остин] жили вместе, однажды я проснулся среди ночи, и просто не мог отвязаться от песни. Мне пришлось сесть и записать ее, для чего я встал и подтащил пианино к кровати, чтобы дотянуться до клавиш. Это не могло долго продолжаться — она просто не могла с этим мириться. Не могу сказать, что это меня удивляет.

Сочинять музыку могут заставить многие вещи — почти все, что нас окружает. Что касается меня, то я могу просто идти куда-то, и у меня вдруг появляется идея, и я ее запоминаю, но, как правило, я сажусь за пианино, начинаю брэнчать и что-то подбираю. У меня могут возникнуть сразу несколько идей, и я стараюсь запомнить их; потом я возвращаюсь к ним и пытаюсь сделать из них композицию. Иногда я просто сижу за пианино, и меня вдруг озаряет идея, и тогда я пытаюсь превратить ее в песню. Иногда я заставляю себя прислушиваться к идеям, а иногда оставляю их в покое и возвращаюсь к ним через месяц — и вдруг все встает на свое место. Но в этом нет какого-то сильного вдохновения. Всегда все по-разному. То, что я говорю, может разочаровать кого-то, потому что придуманный сюжет заставляет людей думать: «Ого! Интересно, что его вдохновило?» Возможно,

у людей в уме возникает какой-то величественный образ. Но это не мой формат. Извините, если я вас разочаровал.

Все мы представляем по-своему, какой должна быть песня, потому что песня может быть сделана совершенно по-разному, в зависимости от того, кто ее делает. Иногда в чужих песнях ты можешь увидеть что-то большее. Иногда мы все помогаем друг другу, но это требует много времени. Сейчас большинство песен делается в студиях, тогда как раньше у нас было режимное время. Сейчас ни на что не хватает времени, так что мы просто снимаем студию и работаем. Иногда это растягивается надолго, потому что мы используем студийное время для сочинения песен, а не для их записи.

Теперь я пишу по-другому. Раньше я сидел за пианино и буквально из кожи вон лез, чтобы подобрать все аккорды и придумать композицию целиком, превратив тему в песню. Теперь у меня другой подход. Последнее время я писал песни экспромтом. Действительно, я прихожу в студию совершенно неподготовленным и думаю: «Что же сделать на этот раз?» Вдруг возникает основная идея, и я решаю: «Давайте сделаем это». Она может быть совершенно ужасна и нелепа, там могут быть всего один-два приличных такта, но я хватаюсь за это. Или просто бросаю все, ухожу и работаю с этим позже.

Я сочиняю на пианино, но могу сочинять и в уме. Чаще всего моя песня вырастает из мелодии, хотя иногда начинаю и со стихов. *Life Is Real* [1982], например, была одной из таких вещей, потому что слова там родились первыми. Я просто ушел в них с головой; исписывал страницу за страницей всевозможными словами. Потом я сложил из них песню. Я чувствовал, что она может получиться в стиле Леннона. Эта песня — мое посвящение Джону Леннону, уж не знаю, насколько получившееся. Стихи действительно очень редко появляются у меня первыми, но в тот раз у меня был образец лирики, и я хотел придать ей некий сюрреалистический оттенок. Верите или нет, они пришли мне в голову в Хьюстоне, когда у меня было несколько свободных дней после мексиканских концертов во время тура Queen. Я подумал: «Почему нет? Я могу это сделать. Я ведь музыкант». Поскольку я слушал много песен Джона Леннона, я подумал, что смогу сочинить что-то в его духе. Поэтому я изо всех сил пытался добиться того восточного звучания скрипки, напоминающего плач, который мне очень нравится имитировать. Я попытался внести в текст немного сюрреализма, который, на мой взгляд, воплощал Джона Леннона. Он был великим человеком, думаю, он был абсолютным гением. Даже в самый ранний период, во времена Beatles, мне всегда больше нравились вещи, сочиненные

Джоном Ленноном. Не знаю почему. Просто он обладал этой магией.

Я не стремлюсь изменить мир нашей музыкой. В наших песнях не содержится никаких скрытых посланий, кроме разве что некоторых песен Брайана. Мои песни как одноразовые бритвенные лезвия; они сделаны для удовольствия, для сегодняшнего употребления. Люди могут выкидывать их как использованные салфетки. Они могут слушать их, получать от них удовольствие, выбрасывать и ставить новые — одноразовая попса.

Я не люблю писать лозунговые песни, потому что я не озабочен политикой, как Джон Леннон или Стиви Уандер. Да, мысли о политике приходят мне в голову, но я отбрасываю их, потому что мы музыканты. Я не хочу быть политиком, и я не думаю, что у меня есть талант писать глубокие послания. Музыка — вещь очень свободная. Все зависит от того, кто ты есть. Я имею в виду, что Джон Леннон мог это делать, а я нет. То, что пишу я, — это просто коммерческие песни о любви, и мне нравится вкладывать в них свои эмоции и свой талант. Я не хочу изменить мир или говорить о мире во всем мире, потому что это не мое.

Политика — совершенно не моя стихия. Если бы я за это взялся — стране конец. Как вы себе это представляете? Я бы все свои речи пел!

Что касается меня, я пишу песни, чтобы накормить ими публику сейчас. Я уже говорил об этом. Песни — это как покупка нового платья или рубашки; вы носите их, а потом выбрасываете. Конечно, несколько классических вещей, безусловно, останутся, но, насколько мне представляется, то, что я написал когда-то, уже осталось в прошлом. Ну да, если я слышу свои песни по радио или слышу, что люди говорят о них, я думаю: «здорово», но меня больше беспокоит, что скажут о моих новых вещах. То, что мной написано, я оставляю позади. Если вы попросите меня сейчас сыграть на пианино что-нибудь из старого, я не смогу. Я забываю старое. Я разучивал их на время. Чтобы сыграть их теперь, мне нужно заново подобрать все аккорды... к своим собственным песням. Я забываю их очень быстро. Например, *Love Of My Life* адаптирована для живого исполнения на гитаре, но была написана для пианино. Я совершенно забыл оригинальную версию, и если бы меня попросили ее исполнить сейчас, я бы не смог.

Я считаю, что наша музыка — это чистый эскапизм, это все равно как посмотреть хороший фильм. Люди могут погрузиться в нее, послушать, забыть на время о своих проблемах, получить пару часов удовольствия — и всё; затем выйти, вернуться к

собственным проблемам и когда-нибудь в другой раз снова обратиться к ней. На самом деле так и должно быть. Для этого и создан театр и другие развлечения. Я не собираюсь лезть в политические сферы. У нас нет песен со скрытым политическим подтекстом, это не для нас. Мы — интернациональная группа, нам нравится играть для любой аудитории, в любой стране. Мы выбираем места для выступления не по политическим соображениям. Мы всего-навсего английская рок-н-ролльная группа, которая играет музыку для всех.

Моя музыка не адресована какой-то конкретной аудитории. Я не хочу, чтобы мои песни слушала только интеллектуальная публика, я хочу, чтобы ее услышали все, потому что она *для всех*. Это интернациональный язык. Я не пишу музыку только для немцев или только для японцев, она для всех и каждого. Музыка не знает границ. Я хочу, чтобы весь мир слушал мою музыку. Я не сторонник элитарности в музыке.

Я никогда не говорю: «Измените свою жизнь с помощью песен Queen!» Для меня невозможно проснуться утром с желанием написать «миротворческую» песню — она была бы неискренней, потому что в такие вещи необходимо по-настоящему верить. Я не говорю, что я не верю в мир во всем мире, просто я не умею сочинять песни, которые бы призывали к миру. Я не хочу вмешиваться в эти вещи. Я пишу песни о том, что чувствую, а я очень глубоко переживаю любовь и сильные эмоции. Таких, как Джон Леннон, очень мало в этом мире. Некоторые люди могут делать такие лозунговые вещи, но их очень мало. Джон Леннон был одним из них. Его репутация давала ему право заниматься таким проповедничеством и обращаться к умам людей. Но, чтобы этим заниматься, необходимо обладать высоким интеллектом и особой магией. Просто талантливые люди, как я, не имеют таких возможностей и такой силы. У вас нет оснований усомниться в миротворческой песне, написанной Джоном Ленноном или Стиви Уандером, потому что они жили соответствующим образом, но я — другое дело. Для меня сочинять песни с призывом к миру было бы неправильно, все бы недоумевали — с чего бы это я вдруг написал о мире и заговорил о спасении планеты. Необходимо иметь определенную биографию, чтобы люди знали, что ты действительно веришь в то, о чем пишешь, и что касается меня, я надеюсь, люди верят, что я испытал всю эту боль и все эти муки любви. Мой талант в этом, и это все, что я хочу передать в своих песнях.

Честно говоря, я бы никогда не поставил себя наравне с Джоном Ленноном, потому что для меня он самый великий. Дело не в том, у кого больше или меньше таланта, дело в том, что

некоторые могут делать определенные вещи лучше других, и я считаю, что не способен на то, что делал Леннон. И я не думаю, что кто-то другой был бы способен, потому что Джон Леннон был уникальным, единственным, и это несомненно. Я бесконечно восхищаюсь Джоном Ленноном, но не собираюсь ему подражать. Я просто хочу выразить себя в своих песнях так, как у меня лучше всего получается.

Когда я услышал о гибели Джона Леннона, я испытал шок, я был буквально оглушен. Что тут скажешь? Честно говоря, у меня нет слов. Ты знаешь, что такое в любой момент может произойти с кем-то — с тобой или с кем-то другим, — и вот оно с кем-то происходит, и этот кто-то — Джон Леннон. Это было потрясение, от которого трудно оправиться.

Когда Джона не стало, и я написал в его память эту песню, это был просто мой порыв, и в ней нет никаких параллелей между тем, что делал он и чем занимаюсь я.

Это была просто скромная дань, понимаете, ушедшему человеку. *Life Is Real* не была песней-посланием, это песня-посвящение, которая в корне отличается от того, что делал сам Джон.

При необходимости я бы смог написать песню-послание. Я не говорю, что никогда не писал подобных песен, но они совершенно не в духе Леннона, не того направления. Например, я написал песню *We Are The Champions* — своего рода гимн, но это не призыв к миру во всем мире. У нее совершенно другая направленность.

Возвращаясь к сказанному, еще добавлю: для своего сольного альбома *Mr. Bad Guy* [1985] я сочинил песню *There Must Be More To Life Than This*, вот ее-то скорее всего можно назвать песней-посланием, хотя и в ней вы не найдете призыва как такового. Но идти дальше этого, говорить о проблемах мировой политики или о трагедиях, происходящих в мире, я не хочу. Мне правда не нравится писать песни на эти темы — временами они меня волнуют, но далеко не так, как они волновали Джона Леннона. Я очень сдержан, но очень искренен.

Я даже пытаться не хочу подробно разбирать свои песни. Никогда не просите меня об этом. Пусть люди сами интерпретируют мои стихи. Я могу многое рассказать о некоторых своих песнях, но мне не нравится, когда песню разбирают по частям, потому что сам я никогда не анализирую свои песни — я их просто пою. Я их сочиняю, записываю и выпускаю, а дальше дело слушателя воспринимать их так, как он чувствует, иначе я разрушу всю гармонию, которая может заключаться в той или иной композиции. Ненавижу делать это.

Меня спрашивают: «Почему вы написали такие слова к песне,

в чем их смысл?» Мне не нравится объяснять, о чем я думал, когда писал ту или иную песню. Эта песня об этом или о том? Вот все, что их интересует. Пошли они все подальше, скажу я вам! Я скажу им не больше, чем любой приличный поэт ответил бы, если бы вы попросили его проанализировать его произведения. Если вы что-то видите, значит, оно там есть. *Вы* понимаете это так, как *вы* того хотите. Нет никакого великого послания. Я просто стараюсь вызвать нечто в своем воображении и перенести это в песню, а дальше я надеюсь, что слушатели попытаются составить собственное представление — вот что замечательно. Мне самому нравится делать это, когда я слушаю чей-нибудь альбом.

Мне нравится, когда люди по-своему толкуют мои песни. На самом деле, все они просто маленькие сказки. Я уже забыл, о чем большинство из них. Все они выдуманы — это фантазии. Я знаю, может показаться, что я придумал легкий путь, но так уж оно есть. Это всего лишь плод моего воображения. Думаю, если бы мне пришлось расшифровывать каждое мое слово, это было бы невыносимо скучно и это разрушило бы некоторые иллюзии.

Есть много творческих людей. Но нельзя находиться только в музыке. На это тоже нужен особый талант — понимаете, о чем я? Я всегда утверждал, что нельзя просто сидеть дома и говорить: «Смотрите, я такой великолепный, такой способный, я еще посижу и подожду». Нет! Нужно выйти с этими способностями из дома и использовать их, заставить их работать. *Это* — часть таланта.

Одно дело — иметь талант, но действительно использовать его и скармливать его массам — это другая сторона таланта. Они неразрывно связаны друг с другом. Думаю, это называется активной продажей. Вы действительно должны умудриться продать свою задницу. Вы должны ходить везде и силой навязывать себя: «Вот он я! Я талантлив! Я великолепен! Вот... **БЕРИТЕ!**» Вы должны это делать. Если существуют другие способы добиться успеха, то ради бога расскажите мне какие.

Возможно ли по-прежнему писать хорошие и оригинальные песни? О, мне чертовски хочется думать, что да! Мне бы хотелось надеяться, что да. О, да. Неважно, насколько велика конкуренция, все равно остается место для оригинальности и для хороших песен. Конечно же. Я думаю, хорошие песни будут появляться всегда. Всегда найдутся хорошие авторы, которые будут писать хорошие песни — хорошие с точки зрения средств массовой информации и самих авторов. Мне кажется, место еще есть, но становится все труднее. Да, для оригинальности и хорошей музыки еще есть место в этом мире. Еще полно места для классических вещей — и я стараюсь изо всех сил.

Я не могу вечно сочинять песни и изобретать новые идеи, так можно стать невротиком. Это постоянно сидит у меня в подсознании. Я сочиняю какой-нибудь кусочек и думаю: «О, что-то похожее у меня было в другом месте». Так, конечно, нельзя, но это ощущение постоянно присутствует. Взять, например, музыкальные гармонии; что мы только с ними ни делали: проигрывали задом наперед, выворачивали наизнанку, так и эдак — так что пространства для экспериментов осталось не так уж много, поэтому становится все тяжелее и тяжелее все время быть оригинальным, но мы постоянно боремся за это.

Я знаю, что можно исписаться, иссякнуть. Я знаю людей, с которыми такое произошло. Иногда я задумываюсь об этом. Я думаю, что, возможно, однажды я больше не смогу уже сочинять, как сегодня, но пока этого не случилось, что я могу делать? Я хочу писать лучше. Это моя профессия, моя жизненная программа. Я не просыпаюсь каждое утро с мыслью: «Не выдохся ли я?» До сих пор... я был очень плодовитым. И, понимаете, ОН присматривает за мной, так что я в порядке. Это меня не заботит. Я просто об этом не думаю. Пусть *другие* волнуются. Когда это случится, тогда я буду с этим разбираться. Но такого не случится. Не думаю, что такое произойдет. Я умру раньше, чем испишусь.

В числе вещей, которые я хотел бы сделать, — написать мюзикл. Думаю, время пришло. Что касается сольных проектов, я записал один альбом *Mr. Bad Guy* в 1985 году, а также альбом с Монсеррат [Кабалье] в 1988 году, но теперь я хочу сделать нечто большее, чем просто альбом — попробую сочинить мюзикл. Я знаю, это займет много времени, но это будет мой личный проект, так что я смогу заниматься сценарием и всем остальным. Я смогу написать песни, из которых сложится сюжетная линия, а это совсем не то, что посмотреть фильм, а потом сочинить для него подходящую песню. В общем, это большой проект, и я достаточно много думаю о нем в последнее время.

Еще я подумываю о фильме про мою жизнь, в котором у меня была бы ключевая роль. Я мог бы не играть главную роль сам. Дорогие мои, за те вещи, которые я делал в своей жизни... этот фильм получит категорию XXX^[19], гарантирую вам!

Совершенно невозможно сказать, что кто-то написал лучшую песню, чем ты, потому что это решает публика. Единственный способ убедиться в том, что она хороша, — увидеть, что ее хорошо принимают.

Вы не представляете, что это значит — написать песню, которую оценила публика и про которую говорят, что это хорошая песня. Это удивительное чувство!

Если моя музыка делает людей счастливыми, это

замечательно. Тогда счастлив и я. Если хоть что-то, хотя бы малая часть ее принимается публикой, это прекрасно. А если людям она не нравится... что ж, ничего не поделаешь! Они могут пойти и купить пластинку другого музыканта. Я не намерен терять сон или приходить в бешенство оттого, что кто-нибудь скажет: «О господи, как это ужасно!» Я слишком стар, дорогие мои.

Глава пятая

An Amazing Feeling

Часть вторая

*Борьба за песни внутри Queen
всегда того стоила.*

*Иногда я думаю: дело в том, что
побеждает тот, кто бьется дольше.*

Обычно, возвращаясь домой после тура, мы знаем, что через пару месяцев пора будет приступить к записи нового альбома. На время мы разделяемся, и каждый пишет индивидуально, а затем опять собираемся вместе и демонстрируем друг другу свои идеи. Вот тогда приходит время решать, чьи вещи войдут в альбом, а чьи будут отложены. Мы стараемся продумать, каким на этот раз должен стать альбом. Так мы сделали последние несколько альбомов; отдельные вещи разных авторов. Когда мы собираемся вместе, начинается сложный период — долгий процесс отсеивания, в течение которого мы много спорим, отбирая лучшие песни. И дело не только в самой песне, дело в том, что пройдет, что сработает лучше и как остальные песни будут сочетаться друг с другом. Таким образом, рассматриваем скорее весь альбом в целом, а не отдельные композиции.

Мне кажется, что мы в курсе последних тенденций и изменений и мы пишем в соответствии с этим. Я хочу сказать, что Брайан все еще пишет в тяжелом ключе, но в целом мы все четверо сочиняем совершенно разные песни, и это очень хорошо. Чем больше мы сочиняем, тем дальше друг от друга расходимся в творческом плане и тем шире становится наш репертуар. Мне кажется, мы все больше и больше ищем и осваиваем самые разные территории. В настоящее время я пишу песни, которые совершенно отличаются от тех, что делали Queen, скажем, три года назад.

Сейчас идет большая конкуренция; она начинается уже внутри группы — еще до того как наша музыка доходит до слушателя и начинает конкурировать с песнями других групп. Мы очень взыскательная группа. Мы не идем на полумеры, и я очень требователен к самому себе. Здесь нет никаких компромиссов. Если я вижу, что песня не дотягивает, я от нее отказываюсь. В нашей группе четыре хороших автора, способных на многое, и у нас нет слабых игроков, особенно сейчас, когда Роджер пишет

очень хорошо и Джон тоже. Раньше основными авторами были мы с Брайаном, теперь пишут все. Работа над каждым альбомом начинается со здоровой борьбы, когда мы представляем друг другу свой материал и спрашиваем: «Ну, что вы об этом думаете?», и тут-то начинается настоящая драка.

Можно собрать лучших музыкантов мира, но это не поможет сделать лучшую песню. Все дело в самой песне и в человеке, который ее пишет. Приходится бороться. Я всегда рад внести свою лепту, дорогие мои. Если бы это было слишком просто для меня, я бы столько не сочинял. Наши споры делают сам процесс намного интереснее и позволяют нам получить самое лучшее. Эта борьба за песни внутри Queen всегда того стоила. Иногда я думаю, дело в том, что побеждает тот, кто бьется дольше.

Я уже говорил, как я это представляю: вы пишете песни и выпускаете их, вы их выпускаете и принимаетесь за новые. Если новый альбом оказался провальным, значит, надо начинать работать над следующим. У нас были альбомы, которые нельзя назвать *значительными*, например *Jazz* [1978], но мы просто пошли дальше. Считается, что с этим альбомом мы слегка пролетели, но нас это не остановило. Мы выпустили следующий — *The Game*, и успех был огромным.

Если бы я был так обеспокоен этим, что, просыпаясь по утрам, спрашивал бы себя: «Все ли им понравится?», я бы уже давно слег с сердечными приступами и язвой. Я предпочитаю думать об этом шире. Это продлевает жизнь.

Я в курсе того, что творится вокруг, но это не значит, что я намерен включать в свои песни какие-то конкретные модные тенденции. Я по-прежнему пишу песни так, как чувствую, и, если это требует чего-то старомодного, я буду старомоден. Я никогда не позволю себе испортить песню, песня важнее всего. Я очень ревниво отношусь к своим песням, и, если они не получаются как надо, я бы предпочел не делать их вообще. Именно поэтому, например, в *Living On My Own* [1985] я использовал скат^[20] в стиле Эллы Фитцджеральд — далеко не современный прием. Возможно, это могло бы войти сегодня в моду, потому что рок-н-ролльные исполнители никогда раньше не пользовались скатовым пением в такой манере; это могут не оценить, но меня это не беспокоит. Я просто хотел продемонстрировать свои вокальные возможности в этой песне, поэтому сделал это. Потому что я делаю то, что мне нравится. Да, я в курсе того, что происходит в современной музыке, но это не означает, что я собираюсь этому следовать.

Последнее время во многих рецензиях я читаю: «Если вы ассоциируете Queen с гармониями *Bohemian Rhapsody* или с

опусами Сесила Б. де Милля, забудьте об этом, потому что на этом альбоме вы не найдете ничего подобного». В каком-то смысле это довольно точно. Либо черное, либо белое. В данном случае — речь идет об альбоме *Hot Space* — я думаю, что это был большой риск, и публика разделилась пополам. Надеюсь, американцы воспримут его как нечто новое, в то время как в Англии его совершенно проигнорировали. Он оказался явно не в их вкусе. Так что они полностью отвергли этот альбом.

Я очень расстроен — на самом деле возмущен. Я просто думаю, они могли бы выразить это чуть... я хочу сказать, я понимаю, что *Body Language* [1982] была у нас первой в своем роде, но в Англии ее встретили с таким неодобрением! Бог мой! Если они думают, что из-за этой ситуации я вдруг поверну назад и явлюсь с новой версией *Rhapsody*, то они глубоко ошибаются. Я не собираюсь этого делать ни в коем случае. Но я рад, что американцы смогли разглядеть другую сторону медали.

Хорошие песни не обязательно должны быть насыщены немыслимыми оперными сценами, или не так? Я действительно думаю, что талант в наши дни подразумевает не только прекрасное владение музыкальным инструментом и создание чертовски хорошего произведения, это также и знание того, что происходит, и умение не отставать. А там уже можно положиться на удачу.

Я считаю, что Queen написали несколько хороших песен, которые *не имели* коммерческого успеха, но я по-прежнему думаю, что они хорошие. Считается, что песни хороши настолько, насколько долго они пользуются спросом и держатся в чартах. Я хочу сочинять коммерческую музыку, которую покупали бы все. Если я вижу, что написал хорошую песню, которая не будет продаваться, я говорю: «Ладно, плевать, просто отставим это и займемся следующей!» Я просто перехожу к следующей песне.

Отличительная черта группы Queen, которая мне очень нравится, заключается в том, что в ней собрались четыре автора, которые сочиняют совершенно по-разному, благодаря чему, возможно, мы имеем больший диапазон по сравнению с другими группами. Мы все на равных, но в самом начале я был ведущим автором. Если вернуться к самому раннему периоду, мы с Брайаном были главными композиторами группы. Джон и Роджер сначала совсем не писали, и мы с Брайаном вдвоем сочиняли весь материал. Мы двое привыкли быть главными авторами, но потом начали писать и остальные, и мы поддержали их в этом.

Думаю, у нас еще не было альбома, где мы были бы абсолютно равны как авторы. На последнем альбоме мы очень приблизились к этому, и, по-моему, все идет к тому, что

следующий альбом будет написан всеми нами поровну.

Если бы мы все писали однообразные песни, нам бы это давно осточертело, но мы все пишем по-разному, и это поддерживает в нас творческий интерес. Если бы все писали лишь то, что нравится только определенной части аудитории, это было бы немного скучно. Мы — четыре совершенно непохожие личности с абсолютно разными характерами, и это хорошо. Мы всё еще спорим! Мы всё еще спорим как дети. Ни один альбом Queen не обходится без этого. Спорить необходимо. Думаю, это лучший способ. Мне нравится бороться за самое лучшее, что мы можем достичь, и мне кажется, я побуждаю к этому всех остальных. Так намного интереснее.

Иногда я приношу свою песню Брайану, и он накладывает на нее гитарные партии так, как он считает нужным, а я это вижу по-другому. Тогда мы начинаем спорить. Иногда мы бываем самой стержневой группой в мире. Разногласий много, но они всегда разрешимы. Нам приходится часто конфликтовать, иначе было бы скучно. Иногда ты просто не согласен, но, в конце концов, автор — главный, он хозяин, он может сказать: «Слушайте, я хочу, чтобы песня звучала вот так, и это единственный вариант, который меня устраивает». Что касается меня, тот, кто написал слова, фактически написал песню.

Как я уже говорил, в начале карьеры Брайан и я писали намного больше других, но теперь все хотят участвовать в этом. Я считаю, что в данный момент это единственный способ для Queen выжить. Я знаю, люди думают, что я все прибрал к рукам, но это не совсем так. Мне кажется, что для каждого альбома, который был выпущен Queen, мы отбирали лучшее из того, что имели. Я никогда не старался подмять под себя ни один из альбомов Queen. Просто я должен быть уверен, что представил лучшие песни, на меня смотрят как на главного автора — или на меня и Брайана, — но забавно, что это заставляет их сочинять лучше. Это не значит, что мои песни лучше, раз они становятся хитами, это просто значит, что они представляют тоже очень хорошие вещи.

Думаю, я принимаю большее участие в вещах Роджера и Джона, потому что они позволяют мне помогать им и советовать, в то время как Брайан полон своих идей, достаточно сильных, и мне кажется, мне лучше туда не влезать. С Джоном и Роджером в этом плане мы уже давно нашли общий язык, и они не возражают, когда я раздрыгиваю их песни и собираю заново. Иногда я полностью переделываю песню, как это было в случае... ладно, скажу, в случае с песней Роджера *Radio Ga Ga*, Я чувствовал, что в ней есть что-то, из чего можно сделать сильную хитовую вещь. И вот он уехал на неделю кататься на лыжах, и я над ней поработал.

Но по сути, это его песня. Он собрал все эти идеи, а я лишь почувствовал, что некоторые элементы композиции неудачны. Он просто сказал: «О'кей, делай, что хочешь».

Невозможно предугадать насколько изменится песня, пока не начнешь работать над ней в студии. Многое меняется во время процесса записи. Так было, например, с *Somebody To Love* [1976]. Я знал, что хочу, чтобы это звучало как госпел, и я знал, что это придется делать нам одним. В этой песне создан эффект хора примерно в 160 голосов. Можете представить себе, сколько потребовалось времени, чтобы записывать это снова, и снова, и снова. Мы потратили неделю, но оно того стоило. Я не хочу думать, оглядываясь на наши альбомы: «Эх, если бы мы потратили больше времени и сделали так-то, получилось бы лучше». Мы все перфекционисты в этом плане и считаем, что потраченное время того стоит. Некоторые могут подумать: «Боже мой! Они опять в студии на четыре с половиной месяца», но мы считаем, что это необходимо, если хочешь добиться нужного результата.

О Queen обычно говорят, что мы «избыточны», но это не совсем так. Если посмотреть на это грамотно, некоторые вещи просто требуют подобного к себе внимания. Если нам нужно выйти за пределы возможностей, мы можем это сделать. А теперь возьмем, например, песню *You Take My Breath Away* — она сделана явно не в стиле Queen, потому что там только вокал и пианино, но для нее и нужен был именно такой минимализм. А вот *The Millionaire Waltz* требовал уже совсем иного музыкального оформления.

Что касается сочинения, аранжировки и продюсерской работы, мы с первых же дней существования группы поняли, что можем делать все это сами. Мы всегда очень неохотно пускали посторонних на нашу территорию. Так мы научились все делать сами и держать это внутри нашей четверки. И по-моему, это самый правильный путь.

Я думаю, наша лирика со временем изменилась. Сейчас я пишу более легкие вещи. У меня такой период, когда хочется писать просто — это касается как структуры песни, так и текста. Я избавился от стиля *Bohemian Rhapsody* и лирики *Killer Queen*. Это был всего лишь этап, который я тогда [1974–1975] переживал.

Мне кажется, что люди, покупающие наши пластинки, хотят, чтобы Queen менялись. Они привыкли к тому, что мы каждый раз появляемся с чем-то новым, и уже ждут этого. Я думаю, они были бы разочарованы, если бы мы не делали этого. Мне никогда не нравилось использовать одни и те же приемы, потому что мне это скучно. Я всегда ищу чего-то необычного, и это здорово, потому

что это рискованно. Это получается само собой. Песни становятся разнообразнее. Мы меняем настроение, мы легко перестраиваемся. Много происходит спонтанно, на самом деле мы никогда не ломаем над этим голову. Я думаю, это лучше всего; если все слишком тщательно планировать, вышло бы слишком топорно, а это было бы не по-нашему.

Глава пятая

An Amazing Feeling

Часть третья

Мы твердо верим в то, что должны делать необычные, экстраординарные вещи, которых от нас никто не ожидает. Мы не хотим двигаться по одной колее и не хотим износиться как группа, хотя такая опасность существует, если у честь, как долго мы вместе. Всегда есть соблазн расслабиться и почитать на лаврах, но ни один из нас этого не хочет. Мы не хотим успокаиваться.

QUEEN (1973)

Песня *Keep Yourself Alive* была прекрасным способом показать, что представляли из себя Queen в то время.

QUEEN II (1974)

Этот альбом не имел глубокого смысла или какой-то концепции. Его замысел возник неожиданно во время записи. Я сочинил песню *The March Of The Black Queen*, тогда у нас появилась идея сделать обложку с черной и белой стороной, которая бы отражала черно-белые настроения. Это был хороший контраст.

Seven Seas Of Rhye — в действительности просто фантазия. Я знаю, что это своего рода бегство от реальности, но что поделаешь. Это просто плод моего воображения. Тогда я учился сочинять песни, овладевал песенной структурой — в то время я изучал различные технические приемы.

В песне *Ogre Battle* мы использовали огромный гонг. Он был даже больше того, что Pink Floyd используют на сцене, и Роджеру пришлось потрудиться, чтобы просто поднять молот!

Примечание «без синтезаторов»^[21] было сделано сначала в качестве шутки, к тому же мы были расстроены, но это оказалось хорошей идеей. Тогда нам даже удалось посмеяться над Джоном Пилом. В одной рецензии он сказал что-то об отличном использовании синтезатора Moog — на самом деле это была гитара, записанная с многократным наложением.

SHEER HEART ATTACK (1974)

Killer Queen — песня о девушке из высшего общества. Я хотел сказать, что в высшем свете тоже встречаются шлюхи. Собственно, об этом и песня, хотя я предпочитаю, чтобы слушатели интерпретировали ее по-своему — как им больше нравится. Люди привыкли к хард-роковому звучанию музыки Queen, но этот сингл написан словно бы для Ноэля Коуарда^[22]. Это один из тех номеров, которые предполагают шляпы-котелки и черные подтяжки — я совсем не имею в виду, что Ноэль Коуард так одевался.

Мы очень гордимся этой вещью. Это просто одна из песен, написанных мной для альбома, она не писалась специально как сингл. Я просто сочинял песни для альбома *Sheer Heart Attack*, и когда я их закончил и мы всё записали, то решили, что она станет очень сильным синглом. Так оно и случилось. Эта песня была очень не похожа на тогдашних Queen. Это был еще один рискованный шаг, но, знаете, рискуя, мы всегда выигрывали.

Killer Queen — еще одна вещь, к которой я сначала написал слова. Эта песня действительно была не похожа на то, что я писал раньше. Обычно сначала я сочиняю музыку, но на этот раз первыми появились слова и этот утонченный стиль, который я так хотел передать. Многие из моих песен — фантазии; я могу придумать все, что угодно.

Now I'm Here. Это было мило. Это вещь Брайана Мэя. Мы выпустили ее после *Killer Queen* — полный контраст. Это должно было показать, что мы всё еще можем делать рок, что мы не забыли наших рок-н-рольных корней. Она прекрасно подходит для сцены. Я всегда с удовольствием исполнял ее на концертах.

A NIGHT AT THE OPERA (1975)

A Night At The Opera — просто один из лучших альбомов Queen. Из наших первых четырех альбомов этот мы записывали дольше всего. На самом деле мы к этому не стремились, мы просто взялись за него и сказали себе, что нам нужно сделать массу всего. Его запись заняла почти четыре месяца, и мы едва успели в срок, потому что подходило время тура. Было важно, чтобы альбом получился таким, каким мы хотели его видеть, особенно учитывая потраченное на него время. Каждая песня из *Opera* может существовать самостоятельно.

У нас было много задумок для альбомов *Queen II* и *Sheer Heart Attack*, но для них не нашлось места. В случае с *Opera* все было нормально. Что касается гитарных и вокальных партий, мы делали вещи, совершенно новые для нас. Там было все — от тубы

до гребенки. Никаких пределов.

Мы хотели сделать больше песен и стилей. Мы чередовали короткие и длинные песни. В плане разнообразия мы могли перейти всякие границы. Каждая молекула этого альбома — это мы, только мы четверо, — каждая его нота. Там не было приглашенных музыкантов: ни для струнных инструментов, ни для чего бы то ни было еще.

Мы готовили к выпуску этот альбом в сотрудничестве с Роем Томасом Бейкером, который имел потрясающий опыт в этом деле и здорово нам помог.

Возможно, этот альбом получился очень дорогим — я думаю, он обошелся нам в пятнадцать — двадцать тысяч фунтов, потому что мы были настроены сделать его как можно лучше, и полагаю, мы действительно хотели доказать, что можем это сделать. Зато какое это было чувство облегчения, когда мы его закончили... не могу передать!

Ага... *Death On Two Legs* — самая злая песня, какую я когда-либо писал. Ее слова настолько язвительны, что Брайану было плохо, когда он пел эту вещь. Никто бы никогда не поверил, сколько злости и ненависти можно вложить в исполнение этой песни, не говоря уже о самом тексте. Вслушайтесь внимательно в слова, детки. Это злобная песня, раскрывающая злую сторону моей натуры.

Обычно я не люблю объяснять, о чем я думал, когда писал эту песню. Она об одном отвратительном старикашке, которого мне довелось узнать^[23]. Слова пришли ко мне очень легко.

Я решил, что если уж я хочу сделать особый упор на чем-то, как в этом случае, то делать это нужно основательно и не идти на компромисс. Я потратил уйму времени, стараясь сделать стихи как можно выразительнее. Я хотел, чтобы они были максимально грубыми. Я измучил свое горло — совершенно. Я каждый день менял слова, стараясь сделать их как можно злее. Когда остальные слышали их, они были в шоке. Когда я рассказывал им, что делаю, они говорили: «Да! Классно!», но, увидев слова, они испугались. Но для меня не было пути назад, я полностью ушел в эту вещь, я плавал в ней. На несколько дней я превратился в демона.

Альбому требовалось сильное вступление, а что может быть лучше, чем начать его словами: «Ты сосешь мою кровь как пиявка»? Первоначально я собирался сделать так: музыкальное вступление, затем все замолкает, и звучат слова: «Ты, соси мой...» — но это было бы слишком.

Давайте согласимся, что песня оставила свой след!

Lazing On A Sunday Afternoon — короткая песенка, всего одна

минута и шесть секунд. Очень игривая вещь. Брайану она нравится.

Меня уносит настроение, понимаете? Это просто черта моего характера, я действительно могу изменяться. В *Sunday Afternoon* все немного выходит за пределы нормы. Я люблю делать водевильные вещи. Это своего рода проверка. Мне нравится сочинять такие песни, и я уверен, что напишу еще много таких. Это тоже вызов.

Good Company написана Брайаном в стиле а-ля Джордж Формби с саксофонами, тромбоном и кларнетом — все звуки исполнены Брайаном на гитаре. Мы не доверяем сессионным музыкантам, мы все делаем сами — от высокого фальцета до самого низкого баса. Это всё мы.

Это признак зрелости. Возможно, мы могли всё это сделать уже на первом альбоме, но нельзя иметь все сразу, и пришлось ждать четвертого альбома, чтобы попытаться это реализовать. Мы столько всего хотели сделать. Я всегда хотел написать что-то подобное. *Ogre Battle* была сделана под гитару, но потом я увлекся вещами типа *Love Of My Life* и *Lily Of The Valley*, написанными для пианино. Я всегда слушал такую музыку.

Seaside Rendezvous создает ощущение 20-х годов, а Роджер здесь имитирует голосом тубу и кларнет, понимаете? Я хочу еще, чтобы он и чечетку танцевал. Придется мне купить ему туфли как у Джинджер Роджерс.

39 — необычная вещица Брайана в стиле скиффл^[24]. Ничего похожего мы раньше не делали. Это то, что в нас есть и чего от нас никто не ожидает. Люди не могут поверить, что это мы. Брайан давно хотел сделать что-то подобное, и это очень, очень не похоже на Queen. Думаю, мы выпустим ее на второй стороне сингла *You're My Best Friend*.

У Брайана есть потрясающе грандиозная эпическая вещь — *The Prophet's Song*, одна из самых тяжелых наших песен. Его гитара здесь делает просто фантастические вещи. Вы знаете, Брайан сам сделал свою гитару, так что он практически может заставить ее разговаривать. Она действительно говорит в этой песне.

Запись *Rhapsody* отняла у нас чертовски много времени, *Prophet's Song* мы писали три недели, но мы чувствовали себя абсолютно свободными, мы хотели и могли создать нечто экстремальное. Представьте для начала, что значит записать оперу! На мой взгляд, этот альбом сочетает в себе экстраординарность *Queen II* и качество *Sheer Heart Attack*. Здесь собраны лучшие песни, которые мы когда-либо написали.

I'm In Love With My Car, вышедшая на второй стороне *Rhapsody*, — первый хит Роджера. Он очень его хотел, и, я думаю,

он заслужил того, что эта песня стала большим хитом в Европе.

Love Of My Life — небольшая красивая баллада. Здесь явно ощущается мое «классическое» влияние. Брайан здесь играет на настоящей большой арфе. Помню, я подумал: «Я заставлю его играть до тех пор, пока у него пальцы не отвалятся».

Сейчас на концертах она исполняется под гитару, но изначально была написана для пианино. Где бы мы ни выступали, публика знает, как петь *Love Of My Life*, и это всегда потрясающее зрелище при таком количестве народа.

Однажды я посвятил *Love Of My Life* Кенни Эверетту в эфире его радиопередачи [1976] за его безгранично теплое отношение к нам и за то, что он позволил нам принять участие в его программе «Be Vor Bonanza». Это песня с альбома *Sheer Heart Attack...* Ой, нет, это с *A Night At The Opera*, Бог мой! Мы столько написали, что я уже забываю.

You're My Best Friend — песня Джона Дикона. Я правда был очень рад этому факту. Джон действительно начал сочинять в то время. Он очень много работал над своей песней, и она оказалась по-настоящему хорошей, не правда ли? Очень славная вещь. Она добавила разнообразия Queen — понимаете, о чем я?

A DAY AT THE RACES (1976)

На треке *You Take My Breath Away* много раз записан я один. Других голосов здесь нет. Я же сыграл на пианино — и, собственно, всё. Не знаю, как нам, со всеми нашими наворотами, удалось сохранить простоту этой песни. Многие, видимо, думают, что мы любим все усложнять, но это неправда. Все зависит от конкретной вещи. Если это необходимо, мы делаем сложно. Эта же песня очень прозрачная по нашим стандартам.

Long Away написана и исполнена Брайаном на двенадцатиструнной гитаре. В ней очень интересные гармонии.

Эффект большого хора в *Somebody To Love* создают всё те же три человека, разве что использована несколько иная манера: это скорее стиль госпела, что было необычно для нас. Я был помешан на этой песне. Дело в том, что мне всегда хотелось сделать что-нибудь в манере Ареты Франклин. Меня вдохновляло звучание госпела на ее ранних альбомах. Хотя может показаться, что мелодически это то же самое, в студии все не так, потому что используется другой диапазон.

The Millionaire Waltz — нечто совершенно странное. Мне нравится включать в каждый альбом такого рода вещи — что-то совсем не в формате Queen. Брайан полностью оркестровал ее на гитаре, да так, как никогда прежде не делал. Он имитировал все: тубу, флейты, виолончель. На это ушли недели. Брайан очень

педантичен. Этот трек — нечто абсолютно новое для Queen: вальс Штрауса.

На самом деле это о Джоне Риде, который был нашим менеджером в то время. Думаю, здесь я тоже позволил себе некоторое безумство. Но полагаю, вышло прекрасно и часто вызывает улыбку у слушателей.

Я с большим удовольствием повторяю, что Брайану удалось сделать замечательные гитарные ходы. Он действительно довел свою гитарную оркестровку до совершенства. Не знаю, сможет ли он когда-нибудь превзойти самого себя в этом плане. Джон здесь сыграл прекрасную басовую партию. Вообще, вышла отличная вещь, и мы остались ею довольны. Думаю, она получилась такой замечательной благодаря оркестровке. Брайан действительно извлек из своей гитары что только можно было. Согласен, он делал подобное и раньше, но... это было что-то!

You And I завершает первую сторону альбома. Это песня Джона Дикона, его вклад в этот альбом. Его песни становятся все лучше и лучше с каждым разом. Это начинает меня беспокоить.

Tie Your Mother Down — одна из тяжелых вещей Брайана. Помню, как мы первый раз исполнили ее в Гайд-парке летом 1976 года, еще до того как она была записана. Я сумел задать тон этой песней, выступая перед аудиторией, прежде чем записал вокал в студии. Это очень резкая песня, и для меня тогда это было то, что надо.

Эта вещь была хорошо принята, особенно в Англии. Она стала очень сильным концертным номером. Думаю, она отлично звучит. Она открыла нам новые горизонты.

White Man, на второй стороне сингла *Somebody To Love*, тоже песня Брайана. Очень блюзовая вещь, дающая мне возможность немного похрипеть. Думаю, она станет сильным концертным номером.

Good Old Fashioned Lover Boy — очередная моя водевильная вещь. Я периодически сочиняю водевильные вещи, хотя *Lover Boy* проще, чем, например, *Seaside Rendezvous*. Достаточно незатейливые партии пианино и вокала, запоминающийся ритм — альбому нужны такие треки для разгрузки.

Drowse — очень интересная песня Роджера. Роджер очень рок-н-рольный музыкант. Здесь отличное гитарное соло Брайана и вокал Роджера. У этой вещи очень запоминающаяся, даже навязчивая мелодия. Я все время напеваю ее.

Альбом *A Day At The Races*, — а не *Horse Feathers*^[25] это другой фильм братьев Маркс, — заканчивается японской вещью, написанной Брайаном, *Teo Torriatte*, что переводится как «давай останемся верны друг другу». Это очень эмоциональная песня,

одна из его лучших вещей. Брайан играет на фисгармонии и исполняет красивые гитарные партии. Это прекрасная песня для завершения альбома.

NEWS OF THE WORLD (1977)

We Are The Champions — самая самовлюбленная и высокомерная песня, которую я когда-либо написал. Вообще-то я думал о футболе, когда ее сочинял. Я хотел придумать песню, которая бы исполнялась вместе с аудиторией и была бы подхвачена фанатами. Она была нацелена на массы. Я много думал о том, как ее воспримут. Она сработала как нельзя лучше. Когда мы исполнили ее на частном концерте в Лондоне, публика действительно перешла на футбольные распевки между песнями. Безусловно, я сделал ее драматичнее обычных футбольных речевок. Вы же меня знаете!

Конечно, я не думал о реакции прессы, когда сочинял эту вещь. Я никогда не заморачиваюсь по поводу британской прессы. Она действительно предназначалась для музыкантов и болельщиков. Возможно, ее можно считать моей версией *I Did It, My Way*^[26]. Мы сделали ее, и это было нелегко. «No bed of roses»^[27], как поется в песне. Это и сейчас нелегко. Песня была подхвачена футбольными фанатами, потому что это песня победителей. Думаю, что кто-нибудь уже написал песню, которая придет ей на смену.

Spread Your Wings — очень в стиле Джона Дикона, только с более хриплыми гитарами. После того как я записал вокал, Джон добавил все это гитарное многоголосие, и характер песни изменился. Я считаю, это его лучшая вещь на сегодняшний день.

THE GAME (1980)

Я сочинил *Crazy Little Thing Called Love* на гитаре и отстукивал ритм во время записи, и получилось достаточно хорошо, потому что все эти ведущие гитарные партии исполняет Брайан, как и свое традиционное соло. Меня в определенной степени ограничивает то, что я знаю не много аккордов. Я только учусь, но надеюсь больше играть на гитаре в будущем. Это песня не типична для меня, но это потому, что у меня вообще нет ничего типичного.

Another One Bites The Dust, стала танцевальным хитом, но это не значит, что теперь мы собираемся работать в этом стиле. Нам нравится экспериментировать, хотя я многим обязан этому черному ритму музыки диско — Майклу Джексону, Стиви Уандеру и Арете Франклин.

UNDER PRESSURE (в сотрудничестве с Дэвидом Боуи, 1981)

Under Pressure получилась совершенно случайно, дорогие мои. Дэвид заглянул однажды к нам в студию в Монтрё, где мы работали в то время над записью нового материала. Мы начали просто дурачиться, и вдруг стало что-то намечаться и пошло очень быстро. Мы оба были безмерно довольны результатом.

Возможно, это была совершенно неожиданная вещь, но как группа мы твердо верим в то, что должны делать необычные, экстраординарные вещи, которых от нас никто не ожидает. Мы не хотим двигаться по одной колее и не хотим износиться как группа, хотя, учитывая, сколько мы уже вместе, такая опасность существует. Всегда есть соблазн расслабиться и почитать на лавах, но ни один из нас этого не хочет этого.

Работать с Дэвидом было одно удовольствие. Он замечательно талантлив. Когда я увидел его в спектакле «Человек-слон» на Бродвее, его игра заставила меня подумать о карьере актера. Возможно, когда-нибудь я этим займусь, а пока у меня есть другие проекты с Queen. Мы не хотим сидеть на месте. Нам еще есть куда развиваться.

THE WORKS (1984)

Я сочинил для этого альбома песню вместе с Брайаном — наверное, будет солнечное затмение!

Она называется *Is This The World We Created*. Мне нравится эта история про то, как получилась эта вещь. Мы просматривали написанные для этого альбома песни и пришли к выводу, что нам не хватает какой-нибудь незатейливой баллады, чего-то вроде *Love Of My Life*. И прежде чем мы разошлись, чтобы придумать что-то такое, я предложил Брайану: «А почему бы нам не попробовать сочинить что-нибудь прямо здесь?», и через два дня у нас получилась песня. Он взял акустическую гитару, я просто сел рядом, и мы сочинили ее вместе.

Если бы мы заранее решили сесть и написать песню вместе, то не думаю, что у нас что-нибудь получилось, потому что тогда началась бы вся эта ерунда — обостренное самолюбие, споры и бог весть что еще. А так мы не успели даже подумать обо всем этом. Мы просто взяли и сделали это вместе. Если бы не сложилось, мы бы просто от этого отказались, но, по-моему, у нас получилось — и получилось достаточно сильно, так что мы сказали: «О, да, это прекрасно завершит альбом». А позже мы исполнили ее на концерте Live Aid.

THE MIRACLE (1989)

Лично мне не нравятся названия, которые задают альбому определенную концепцию, потому что из-за этого иногда складывается неверное представление. Например, рабочее название альбома *The Miracle* было *The Invisible Man*^[28]. В него входит песня с таким же названием, и мы хотели сделать клип и наполнить его всякими фокусами. Но представьте, что журналисты восприняли бы название в неверном значении. Тем не менее название *The Invisible Man* оставалось почти до последнего момента. Кажется, это Роджер начал говорить: «Ну же, это название не пройдет!» Так что мы задумались над тем, чтобы его изменить; на альбоме была песня *The Miracle*, и мы решили, что это неплохо нам подходит. И мы взяли название *The Miracle*. Многие могут подумать, что мы считаем наши песни чудом, — ну и плевать! Если им нравится так думать, пускай! На самом деле это просто название одной из песен альбома.

Было здорово, хотя и не обошлось без наших потасовок.

INNUENDO (1991)

Я очень доволен своим вокалом на этом альбоме. Я часто использую слово *Innuendo*^[29], играя в скраббл. Для Queen это прекрасное название.

Глава шестая

I'm Lonely But No-One Can Tell [30]

*Если бы я захотел завести
детей, то пошел бы в Harrods и купил
бы одного.*

*Там чего только не продают!
Купишь двоих — получишь еще и
няньку в придачу!*

Я не умею любить вполонину. Я не верю в полумеры и компромиссы. Я просто терпеть не могу компромиссов — ни в чем. Я отдаю все, что имею; такой уж у меня характер.

Я стараюсь сдерживаться, когда меня влечет к кому-то, но я просто не умею контролировать свою любовь. Она бушует во мне. Я влюбляюсь очень быстро, и это всегда кончается страданиями. Может быть, я просто притягиваю к себе не тех людей? Мое сердце все в шрамах. Но я ничего не могу с собой поделать, потому что по сути я слишком чувствителен и доверчив.

В любви невозможно владеть собой, и я ненавижу это чувство. Я пролил реки слез. Я могу быть жестким снаружи, но у меня очень нежное сердце. На сцене я демонстрирую свой мужественный, жесткий облик, но у меня есть и сентиментальная сторона, я способен таять, как масло. Я настоящий романтик, просто как Рудольф Валентино, но некоторые статьи представляют меня чертовски холодным.

Во мне есть и жесткость и чувствительность, и одно не так уж далеко от другого. Если я встречаю того, кто мне подходит, я могу быть очень ранимым, просто как ребенок, и об меня обязательно вытрут ноги, но иногда я бываю очень жестким, и, когда я чувствую себя сильным, меня никто не может ранить. Иногда я выпускаю иголки, и они очень острые!

В отношениях я обычно занимаю доминирующее положение. Я собственник. Я могу пойти на многое, стараясь быть верным и доказать это, но как только я обнаруживаю, что меня предали, я меняюсь. Когда меня предают, я превращаюсь в людоеда!

Я человек крайностей, а это может быть очень губительно. Я могу быть слишком эмоциональным, и это тоже пагубная черта моего характера. Мне кажется, я просто съедаю людей, когда они становятся слишком близки, и уничтожаю их, как бы сильно я ни старался наладить отношения. Должно быть, во мне есть какой-то дух разрушения, потому что я изо всех сил стараюсь выстроить

отношения, но каким-то образом подвигаю людей к тому, чтобы они меня бросили. Они всегда обвиняют меня в разрыве отношений, потому что я знаменит. Все, с кем у меня когда-либо были отношения, начинали борьбу, пытаюсь стать достойной парой для меня.

Я ужасно балую тех, кого люблю. Мне нравится делать их счастливыми, и я получаю огромное удовольствие, когда дарю им роскошные, дорогие подарки, но все заканчивается тем, что меня просто растаптывают. Я обезоруживаю сам себя, когда открываю им всю свою душу.

Иногда я просыпаюсь в холодном поту от страха, что я один. Поэтому я выхожу, чтобы найти кого-нибудь, кто полюбит меня, хотя бы на одну только ночь. Но такие ночи — это всего лишь спектакль. На самом деле я хочу много любви, но я все время влюбляюсь, чтобы потом страдать. Кажется, здесь мне никогда не одержать победы.

С одной стороны, наверное, чем больше я испытываю неудач и разочарований, тем лучше песни, которые я пишу. Как только я нахожу кого-нибудь, завязываю серьезные отношения, это чувство сразу же выливается в прекрасные песни. Я как будто бы живу прошлыми разочарованиями. Ну, говоря все это, я даже не знаю... не знаю, что ждет меня в будущем. Мне хочется потрясений. Мне всегда этого хочется. Думаю, я просто так устроен. Как только все становится хорошо, я начинаю испытывать скуку. Я сам себе все порчу.

Да, я голубой. Я все это прошел. Я голубой как фиалка. Но я не мог бы влюбиться в мужчину так же, как в девушку. Я не стремлюсь исключительно к голубой компании, но в этом бизнесе очень трудно найти настоящих друзей и умудриться их не потерять. Среди моих друзей много геев, и много девушек, и много *пожилых* людей! Я вращаюсь в артистической среде, а вы знаете, что это такое. У меня была подруга, с которой я жил в течение пяти лет — Мэри. Были у меня и бойфренды. Если бы я всегда все о себе рассказывал, не было бы никакой тайны. Выходить на люди и публично обо всем этом рассказывать в деталях я считаю ниже своего достоинства. Возможно, я более раскрепощен в сексуальном отношении, чем другие, но это меня вполне устраивает.

Я живой человек. Я хочу, чтобы люди понимали, что я живой человек. Потому что создается впечатление, что я какой-то ущербный — люди всегда ассоциируют меня с моим так называемым сценическим образом. Никто не любит меня настоящего. Если посмотреть вглубь, все они влюблены в мою славу и известность. Поэтому фактически мне приходится

сопротивляться чувству. Чаще всего это оборачивается против меня. Я хочу иметь отношения, но все время чувствую, что должен сопротивляться. Похоже, я создал монстра. Мне нужно найти кого-нибудь, кто бы принял меня таким, какой я есть на самом деле, но это очень нелегко. Для этого нужно постараться отделить одно от другого, а это непросто — это как две стороны медали. В моей жизни было много неудачных романов, очень трудно найти искреннего человека. Никогда не знаешь, хотят ли они тебя или Фредди Меркьюри — поп-звезду... а это совсем другое!

Я могу быть хорошим любовником, но сейчас, по прошествии всех этих лет, я думаю, что я не очень хороший спутник по жизни для кого бы то ни было.

У меня было много любовников и любовниц. У меня их было больше, чем у Лиз Тейлор! Обоих полов. Я пробовал найти любовь и там и там, но мои отношения никогда не продолжались долго. Все они были неудачны. Очевидно, я не очень умею поддерживать отношения. Любовь для меня — русская рулетка.

Найти того самого человека очень трудно, и иногда я из кожи вон лезу. Порой я терял самообладание. Я имею в виду, что чем больше я разочаровывался в своих отношениях с кем бы то ни было, тем больше накапливалось стрессов и огорчений и тому подобного. Бог мой! Это звучит так, как будто я жалуюсь, но это не так. Я чувствую, что весь покрыт шрамами, и я просто думаю, что не вынесу еще одной душевной раны.

Мне бывает больно, но я стараюсь не делать из этого представление. Я не из тех, кто затаивает злобу. В самый момент предательства я чувствую себя так, будто меня ударили ножом в спину, и, конечно, моя первая реакция — «Я убью этого ублюдка!» Но это проходит. Я заставляю себя справиться с этим чувством. Я не задерживаюсь на нем. Оно того не стоит. Меня много предавали, но я стискивал зубы, прикусывал язык и говорил: «Да пошли они!»

Часто мы расстаемся друзьями после всего, что было, что очень меня удивляет. Столько людей меня откровенно поимели, что я думаю: «Никогда больше!» А кто-нибудь из моих близких друзей говорит: «Как ты мог этого не заметить?» Знаете, я доверчивый и мягкий человек.

Я просто одержим любовью. Другие разве нет? Большинство моих песен — любовные баллады, где говорится о вещах, связанных с грустью, страданием, болью. Мне кажется, я сочиняю много грустных песен, потому что я очень трагичная личность. Но в них всегда есть ирония.

Однажды я написал песню *My Love Is Dangerous* [1985]. У меня

такое ощущение, что моя любовь действительно опасна. На самом деле я никогда не анализировал сам себя, но с годами я пришел к мысли, что не могу быть хорошей парой ни для кого, и, думаю, такова моя любовь. Моя любовь опасна. Тем не менее кто хочет, чтобы любовь была безопасна? Вы можете представить песню под названием «Моя любовь застрахована»? Кто такое купит?

Я провоцирую разногласия, поэтому со мной не легко иметь близкие отношений. Я наичудеснейший человек, какого только можно встретить, мои дорогие, но жить со мной очень тяжело. Не думаю, что кто-нибудь смог бы меня терпеть, хотя иногда я очень стараюсь. С одной стороны, я жаден, хочу, чтобы все было по-моему, но кто этого не хочет? Я очень любвеобильный человек, знаете, и я очень щедрый человек. Я требую многого, но я и много отдаю взамен.

Я заметил также, что с годами я стал озлобленным в этом отношении. Я просто никому не верю, потому что меня предавали много раз. Чем чаще тебя обманывают, тем больше накапливается обид. Мне очень трудно открыться людям, потому что я больше не верю этим обманщикам. В моем положении просто невозможно выйти победителем. И тут уже ничего не поделаешь.

Когда ты достиг успеха, становится очень трудно жить. Ты обнаруживаешь вокруг себя настоящих мерзавцев. Я просто принимаю это так, как оно есть. На самом деле именно поэтому я создал себе такой суровый внешний имидж. Я хочу сказать, что чаще всего, когда люди заговаривают со мной, я сразу же начинаю думать: «Чего они хотят? Ему нужно то или это?» Так что людям очень нелегко узнать меня. Мне приходится быть очень настороженным в их отношении. Я должен в них разобраться. Возможно, иногда я ошибаюсь, но я должен это делать. Нельзя все время держать распростертые объятия для всех — приходится присматриваться к людям.

Успех принес мне миллионы фунтов и всемирную известность, но он не дал мне того, что нужно всем — любви. Тебя могут любить тысячи и тысячи поклонников, но при этом ты остаешься самым одиноким человеком на свете. И от этого становится еще хуже, потому что люди не в состоянии понять, как ты можешь быть одиноким.

Многие удивляются, как это Фредди Меркьюри может быть одинок. У него есть деньги, машины и шоферы, у него полно всего. Им кажется, что ты имеешь всё, но на самом деле у тебя нет ничего. Возможно, однажды разберусь сам с собой, и это станет полным моим крахом. В действительности такое одиночество порой очень трудно переносить, потому что, несмотря на окружающие тебя толпы людей, ты все равно одинок.

Понимаете, одиночество совсем не означает затворничества наедине с самим собой — ты можешь находиться среди массы народа, но оставаться самым одиноким человеком в мире. Это очень тяжело.

Звучит как «бедный несчастный Фредди!». Да у меня теперь отбоя не будет от предложений!

Трудно быть в моем положении. Любая мелочь может все испортить. Иногда ты ощущаешь себя очень сильным и тебе удается выстраивать отношения, несмотря ни на что, но достаточно одной-единственной мелочи — и слово из трех букв отправляет тебя куда подальше. Но ты еще можешь продолжать бороться. Я пробовал — все без толку. Это приносит столько душевных страданий, что я просто не хочу испытывать их снова. Честное слово. Я уверен, что любовь превыше всего, но любовь может уничтожить тебя. Нужно быть очень сильным. Любовь может разрушить все, что ты построил, если ты ей позволишь. Думаю, нужно быть бессердечной сукой.

Многие из тех, кого средства массовой информации представляют очень сильными, на самом деле совсем не такие. Иногда самые сильные могут в одночасье упасть. Это все равно что надуть воздушный шар: потом достаточно одной иголки и — пш! Необходимо быть очень осторожным.

Я живу полной жизнью. Сексуально я ненасытен. Я сплю с женщинами, мужчинами, кошками — дальше продолжайте сами. Я иду в постель с чем угодно! Моя кровать настолько огромна, что может легко вместить шестерых. Я предпочитаю секс без каких бы то ни было обязательств, поэтому иногда я бываю очень неразборчив в связях. Бывало, я, как старая блядь, просыпался утром почесывая затылок и раздумывая над тем, кого бы поиметь сегодня. Я просто жил ради секса. Я очень сексуальная личность, но сейчас я стал более разборчив, чем раньше. Я хочу, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Я хочу обезопасить себя, но при этом не хочу терять свою свободу.

В настоящее время я живу совершенно один, и, верите вы этому или нет, я абсолютно счастлив. Я избавился от трех человек, которые работали со мной, и это было прекрасно. Я не решался сделать этот шаг, боясь их обидеть, но потом подумал: «Просто сделай это!» Вот так. Их больше нет. Раньше я думал, что не смогу жить один, что вокруг меня должны быть люди, но сейчас я вижу, что могу обходиться без них, и это замечательно.

Сейчас со мной никто не живет. Ко мне приходит домработница, которая иногда разбивает дорогие вещи... Если бы она жила во времена Людовика XIV, то после нее до наших дней не дошло бы ни одной антикварной вещи. Иногда меня навещает

Мэри и присматривает за мной. Это звучит скучно, не так ли? Но мне это нравится. Я люблю простор. Наконец-то я создал хоть какое-то подобие свободы и пространства для себя. Это просто чувство свободы — не то чтобы я совсем уже опустил руки.

Если вы послушаете *Living On My Own* — это практически обо мне. О том, как жить одному, но при этом не скучать. Примерно в середине песни, где я начинаю петь скатом, я говорю, что человеку с моим образом жизни приходится мотаться по всему свету и останавливаться в отелях и что это может быть очень одинокая жизнь. Но я сам выбрал это. Эта песня не о самостоятельной жизни людей, живущих в частных квартирах, а обо мне, о моей одинокой жизни. Я имею в виду, что вас может окружать целая куча людей, которые заботятся о вас, но в конце концов все они уходят, а вы остаетесь в гостиничном номере в полном одиночестве. Но я не жалею. Это совершенно особый вид одиночества. Люди, добившиеся успеха, как я, тоже могут быть одиноки. Я просто говорю, что я живу один и веселюсь на полную катушку! В этом есть определенный смысл, не так ли?

Тем не менее вы не можете наслаждаться успехом, а потом, проснувшись однажды утром, заявить: «Нет, сегодня я не хочу быть суперзвездой. Я хочу прогуляться по улицам в свое удовольствие». Это невозможно. Если вы знаменитость, вы не можете вот так запросто подойти к первому встречному и сказать: «Послушай, ведь на самом деле я такой же, как все».

Если говорить о счастье и любви, в настоящий момент я совершенно удовлетворен. Я нашел что-то, что меня устраивает, и это совершенно ново для меня. Ты всегда думаешь, что есть некая цель, и хочешь достичь ее. Но вдруг осознаешь, что ты уже ее достиг, и твоя цель — уметь этим наслаждаться.

У каждого свое представление об идеале, и я всегда думал, что это могло бы быть так или этак. Я пытался найти свой идеал, но все время терпел неудачи. Я не могу его определить. Я научился жить с этим. Это своеобразная форма счастья — любви то, что имеешь, или оставь это. Думаю, я не лукавлю, когда говорю, что вполне доволен. И вместо того чтобы суетиться, пытаюсь что-то удержать, я лучше пойду домой, закрою дверь и стану жить дальше.

Я бы хотел полюбить кого-нибудь и вступить в прекрасные длительные отношения, но я не верю, что это может произойти со мной и что моя жизнь подходит для этого. По крайней мере, такого никогда не случалось. Мне кажется, так будет и дальше, и я вынужден с этим смириться. Если сформулировать это для себя, то можно выпустить пар и сказать: «Черт с ним! Этого не произойдет так, как ты хочешь, стоит ли тогда так

заморачиваться?»

Я люблю быть свободным. Я хочу быть свободным как птица. Мне кажется, я уже к этому привык. Честно говоря, сейчас мне настолько хорошо, что я не хочу ничего менять. Но... никогда не знаешь, чего ожидать! Вот Элтон Джон — по-моему, мы ровесники, нам около сорока, — люди меняются; неожиданно у них возникает желание остепениться, завести детей, и с ним это произошло. Наверное, он просто пришел к этому немного раньше, чем можно было ожидать. Я думал он еще подождет, но... никогда нельзя быть уверенным, все может случиться.

Я не могу представить себя женатым. Никто не пойдет за меня, приятель... слишком большое приданое. А если бы я хотел детей, то пошел бы в Harrods и купил бы одного — там все можно купить. Да, так я и сделаю. Пойду и куплю ребенка. Купишь двоих — еще и няньку в придачу получишь!

Никто не хочет разделить свою жизнь со мной. Это как в старых голливудских историях: все эти замечательные актрисы не могли продолжать отношения, потому что на первом месте у них была карьера. Так и со мной. Я не могу ни на секунду остановить колесо и посвятить себя любви, потому что в этом случае в твоей карьере неизбежно накопятся всевозможные проблемы. Колесо должно крутиться, и это делает невозможной совместную жизнь с кем бы то ни было. Видимо, это обратная сторона успеха.

Я бы не стал жертвовать своей карьерой, если бы этого захотел мой партнер. В ней вся моя жизнь. Чем бы я стал заниматься? Выкапывал сорняки, толстел и был по уши влюблен? Нет, я предпочитаю по-прежнему иметь успех, писать замечательные песни и быть влюбленным — правда, до сих пор так не получалось. Моя личная жизнь всегда будет неупорядоченной. Но я буду стараться.

Музыка мне не вместо жены, я предан любви. У меня может не хватать на это времени, но с музыкой у меня не те отношения. Музыка — моя работа, моя профессия. Возможно, это не привычное «с девяти до пяти», но все же работа. Музыкой я зарабатываю деньги. Я безнадежный романтик, я предан любви и людям.

В 1984 году Фредди встретил Джима Хаттона. Они оставались вместе до самой смерти Фредди в ноябре 1991 года.

Я хотел полного спокойствия после бури. Все ожидают от меня каких-то бурных отношений. В сущности, я жил тем образом, который сам же и создал, и думал, что так оно и должно быть. Я всегда думал, что должен стать лидером, капитаном

корабля. Я из кожи вон лез, развлекаю всех, даже вне сцены, а потом подумал: «Нет, ты не обязан это делать. Пусть этим занимаются другие. Просто будь собой и постарайся стать обыкновенным». Я считал, что должен выступать, устраивать представление везде, где появляюсь. Но потом я решил: «Ты не должен больше этого делать. И пускай говорят, что ты стал скучным». И замечательно! Теперь могут сказать: «О боже, как с тобой скучно! От тебя и слова не дожدهшься», но сейчас мне это нравится. Короче, если я скучен, найдите себе другое развлечение. Понимаете, они привыкли к тому, что я их развлекаю. Если бы в былые времена кто-нибудь сказал, что я скучен, я бы голову потерял, я бы запсиховал... но теперь мне это нравится.

Я решил: «Брось все и начни с начала. Постарайся увидеть себя другим». Это невозможно делать по чуть-чуть — только разом.

Я очень доволен своими теперешними отношениями и, честно, не хочу просить о большем счастье. Наступило какое-то... умиротворение. Да это подходящее слово. Не называть же это менопаузой! Я наконец-то нашел что-то вроде умиротворения. Мне не приходится себя переламявать. Мне не нужно ничего доказывать самому себе. Сейчас в моих отношениях полное взаимопонимание. Это звучит скучно, но это прекрасно!

Я наконец нашел ту нишу, которую искал всю свою жизнь, и ни один урод в этой вселенной не расстроит моего счастья.

Глава седьмая

Love Of My Life [31]

Да, мне бы хотелось иметь ребенка, но я скорее заведу еще одну кошку.

Мэри — мой самый лучший друг во всем мире. Наши отношения — чистая дружба, и это дружба самой высокой пробы. Это инстинктивное чувство. Я построил очень тесные отношения с Мэри. Для нее я открыт больше, чем для кого бы то ни было. Мы пережили множество взлетов и падений за время нашей совместной жизни, но это только укрепило нашу связь. Я знаю, многим людям трудно понять наши отношения. Все, кто так или иначе входит в нашу жизнь, вынуждены их просто принимать как должное. Мы очень сильно любим друг друга и заботимся друг о друге. Мне больше никто не нужен.

Все, кого я любил, спрашивали, почему они не могут занять место Мэри, но это просто невозможно. Мэри — моя гражданская жена. Для меня это был брак. В любом случае, что такое брак, — бумажка, которую вы подписываете? Мы считали, что *были* женаты, и продолжаем считать, что женаты. Брак — это слово для других. По сути, вы можете пройти всю эту процедуру и даже не быть близки друг другу. Вас просто связывает какой-то клочок бумаги... Я этого не понимаю. Для меня это просто фарс.

Я считаю Мэри своей гражданской женой, и мы прекрасно ладим. Это связь сердец. Мы счастливы вместе, и нам не важно, что думают другие. Мы доверяем друг другу, и этого для меня достаточно. Мы верим друг в друга, и пошли все к чертям собачьим! Никто не вправе указывать нам, что делать. Я считаю, что мы женаты. Наш брак заключен на небесах.

Я познакомился с Мэри в 70-х, и с тех пор у нас прекрасные отношения. Я встретил ее в бутике Биба в Лондоне, где она работала. Я был поклонником Биба с самого его открытия, задолго до того как он стал большим магазином. В то время, когда я туда ходил, это был маленький бутик.

Мы были близки, как никто другой, хотя и расстались примерно семь лет спустя. Наш любовный роман окончился слезами, но наша глубокая связь стала еще прочнее, и этого никто не сможет у нас отнять. Это недостижимо. Меня часто спрашивают о сексуальности и прочей ерунде, но я не смог бы полюбить мужчину так, как я люблю Мэри.

Я не создан для семейной жизни. Со мной слишком беспокойно и напряженно для этого. У нас с Мэри отличное взаимопонимание. Она дает мне свободу, которая мне необходима. Я не чувствую ревности к ее любовникам, потому что она, разумеется, имеет право на личную жизнь, так же как и я. В принципе мне достаточно знать, что она счастлива — не важно с кем; и она старается относиться точно так же ко мне. Мы заботимся друг о друге, и это чудесная форма любви.

С годами я ожесточился и не доверяю никому, потому что меня часто предавали. Я просто никому сейчас не доверяю. Чем выше взбираешься по лестнице, чем больше заводишь друзей, чем большего успеха добиваешься, тем, похоже, меньше начинаешь доверять людям, а не наоборот. Это тяжело. Мне все труднее и труднее верить людям. Иногда я думаю: «Вот этот человек, кажется, то, что надо!», но потом оказывается, что я глубоко заблуждался. Честно говоря, я могу назвать только одного дорогого мне человека, которому я действительно могу полностью открыться и с которым я по-настоящему счастлив. Насчет других я бы дважды подумал, прежде чем их назвать. Я очень осторожен. Может быть, я становлюсь излишне подозрительным, но это так.

Иногда хороший друг намного дороже, чем любовник. Кроме Мэри, у меня нет настоящих друзей. По крайней мере, я так думаю. Дружья приходят и уходят. Действительно *настоящий* друг для меня должен быть очень сильной личностью, чтобы терпеть меня. Думаю, Мэри со мной прошла через все, что только можно. У нее есть необходимая глубина и все те качества, которые позволяют ей принять меня и говорить со мной о серьезных вещах. Даже теперь, когда мы не вместе, я часто общаюсь с ней по телефону. Она единственный человек, о ком я думаю. В других отношениях я забочусь о себе сам и, как могу, справляюсь со своими проблемами.

Найти несколько близких людей, которых мне было бы достаточно и которые были бы действительно преданными друзьями, очень нелегко в шоу-бизнесе. Многие считают себя моими друзьями, но я в этом не уверен. Когда они становятся слишком близки ко мне, мне кажется, что они хотят меня подавить. Не знаю, может быть, это мой характер. Я уже говорил, что, если они слишком близки, мне кажется, что меня просто растопчут. Если я им позволю, меня раздавят. В настоящее время я все меньше завожу дружбу с людьми, но жизнь продолжается.

Я бы хотел иметь ребенка, правда. Это было бы чудесно, но этого никогда не случится. Скорее я заведу еще одну кошку. Может быть, года через два или три у меня появится нужное

чувство, но сейчас я переживаю другой период — я просто хочу покоя. Впервые в жизни я чувствую, что совершенно удовлетворен. Я хочу посмотреть, как далеко это зайдет, а уже *потом* я смогу задуматься над такими вещами.

Я выстроил очень тесные отношения с Мэри, которые становятся только прочнее. Если мне суждено уйти первым, я оставляю ей все. Никто больше не получит ни пенни, кроме моих кошек. Они это заслужили. У меня было четыре кошки, но одна скончалась, бедняжка! Ее пришлось усыпить.

Только два существа платили мне той же любовью, какую давал им я: Мэри, с которой у меня были продолжительные любовные отношения, и наш кот Джерри.

На меня могут свалиться все проблемы мира, но у меня есть Мэри, и это помогает мне справиться. Она живет всего в двух минутах от меня. Я по-прежнему вижусь с ней каждый день, и я так же от нее без ума, как и раньше. Я буду любить ее до последнего вздоха. Возможно, мы состаримся вместе.

Глава восьмая

I'm Just A Singer With A Song [32]

Это все равно, что писать картину, — надо отойти, чтобы увидеть, что получилось.

Я отходил от Queen, и, думаю, это для всех было хорошим стимулом.

С самого начала существования Queen многие спрашивали, когда я собираюсь делать сольный проект. Забавно, что Брайан записал свою сольную пластинку [1983], а Роджер сделал две [1981 и 1984]. Так что я оказался последним, кто этого не сделал. Честно говоря, я уже давно считал, что нам всем стоит записать сольные альбомы. Мне кажется, любой из альбомов Queen — это четыре разных проекта в одном.

Я всегда пишу свою порцию песен, Брайан — свою, Роджер и Джон — свои; получается, что мы работаем бок о бок над четырьмя небольшими сольными проектами, а потом объединяем их вместе.

Я думаю, любой музыкант, работающий в группе, рано или поздно задумывается над собственным проектом. Это у каждого в крови. Я имею в виду, что всегда хотел сделать это, и многие думали, что я запишу сольный альбом в первые пять лет, а потом покину группу. Но этого никогда бы не случилось, потому что есть такая вещь, как природная ревность: им бы всем захотелось посмотреть, будет ли мой альбом лучше, чем последний альбом Queen. Это хорошее соревнование, потому что, если бы мой альбом отлично удался, мы бы стремились к тому, чтобы следующий альбом Queen снова стал лучше моего.

Я всегда мечтал записать сольный альбом. Я просто хотел, чтобы это произошло в нужное время и в нужном месте, — так, чтобы у меня была возможность основательно поработать над песнями, которые я хотел сделать до того, как состарюсь.

Было время, когда мы очень интенсивно гастролировали. Наши американские гастроли продолжались от трех до четырех месяцев, и к концу становилось просто невыносимо. Я больше вообще не хотел выходить на сцену. Если исполняешь одни и те же песни в течение четырех месяцев, делаешь одно и то же изо дня в день, тебе нужно хотя бы немного отдохнуть, но мы возвращались в студию для записи нового альбома, затем ехали в

мировое турне, а потом назад. Так было заведено. У нас не было времени на перерыв, и мы действительно работали таким образом в течение восьми или девяти лет. Мне все чертовски надоело, как и остальным, мне нужно было отойти от этого и заняться другими вещами.

Так что альбом *Mr. Bad Guy* стал просто передышкой, возможностью без участия остальных сделать то, о чем я мечтал все эти годы. Но это ни в коем случае не подразумевало разрыв с Queen. Это было своеобразной отдушиной, я уже давно хотел сделать нечто подобное. Я хотел написать несколько песен, которые бы могли выйти под именем Фредди Меркьюри, мне хотелось сделать вещи, которые бы не прошли в рамках группы. На самом деле несколько песен, которые мы не включили в альбомы Queen, вошли в мой сольный альбом, но это хорошие песни.

Когда записываешь сольный проект, ты сам себе хозяин, и я обнаружил, что мне так легче работать. Я сам принимаю все решения, и хотя временами бывает трудно, у меня все выходит немного быстрее. Вы можете назвать это эгоизмом, причудой — называйте как хотите, но, по сути, это всего лишь сборник песен, которые я хотел сделать *по-своему*... Как Фрэнк Синатра.

У меня было полно идей, которые просились наружу, и оставалось так много территорий в музыке, которые я хотел освоить, но не мог этого сделать с Queen. Я хотел попробовать такие вещи, как регги, и сделать пару песен с оркестром. Остальные участники группы одобряли мои идеи. Честно говоря, я бы хотел, чтобы вся группа играла на этом альбоме, но тогда это бы не был альбом Фредди Меркьюри. Если уж делать по-настоящему сольный альбом, то им следует оставаться в стороне, вот и все. Я думаю, они бы хотели поучаствовать в записи некоторых песен, но тогда это получились бы песни Queen, так что мне пришлось проявить определенную твердость.

Изначально у меня была мысль задействовать всех известных исполнителей на этом альбоме. До этого я работал с Майклом Джексоном [1982], и он сказал, что с удовольствием примет участие в записи одной песни. Но в результате оказалось слишком поздно, потому что трудно собрать таких людей в нужное время в нужном месте. Так что к тому времени, когда я приступил к записи, я понял, что делаю все сам и получается по-другому, и тогда я решил сделать его полностью самостоятельно. Почти все сессионные музыканты, игравшие на этом альбоме, из Германии, и они большие профессионалы в своем деле, но они не так знамениты, как Майкл Джексон или Род Стюарт. Тем не менее я доволен, потому что это оказался наилучший способ сделать

мой первый сольный альбом.

Я вложил свою душу и сердце в альбом *Mr. Bad Guy*, и, думаю, он получился очень откровенным. В нем есть очень трогательные баллады — это грустные песни, но в то же время они очень легкомысленные и насмешливые, потому что такова моя натура. Мне кажется, песни этого альбома дают представление о моей жизни — все многообразие ее настроений и чувств.

Что касается самого названия *Mr. Bad Guy*, — это обо мне. Плохой парень — *это я*. Я не стану этого объяснять, вы все поймете из альбома.

There Must Be More To Life Than This — это песня об одиноких людях. В принципе это очередная песня о любви, но ее трудно назвать таковой, потому что она затрагивает и другие темы. Это песня о том, почему люди сами создают себе столько проблем. В основном об этом, но я не хочу слишком долго на ней останавливаться. Это одна из тех вещей, которые я написал уже давно. Майкл Джексон как-то услышал ее, и она ему очень понравилась, и, если бы получилось, мы бы сделали ее вместе, но я не мог ждать, потому что хотел включить ее в этот альбом, так что пришлось обойтись без его участия. Он еще заплачет, когда услышит эту вещь!

Вообще-то мне нравятся все песни этого альбома, но одна из самых любимых — *Love Me Like There's No Tomorrow*, мне нравится, как она получилась. Это очень личная песня. Я сочинил ее за пять минут — все просто встало на свои места. Это очень эмоциональная, очень-очень сильная вещь. Я люблю эту песню.

Когда я закончил альбом, то немного растерялся с названием, но для меня названия альбомов не имеют большого значения. Важно то, что слышишь, а не то, как это называется. Не судите о книге по обложке — хотя здесь на обложке есть мое прекрасное фото. Изначально я назвал пластинку *Made In Heaven*, а потом передумал. Я же не был Сделан На Небесах... гром так и не раздался!

Я получил удовольствие от альбома и от своего голоса. Мне понравилась это хрипотца. Поэтому я курю — чтобы голос стал хриплым. Я посвятил этот альбом всем любителям кошек. К черту всех остальных!

Да, я хочу, чтобы он стал успешным. Он очень много для меня значит, потому что я хочу, чтобы музыка, которую я сочинил, нашла самый широкий отклик у публики. Говорят, если бы он не стал хитом, мне стоило бы подать в суд на Warner Brothers! Но я не слишком-то беспокоился о его успехе, потому что в случае неудачи я просто сочинил бы новый.

Планируя свой второй сольный проект, я уже хотел, чтобы

это был не просто набор песен. Я хотел, чтобы в нем была какая-то основа, что-то особенное, что-то делающее его убойной вещью. Это могло быть что угодно, главное, чтобы оно отличало его от любого другого скучного студийного альбома. Потому что даже при отличном материале это была бы всего лишь очередная пачка песен, записанная на пленку и выпущенная в свет. Так что я искал идеи, и вдруг меня озарило и возникли эти два удивительных слова — Монсеррат Кабалье.

Это действительно был мощный стимул. Это было неожиданно, как гром среди ясного неба. Это так меня захватило, что я не мог думать ни о чем другом. Это было волшебно. Тут было столько размаха, столько жизни и энергии, и для меня это был не просто рабочий момент. Я испытывал благоговейный трепет.

Я считаю, что у Монсеррат просто сверхъестественный голос; я упомянул об этом на испанском телевидении, а она услышала. Насколько я знаю, вслед за этим она позвонила мне и предложила сделать что-нибудь вместе. Я был совершенно ошарашен. Хотя я и обожаю оперу, я никогда не думал о том, чтобы петь ее.

Итак, я полетел в Барселону, чтобы встретиться с Монсеррат. Я страшно нервничал. Я не знал, как себя вести и что говорить. К счастью, она помогла мне чувствовать себя совершенно легко и свободно, и я обнаружил, что у нас обоих одинаковое чувство юмора. Она спросила: «Какое твое любимое число?», я ответил: «Один». Тогда она сказала: «С этого момента я буду называть тебя Мой Номер Первый!», на что я ответил: «А я тебя — Моя Примадонна!» Это было великолепно. Она всегда шутит, она чертыхается, она никогда не относится к себе серьезно. Это очень удивило и взволновало меня, потому что я-то считал, что все великие оперные певцы обязательно должны быть строгими, отчужденными и порядком грозными. Но Монсеррат была удивительна. Я сказал ей, что восхищаюсь ее пением и что у меня есть ее пластинки, и спросил, слышала ли она меня. Она ответила, что ей нравится слушать мою музыку и что в ее коллекции есть и альбомы Queen. Она даже думала, что я предложу ей исполнить рок-н-ролл, но я запротестовал: «Нет, нет, я не собираюсь заставлять тебя петь гитарные партии Брайана Мэя — вот уж чего я совсем не хочу!» Хотя она готова была попробовать это забавы ради.

Я не мог просто подойти к ней и заговорить о своем проекте, потому что такие вещи так не делаются. Я решил в музыкальной форме продемонстрировать ей, что хочу сделать, потому что очень трудно объяснять музыкальные идеи на словах. Поэтому я с

Майком Мораном написал несколько вещей для ее голоса и сыграл их для нее, она сразу же ими увлеклась — так все и началось.

Я думал, мы запишем всего одну песню или дуэт, но она удивилась: «Только одну песню? Ты хочешь сделать только одну песню?», на что я ответил: «Давай посмотрим, как у нас пойдет, и если тебе понравится моя музыка...» Тогда она поинтересовалась: «Сколько обычно песен выходит на рок-альбоме?» Я ответил: «Десять». «Значит, сделаем десять». Я подумал: «Замечательно. Начинаю петь оперу. Прощай, рок-н-ролл!»

Я предложил, что буду сочинять песни, а она пусть приходит и отбирает. Она сверилась с расписанием своих концертов и сказала: «У меня есть три свободных дня в мае, и всё». Она хотела прийти и разом все сделать — но они именно так и работают, понимаете. Мне нужно было успеть все приготовить, но меня подстегивала мысль об этих трех днях.

Наверное, смешно представить нас вместе. Но если у нас есть нечто общее в плане музыки, то не имеет значения, как мы смотримся или откуда мы пришли. Когда она предложила: «Давай сделаем альбом», я подумал: «Боже мой! Что же мне теперь делать?», потому что нельзя было подвести примадонну. Уж лучше бы я и не начинал! Но я рад, что все-таки сделал это, потому что это было так необычно. Это был абсолютный не рок-альбом, и он действительно потребовал большой дисциплины.

Я не хотел, чтобы у нас сложилась принудительная ситуация. И я рад, что она это поняла и прямо сказала: «Послушай, мне бы хотелось сделать нечто. Мы оба музыканты, и если у нас не будет получаться, признаемся, что не идет и покончим с этим». Это был по-настоящему поворотный момент в моей карьере, потому что она так отнеслась ко мне, что я был буквально сражен этим. Бог мой! Я ни за что бы не поверил, что кто-нибудь с ее рангом и положением в музыкальном мире захочет спеть со мной дуэтом.

Дополнительное напряжение возникало еще и потому, что это был большой риск. Не думаю, что кто-нибудь делал нечто подобное раньше. Мне пришлось углубиться в вопросы оперы, чтобы удостовериться, что я правильно использую ее голос. Поэтому я провел много времени, разговаривая с ней и слушая ее записи, я хотел выявить все нюансы ее пения, чтобы раскрыть их в своей музыке. Я хотел услышать, что она может делать и использовать тончайшие оттенки ее голоса в песнях, которые я сочинял. Я должен был разобраться также, насколько сочетаются наши голоса. Какой бы замечательной ни была песня, если ваши голоса не подходят друг другу, вам придется работать над ней в два раза больше. Благодаря знакомству с Монсеррат я узнал

много нового о музыке, и очень ее за это уважаю.

Я никогда не занимался оперным пением, и мне уже поздно начинать, дорогие мои. У меня вообще нет никакого специального образования. Но я прошел через очень хорошую школу интенсивного пения за все эти годы. Я не думаю, что рок-певцы имеют музыкальное образование, они учатся в процессе выступлений. Мой голос перенес многое, и уже поздновато чему-либо учиться. Мой голос такой, какой он есть. У меня просто есть свой диапазон, и его пределы зависят от настроения, в котором я нахожусь. Но именно такой голос ей и был нужен. Она не хотела, чтобы я кому-то подражал, понимаете. Ей нужен был мой природный голос.

Честно говоря, музыка увлекала, — ничего подобного я раньше не делал, я должен был сочинить песни, которые бы подходили к нашим голосам. Это было совсем непросто — требовалось правильно расставить все регистры, к тому же это были дуэты. Я не знал, как их воспримут фанаты Queen. Ведь это что-то такое затейливое. Согласитесь, их невозможно отнести к какому-то жанру. Хуже всего назвать это рок-оперой — ужасно скучно!

Записывая альбом *Barcelona*, я имел чуть больше свободы, чтобы реализовать мои сумасшедшие идеи. Монсеррат повторяла, что к ней вернулись жизненные силы и она обрела новую свободу. Это ее собственные слова, и они очень тронули меня. Она сказала мне по телефону, что ей нравится, как наши голоса звучат вместе... и я расплылся в счастливой улыбке идиота. Я сидел дома, довольный, как кот, проглотивший канарейку, и думал: «Ух! Многие бы сейчас хотели оказаться на моем месте!»

Монсеррат — потрясающий человек, она просто обворожительна. У нее есть эта царственность. Я видел многих поп-звезд, или как их там еще называют, которые из кожи вон лезли, чтобы их замечали в обществе; но у нее есть эта природная манера и грация. Это особенно заметно, когда она входит в комнату и привлекает внимание присутствующих своей естественностью, так что невозможно не очароваться ею. Любители оперы относятся к своим примадоннам как к богиням.

Она как мечта, но в то же время я старался не впадать в экзальтированность, иначе я не смог бы ничего создать. Меньше всего она хотела давить на меня. Она даже нуждалась в своего рода руководстве, поскольку исполняла мои песни. Мне нужно было быть сильным в этом плане, так что этот альбом изрядно меня измучил. Я работал, пока не валился с ног. Но Монсеррат была абсолютно восхитительна. Большинство записей были сделаны в рамках ее графика. Дело в том, что она находилась в

разъездах со своими гастрольями по всему миру: опера здесь, репетиция там, и в промежутках оставалось очень мало времени. У нее потрясающая энергия, и это просто невероятно. Она меня измотала, дорогие мои!

Представления Монсеррат Кабалье поразительны. Она так же эмоциональна, как Арета Франклин. У нее очень естественная манера исполнения, а это особый дар. Петь с ней на сцене — просто фантастика! Какие впечатления! Это была на самом деле сбывшаяся мечта, и, пока мы не вышли на сцену, я никак не мог поверить, что это действительно со мной происходит. И хотя я осознавал, что сильно рискую, все это приводило меня в фантастический восторг.

Я был на грани нервного срыва, но и она тоже. Я втянул ее в свой мир рок-музыки, и она дрожала как лист и говорила: «Примут ли они меня?» Она спросила меня, как мы собираемся это делать, на что я ответил: «Мы просто выйдем и исполним песню», — так, как это делается на оперных концертах. Я должен был и самого себя сдерживать определенным образом. Нужно было помнить, что здесь я не могу исполнять свои балетные штучки — никаких выкрутасов, ничего такого. Нет, я должен был просто выйти в чертовом смокинге и просто спеть. Я никогда ничего подобного не делал перед аудиторией. Для меня было непривычно надеть смокинг, но вы видели, как она летала по всей сцене?

Атмосфера была удивительная. Я боялся, что меня подведет голос, потому что, когда мы готовились к выступлению, у меня начались проблемы с голосом, так что я не рискнул петь вживую. Для меня это очень трудно, потому что все песни довольно сложные и у нас не было достаточно времени для репетиций. Мы действительно хотели исполнить что-нибудь живьем, но бог мой, уверяю вас, для этого потребовалось бы ужасно много репетиций — недели и недели.

Я привык петь с Queen, когда можно легко спрятаться за их мощью. Но здесь важна каждая нота, и это требует совершенно другого отношения и дисциплины. Я могу добиться этого в студии благодаря дублям, но я сомневался, что мне удастся сделать это в зале, где нужно спеть правильно с первого раза. Она привыкла к этому, а я — нет. Я никогда не пел с оркестром, и, если бы мой голос сорвался, я бы ее подвел. Я не хотел испытывать судьбу.

Когда все было закончено, я подумал: «Я сошел с привычного пути, чтобы попробовать сделать это, но видеть, что у меня получилось, — просто здорово». Я не думал, что могу сочинять оперные вещи для примадонны с мировым именем. Я правда не

знал, что способен на такое. Я подумал: «Осталось ли для меня еще что-то несделанное?» Я хочу сказать, что никто из нынешних рок-звезд не мог бы спеть с легендарной оперной дивой и пережить это!

Я думаю, моя сольная работа, возможно, способствовала сплочению Queen и продвижению нашей карьеры. Я не сомневался, что возвращение Queen будет еще более грандиозным. У меня есть отличная возможность самовыражения внутри группы, никто там меня не душил, и я, конечно же, не жалею. На определенном этапе мне было очень легко стать сольным артистом, потому что это было заманчиво. В средствах массовой информации часто обсуждался вопрос, когда же наконец я начну работать один. Но мне всегда было хорошо работать с Queen, поэтому мне не нужно было самоутверждаться, бросив группу и начав собственную сольную карьеру. Это очень заманчивая идея, но зачем же все разрушать? Я предан группе, и мне бы не хотелось их подводить. Для меня это слишком высокая цена.

Глава девятая

Crazy Performance ^[33]

*Петь вверх тормашками с
Королевским балетом — это
возбуждает!*

Я люблю балет. Это театр, а это именно то, что мне всегда нравилось. Публика такая разная, и мне нравится наблюдать, как исполнитель раскрывает свою роль в различных ситуациях. Я знаю, рок-музыканты привыкли к шуму, но это не значит, что я не могу пойти, например, на концерт Монсеррат Кабалье в Нью-Йорке (я действительно был на нем), а там слышно, как муха пролетит. Она не пользуется микрофоном или чем-то еще. Здесь вы можете многому научиться: как они репетируют, какое освещение, какие декорации используют — все это можно изучать, и все это полезно.

Я всегда хотел сочетать разные жанры, стили и направления в своей работе, но сказать, что я хорошо разбираюсь в балете, было бы совершенно неверно. Я совсем не умею танцевать, радость моя! Я очень умело это скрываю, но я очень ограничен в этом плане, так что на сцене я просто использую максимум своих ограниченных способностей. Я создал своего рода пародию на балет, и я знал, что вводить балетные элементы в рок-н-ролл в то время было рискованно. Как бы прореагировала хипповая рок-публика на все эти балетные пируэты? Но я решил: «Буду петь свои песни в балетной пачке, мне плевать», потому что это было скандально и возмутительно.

Я знал о балете только то, что смотрел по телевизору, но то, что я видел, всегда доставляло мне удовольствие. Потом мы стали хорошими друзьями с сэром Джозефом Локвудом из ЕМІ^[34], который был также председателем совета директоров Королевского балета. Я начал встречаться с людьми, которые имели непосредственное отношение к балету, и все больше и больше восхищался ими. Наконец я увидел, как танцует Барышников в Американском театре балета. От него просто сносило крышу, больше, чем от Нуреева, больше, чем от кого бы то ни было. Он действительно летал, и, когда я увидел его на сцене, я почувствовал благоговейный трепет — так, наверное, чувствуют себя фанатеющие девчонки.

Для меня все началось с того, что в 1979 году Королевский балет предложил мне станцевать с ними. Я решил, что они сошли

с ума! Но в итоге я выступил с ними на благотворительном гала-концерте. Насколько я помню, это единственный случай, когда рок-н-ролл рискнул приблизиться к миру балета... побаловаться в той сфере, где большинство рокеров просто бы чокнулись.

После того как я понял, во что ввязываюсь, я действительно испугался, честное слово. Я не поддаюсь хореографии, тут я совершенно безнадёжен, и это правда. У них все поставлено; ты должен выучить все шаги и воспроизводить их на каждом представлении, иначе все пойдет не так. Тогда как на своей сцене я имел полную свободу и привык делать что хочу в зависимости от настроения. Поэтому, когда меня поставили в жесткие рамки танцоров балета и потребовали выполнить определенный набор движений, оказалось, что для меня это крайне трудно. Я сказал: «Я просто не могу это сделать». Предполагаю, что они видели меня на сцене и решили, что я стоящий танцор.

Тем не менее они заставляли меня отрабатывать все виды балетных шагов, и мне пришлось, встав к станку, выворачивать и растягивать ноги. Я пытался за несколько дней научиться делать вещи, на которые у них ушли годы тренировок, и должен вам сказать, это было просто самоубийство. Через два дня я был еле жив. У меня болело в местах, о существовании которых я даже не догадывался. Когда же настал вечер выступления, я был просто поражен тем, что происходило за кулисами. Когда подошла моя очередь выхода на сцену, я вынужден был протискиваться между Мерлом Парком и Энтони Доуэллом и другими выдающимися танцовщиками со словами: «Извините, сейчас мой выход». Это было просто невероятно.

Я выполнил этот экзотический прыжок и приземлился на руки танцоров, и они понесли меня через сцену, а я продолжал петь. Я до сих пор не верю, что сделал это. Но это было зрелищно, и зал буквально сошел с ума. Я не совсем Барышников, но для возрастного новичка это было неплохо.

Мы исполнили *Bohemian Rhapsody* и *Crazy Little Thing Called Love*, и было здорово представить эти песни совершенно по-новому и увидеть, что их хорошо принимают. Я привнес немного рок-н-ролла в балет, и меня это очень возбуждало. Но это была и приличная нервотрепка для меня, меня всего трясло. Так всегда бывает, когда находишься в непривычной для тебя обстановке. Это очень тяжело, но я люблю рисковать. Хотелось бы мне посмотреть, как Мик Джаггер или Род Стюарт попытались бы сделать нечто подобное.

Мне кажется, танцоры Королевского балета тоже остались довольны. Это дало им возможность немного выйти за рамки. Они отошли от своих классических ролей, и им это понравилось.

Действительно, они сказали мне, что хотели бы поехать в турне с Queen и там проделать это еще раз. Не сомневаюсь, что они легко бы это исполнили, но всему свое время и место. В то время мы играли очень жесткий рок, и подобные вещи просто бы не прошли.

Я сделал это из интереса, если быть честным, хотя мне больше нравится то, что я делаю в Queen. Нельзя вдруг ни с того ни с сего в тридцать два года сказать: «Хочу танцевать в балете!» По крайней мере это мое оправдание.

Глава десятая

To Thrill You We'll Use Any Device [35]

*Не забывайте, что это мы
начали видеобум!*

Bohemian Rhapsody стала одним из первых видеороликов, которые теперь так популярны, и обошлась нам всего в пять тысяч фунтов. Сейчас это большой бизнес, и к тому же это очень хороший способ показать себя.

Мы решили сделать из *Rhapsody* видео и показать его публике. Тогда мы не знали, как это будет смотреться и как это воспримут. Для нас это была еще одна форма театрального представления. Но это приобрело бешеную популярность, и с тех пор каждый снимает видео. В то время группа просто записывала альбом и сразу же начинала гастроли, но иногда мы попадали в какую-нибудь страну только четыре-пять месяцев спустя. Мы поняли, что видео может дойти до массы людей во многих странах без нашего там присутствия, к тому же можно выпускать пластинку и видео одновременно. Это быстро прижилось и помогало поднимать продажи записей.

Сейчас очевидно, что видео намного важнее, чем радио. Это основа MTV. Каждый раз, когда слышишь песню, автоматически представляешь ее видеоряд. Это позволяет лучше понять песню и, возможно, почувствовать, что пытался сказать исполнитель. Но есть опасность ввести слушателей в заблуждение. Когда вы в первый раз слышите песню, у вас в воображении возникает свой образ, а потом вы смотрите видео и восклицаете: «Боже мой! Так вот что он имеет в виду!» Это действительно сводит все ваше представление на нет.

Кто-то однажды подошел ко мне и сказал, что имел свое представление о том, что я говорил в своей песне, но, когда увидел видео, обнаружил, что это совсем не то. Он сказал, что теперь вообще не понимает, что я хотел сказать. Ну, знаете ли! Я не расстроился, просто грустно, что кого-то обязательно разочарует, что видео не связано с песней так, как он ожидал увидеть.

В наши дни надо стараться и в клипах выглядеть хорошо. Необходимо иметь крепкий имидж. Мне кажется, одна из лучших команд в этом отношении — The Police. На мой взгляд, они уловили суть. У них есть этот имидж, и он помогает им двигаться вперед. Я их люблю, они очень хорошая группа.

Посмотрите на нас, посмотрите на Дэвида Боуи... Вы просто обязаны иметь свой имидж, но он не всегда будет продвигать ваши записи. Сильный имидж очень важен для долгой карьеры. Сегодня это Бой Джордж и Анни Леннокс, а когда мы начинали, это были Roxу Music, Дэвид Боуи и некоторые другие. Для того времени это был очень сильный имидж. Вспомните, как Beatles начинали в свое время. Я имею в виду, что их прически и внешний вид имели тогда такой же эффект. Просто это было другое время и другие перспективы.

На самом деле рекламные ролики вообще помогают писать песни. Думаю, скоро будет в порядке вещей начинать записывать и даже сочинять песню, уже представляя ее в виде фильма. Это замечательно. Это уже другое измерение.

Часто режиссеры, снимая клип, предполагают, что музыканты сыграют в нем определенную роль, а это не срабатывает. Мы много раз отказывались. Если собираешься играть роль, ты должен сделать это по-настоящему хорошо, потому что иначе получится совершенная ерунда. Это большая ответственность.

Мне кажется, клип *I Want To Break Free* [1984] удался благодаря своему комическому элементу. Это фарс. Не могу представить себе другого видео, где бы четыре главных героя разыграли самую настоящую комедию с переодеванием, как здесь. Queen зачастую выглядит очень серьезно, тогда как на самом деле в нас много иронии, которую люди порой не замечают. Здесь все зависит от возможностей, которые дает музыка, а в душе мы всегда насмешливые, но, возможно, это не передается через наши песни и не всегда очевидно на сцене, где мы выглядим очень агрессивно. Элемент иронии всегда теряется. Так что этот видеоклип стал отличным способом раскрыть эту нашу комическую сторону, и, надеюсь, мы неплохо справились со своей ролью.

Я ужасно хотел нарядиться в женское платье! Разве больше никто не хочет? А тут это было в самый раз. Уверен, все думают, что это была моя идея, а вот и нет. Она родилась у Роджера, а остальные трое тут же вырядились в платья — никто и глазом моргнуть не успел. Вполне очевидно, нечто подобное мог бы придумать и я, но поскольку это была их идея, все вышло гораздо лучше. Если бы идея исходила от меня, им было бы намного труднее войти в свои роли, и я думаю, что она не сработала бы.

Это не было буквальной пародией на Coronation Street^[36], мы просто взяли ту атмосферу. Но если бы кому-то очень захотелось соотнести нас с реальными персонажами, то я, видимо, был бы Бет Линч. Вообще то, честно говоря, я думал, что больше похож на Финеллу Филдинг. Этот парик был действительно

великолепен. Это точно была Финелла, хоть мне и нравится Бет Линч. Она одна из моих любимчиков — и Хильда Огден, конечно, тоже.

Думаю, это одно из лучших видео на сегодняшний день. По правде говоря, я до сих пор хихикаю каждый раз, когда его смотрю, а смотрел я его уже тысячу раз.

Я рад, что мы это сделали. Многие удивлялись, что мы можем дурачиться и переодеваться в женские платья, оставаясь при этом хорошими музыкантами. В Америке этот клип не приняли совершенно, потому что нас все еще считают там тяжелыми рок-музыкантами — этакими мачо. Их реакция — «Что делают мои кумиры в этих женских тряпках?» Во всем, что мы делаем, всегда присутствует элемент риска, и я уверен, что наши наиболее преданные поклонники знают, что мы способны вытворять очень смешные вещи. Что-то срабатывает, что-то нет, но — и я думаю, остальные члены группы согласятся со мной — нам на это глубоко плевать. Мы делаем то, что хотим, и это либо принимается, либо нет.

Когда дело доходит до видео, мне хочется повеселиться, потому что если вы делаете это весело, то зритель это чувствует. Но в основном только я и веселюсь. Я не могу просто сидеть в кресле и вязать блузку или что-то там еще. Я должен пройти через все эти жуткие сцены, но в общем-то в этом я весь. Забавно, что все это отрывки из моей жизни, которые я воплощаю в образах.

Клип *I Was Born To Love You* [1985] — в основном беготня по моему дому. То же самое я проделываю каждый вечер, так что все получилось очень легко. Тяжелым моментом были танцы, а некоторые изъятые фрагменты оказались еще более жесткими, чем оставшиеся в клипе. Идея заключалась в том, что мне нужно было дать девушке сильную пощечину и так далее, но я только делал вид, что бью ее, и она не могла войти в роль. Мне пришлось на самом деле ударить ее и отшвырнуть, чтобы она кинулась на меня в ответ и это выглядело бы правдоподобно. Когда мы отсматривали, что получилось, я понял, что не хочу, чтобы в моем клипе была эта сцена, так как его просто никто не станет показывать, поэтому мы оставили лишь небольшие фрагменты, но даже после этого MTV нашло это видео мало приемлемым для показа.

Большую часть этого клипа занимает сцена, где я танцую перед своими отражениями в зеркалах, которые должны были быть неподвижными. Но я вдруг подумал: «Почему бы не поставить за зеркалами людей, которые бы слегка их трясли, и посмотреть, что из этого получится?» Это был очень дешевый

способ добиться нужного эффекта, но иногда наилучшее решение приходит уже в момент съемок. Так что это не было заложено в сценарии. Там должны были быть мои статичные отражения, а потом вдруг появилось это мелькание за спиной, и получилось здорово.

Снимая клип *I'm Going Slightly Mad* [1991], я решил сделать его как можно более запоминающимся. Я всегда хотел сняться с гориллой и стаей пингвинов. Немного сумасшествия в стиле Queen было просто необходимо!

По большому счету, то, что я делаю, — чистое притворство. Это актерство... Я выхожу на сцену и притворяюсь, что я — мачо и так далее. Я считаю, что *The Great Pretender* — прекрасное название для того, что я делаю, потому что я и есть Великий Притворщик! Подсознательно я всегда это понимал и всегда хотел сделать свою версию этой песни. Я пришел в студию [1987], сделал несколько пробных записей, и мне понравилось. Эта песня подошла к моему голосу, и ее можно отлично сыграть. В видеоклипе у меня разные роли, и я опять притворяюсь.

Что касается видео, я всегда верил, что в конце концов, как бы замечателен ни был твой образ, он не имеет никакого смысла, если песня недотягивает. Должна быть хорошая песня, потому что люди платят за песню. Они не всегда покупают имидж, потому что вы его и создаете только для того, чтобы продать песню. Вы можете только до определенной степени морочить им голову публике.

Думаю, Бой Джордж создал великолепный имидж, но не важно, насколько замечателен ваш имидж или насколько здорово снято видео: если ваши песни недостаточно хороши, они не будут продаваться. Даже если он наденет на голову чайник, что он обещал сделать, это не поможет.

Глава одиннадцатая

Tu Voz Penetra En Mi [37]

*Я не озабочен звездностью.
Я звезда.*

Я слушаю разную музыку, от Джимми Хендрикса и Джорджа Майкла до Лайзы Миннелли и Ареты Франклин, и так далее до Мэй Уэст.

Джимми Хендрикс был просто прекрасным человеком, превосходным шоуменом и одержимым музыкантом. Я носился по всей стране, чтобы попасть на его концерты, где бы он ни выступал, потому что в нем действительно было все, что должно быть у рок-звезды — и стиль, и внешность. Ему не приходилось прилагать особых усилий. Он просто выходил на сцену, и весь зал загорался. Он был всем для меня.

По-моему, ты либо владеешь магией сцены, либо нет, и тут ты ничего не изменишь. Лайза Миннелли просто источает абсолютный талант. У нее есть энергия и внутренняя сила, и то, как она преподносит себя публике, завораживает. У нее есть чему поучиться.

Я бы сказал, что Led Zeppelin — величайшая группа, а Роберт Плант — один из самых оригинальных вокалистов нашего времени. Как рок-группа они, безусловно, заслуживают того успеха, которого достигли.

Я люблю королеву соула Арету Франклин больше всех других певцов. У нее один из лучших голосов в мире, она поет просто волшебю. Хотел бы я петь хотя бы вполонину так хорошо, как она. Ее пение так естественно, и при этом она вкладывает в него всю душу. Каждое слово, спетое ею, настолько наполнено смыслом и экспрессией! Я могу слушать это вечно.

Я бы хотел, чтобы Арета спела *Somebody To Love*. Это было бы здорово. Может, мне попробовать спеть с ней? По крайней мере, она мне еще не предлагала.

Я просто пришел в бешенство оттого, что Джордж Майкл спел с ней дуэтом. Я бы сделал это лучше! Но имейте в виду, я хоть и говорю так, но считаю, что у Джорджа Майкла тоже очень хороший голос. Он один из тех певцов, которые мне нравятся.

Мне понравились Tears For Fears, потому что они пишут музыку, которая мне очень близка. У них много ритма и в то же время много агрессии. Flo & Eddie просто сногшибательны. Я с удовольствием слушаю Джонни Митчелл и восхищаюсь ее

вокалом и теми изумительными вещами, которые она пишет. Frankie Goes To Hollywood делали потрясающее представление, равно как и Spandau Ballet, а вот Барбара Валентайн очаровала меня своей огромной грудью!

На мой взгляд, Human League — одна из лучших команд, и The Police — думаю, они молодцы, отличная группа, и у них есть все, что надо. Тем не менее мне не понравились Thompson Twins. Не знаю, в чем на самом деле причина, просто так сложилось.

Было бы неплохо увидеть новое вторжение британских групп в Америку, вроде того, что уже было раньше. Мне кажется, что группы сегодня стремительно появляются, и так же стремительно исчезают, а это немного грустно. Некоторые из новых групп хотят очень быстро взлететь и думают, что разом уже всего достигли. Они не понимают, что мало покорить Англию, — чтобы добиться международного признания, нужно пробиться и в Америке тоже. Может быть так, что в Англии вы номер первый, а в Америке о вас вообще никто и не слышал.

Думаю, музыкальные стандарты сегодня очень высоки и очень велика конкуренция. Но мне это нравится, потому что иначе такие, как я, совсем зазнаются. Каждые пару лет происходит процесс отсеивания, и по-настоящему хорошие группы остаются, а весь хлам выбрасывается за борт. Так происходит все время. Но если вы спросите меня, что будет дальше, я не смогу ответить. Никто не сможет предугадать.

У Боя Джорджа большой талант. Мне он очень нравится. Мы стали хорошими друзьями. Этот парень такой смелый — он так много сделал, чтобы общество стало терпимее в отношении сексуальных предпочтений. Когда я начинал, все рок-группы были одеты в грязные джинсы, и тут вдруг появился я в блузке от Зандры Роудс^[38] макияже. Это было совершенно вызывающе. Бой Джордж просто немного осовременил глэм-рок, но сделал это в своей индивидуальной манере.

У него есть хватка — это непросто, но это необходимое качество. Я уверен, что в шоу-бизнесе он надолго. Это всегда видно, когда кто-то появляется надолго, и Бой Джордж из таких. Многие не выдерживают постоянного давления, которое ты испытываешь, находясь у всех на виду, но насчет Боя Джорджа я знаю точно — он любит публичность. Он стремится к популярности любой ценой и, похоже, даже добивается враждебного внимания. Ну это его дело, надеюсь, он отлично справится с этим.

У меня много друзей в музыкальном бизнесе, и время от времени мне нравится находиться в их компании, но я не бросаю все и не бегу на каждый прием только для того, чтобы меня там

увидели. Нет, нет и еще раз нет! Было время, когда я так делал, но это было частью самообразования, постижения профессии, мне необходимо было через все это пройти. Я бы солгал, если бы сказал, что не делал этого.

Когда твоя карьера начинается, ты хочешь стать звездой, поэтому ты хочешь быть ближе к еще более ярким звездам. Это процесс роста, и он неизбежен.

Но я обнаружил, что все это может оказаться пустым, жестоким и отвратительным. Ты учишься на собственных ошибках, но тебе решать — устраниться или продолжать крутиться в этом, пока ты не спалишь сам себя. Это все не по мне, и я понял, что в жизни есть вещи поважнее, чем светиться под ручку с суперзвездами с обеих сторон.

Во всяком случае, я всегда мало подходил для этого. Когда меня представляли принцу Эндрю, на мне был белый шарф, а в руке я держал бокал вина. Я так нервничал, что даже не замечал, что мой шарф положится в выпивке. Я старался выглядеть спокойным, и вдруг принц говорит: «Фредди, думаю, ты вряд ли хочешь, чтобы он намок». С этими словами он отжал мой шарф, и между нами сразу возникла непринужденность. Я сказал: «Слава богу, вы меня спасли... Иначе бы мне пришлось сматериться». Мы оба рассмеялись. Он прекрасно чувствовал обстановку и даже танцевал. Он действительно хорошо владеет такими ситуациями, и я питаю безмерное уважение к королевскому достоинству. Я жуткий патриот.

Я очень близок со многими людьми, такими как Дэвид Боуи и Элтон Джон. Элтон — отличный парень. Я до смерти его люблю, он кажется мне просто потрясающим. Я отношусь к нему как к голливудским актрисам всех рангов прошлых лет. Он стал пионером рок-н-ролла. Он был просто великолепен, когда я впервые встретил его — один из тех людей, которые сразу располагают к себе. Он сказал, что ему очень понравилась *Killer Queen*, а каждый, кто это говорит, попадает в мой белый список. Мой черный список уже трещит по швам!

Род Стюарт, Элтон Джон и я когда-то собирались создать группу, которая бы называлась Hair, Nose and Teeth — в честь нас троих^[39]. Мы встречались время от времени на разных вечеринках и обедах и просто подумали, что могли бы спеть вместе. Но думаю, пустить в студию нас троих — это все равно, что бросить туда бомбу и ждать, когда она взорвется. Все это прекрасно, когда выпито много вина и начинаются разговоры типа: «Да, давайте сделаем это», но на следующий день, протрезвев, Элтон говорит: «Я не буду петь с Родом», а Род говорит: «Я не собираюсь петь с Фредди», и я говорю: «Ну а я не

буду петь с Элтоном!», и все мы прекрасно понимаем, что этого никогда не случится. О чем речь, если наше самолюбие мешает нам договориться даже о месте в названии! Естественно, я бы предпочел Teeth, Nose and Hair, но у других было другое мнение. Вот вам и пожалуйста! Но если это когда-нибудь произойдет, я куплю альбом.

Я очень люблю Рода и Элтона. Они оба были на моем последнем дне рождения и пели *Happy Birthday*, когда ввозили праздничный торт. Я закричал: «Вы оба, наверное, первый раз в жизни поете бесплатно!»

Когда мы в Лос-Анджелесе работали над альбомом *The Works*, Род тоже был в городе и заглянул к нам в студию. Мы тут же начали импровизировать. Мы спели вместе одну из моих песен^[40]. Это все произошло под влиянием момента — точно так же мы сделали *Under Pressure* с Дэвидом Боуи. Он просто зашел в студию, мы начали дурачиться, стало что-то вырисовываться, и в результате получилась песня. Так что бывают вещи, которые невозможно спланировать, потому что в этом случае они никогда не состоятся.

Я думаю, другие участники Queen согласятся с этим, потому что мы так долго вместе, что теперь знаем и чувствуем друг друга инстинктивно. Я даже песни пишу под Queen. Я знаю точно, на что способен басист, что могут сделать гитарист и ударник и все такое прочее. Но работать с другим признанным музыкантом, например с Дэвидом Боуи, когда все впервые, — это большой риск. Не знаешь, в каком ключе сочинять, не знаешь, что встретят в штыки, а что похвалят, какого достигнешь взаимопонимания. Так что, когда работаешь с другими, то лучший способ — просто взяться за это и делать. Если пойдет, то пойдет, а нет — просто забудь об этом.

Мне всегда интересно работать с другими музыкантами, такими как Майкл Джексон, например. Хотя это просто наказание! Столько денег, и никакого толку, дорогие мои! Сплошное расточительство! Мы записали три трека, но они так и не были закончены. Песни были великолепные, но вся проблема во времени — мы оба были очень заняты в тот период. Если у нас и получалось оказаться вместе в одной стране, то времени было не достаточно, чтобы успеть сделать все до конца. Одна из песен называлась *State Of Shock*. Майкл даже звонил мне, спрашивая, не могу ли я закончить ее, но я не мог, потому что у меня были обязательства перед Queen. Ею занялся Мик Джаггер. Было досадно, но в конечном счете песня — это всего лишь песня, — дружба важнее.

Мне бы хотелось выпустить что-нибудь с Майклом, потому

что работать с ним просто удивительно. Мы дружим уже давно. Он все время ходил на наши концерты, и мы сдружились. Мы всегда интересовались работой друг друга. Я регулярно предлагал ему прослушать только что записанные новые альбомы Queen, а он показывал мне свой материал. И все время возникала эта мысль: «Почему бы нам не сделать что-нибудь вместе?»

Только подумайте — я мог бы появиться на альбоме *Thriller*. Представьте, какой гонорар я упустил!

Мы с Майклом немного отдалились друг от друга после его невероятного успеха с альбомом *Thriller* [1983]. Он просто замкнулся в своем собственном мире. Когда-то мы здорово веселились вместе, ходили по клубам, но сейчас он не выходит из своей крепости, и это очень грустно. Он так обеспокоен, что кто-нибудь его убьет, что стал совершенным параноиком. Я тоже за себя беспокоюсь, но я никогда не допущу, чтобы это отравляло мне жизнь подобным образом.

Что касается продаж, тут он вне конкуренции, а это уже груз совсем иного рода, потому что он признан лучшим. Даже мне трудно иметь с ним отношения. Я думаю, в нем есть какая-то тайна, и это делает его прямо-таки даром небесным для средств массовой информации, потому что они могут писать о нем все, что угодно, — все подойдет. Он очень застенчив, и я могу лишь сказать, что в то время, когда я его знал, он был очень милым и приятным парнем, и, конечно, очень талантливым. Вот и все.

У меня есть друзья, и меня не волнует ни их происхождение, ни чем они зарабатывают на жизнь. Я запросто могу сказать, что мои друзья не обязательно должны быть музыкантами, потому что мне нравится общаться с разными людьми. Совсем не обязательно все время говорить только о музыке, мне нравятся интересные люди, с которыми есть о чем поговорить, кроме музыки. Я могу говорить о самых разных вещах — о грязных и непристойных тоже.

Мне кажется, с большинством людей я схожусь легко. Я уверен, что отлично поладил бы даже с Кинг-Конгом. Мы одного возраста, и не забывайте — я забирался на здания повыше этого!

Глава двенадцатая

One Man, One Goal, One Vision ^[41]

*Я думаю, Боб Гелдоф сегодня —
мать Тереза рок-н — ролла.*

Я считаю, что Live Aid — очень хорошее дело. Мы и раньше занимались благотворительностью — разумеется, каждый из нас занимался благотворительностью по отдельности, — но это потрясающая по своим масштабам акция, совместная акция, где все мы объединились для общего дела.

Я думаю, Боб Гелдоф сделал удивительную вещь, организовав все это. Я уверен, что каждый из нас внутренне этого хотел, но нужен был именно такой человек, который бы действительно запустил все это. Он стал той движущей силой, которая собрала нас вместе. Собрать мировых звезд первой величины вместе на одном мероприятии — уже подвиг.

Когда я впервые увидел телевизионный репортаж, это так глубоко меня взволновало, что я не смог дальше смотреть. Мне пришлось выключить телевизор. Я не люблю об этом рассуждать. Я знаю, что это такое. Это ты просто откидываешься на спинку стула и думаешь: «Ну и что я могу сделать?» Если только ты не воображаешь себя матерью Терезой рок-н-ролла и не срываешься вдруг с места, чтобы организовать нечто стоящее. Я думаю, вот кто такой Боб Гелдоф сегодня — мать Тереза рок-н-ролла.

Я никогда не чувствовал себя виноватым за то, что богат, и ничего подобного я не испытывал, когда мы решили принять участие в Live Aid. Я чувствовал самое настоящее горе и глубокое сожаление о том, что такое творится в нашем мире, и я ощущал себя совсем, совсем беспомощным. Целью этого концерта было открыть людям глаза на проблему голода, дать им понять, что происходит в мире, и сделать что-то позитивное, что задело бы их и заставило покопаться в своих карманах.

Вам не обязательно знать, что такое бедность, чтобы дать денег и помочь людям. Зачем? Иногда все очень просто. У некоторых людей есть деньги, и они хотят помочь нуждающимся.

Мне кажется, не стоит воспринимать это как очередную помощь Британии Африке или так: «Почему бы сначала не разобраться со своими проблемами?». Я думаю, это вещи мирового масштаба. Здесь не стоит проводить никаких параллелей. Здесь не стоит рассуждать в рамках «мы — они». Это должно быть общим делом. Я думаю, если люди умирают от

голода, то все человечество должно объединиться.

Я очень щедрый человек. Если я могу сделать что-то своими скромными силами, я делаю это. Что касается денег, то у меня их достаточно. Я легко отдаю их другим людям, лишь бы они попали в нужные руки.

Что-то вроде этого я делал, когда выступал с балетом для Save The Children. Еще, я помню, был благотворительный концерт, где исполнялись песни Queen, в Альберт-холле для сбора средств на исследования лейкемии^[42]; на нем присутствовал кто-то из королевской семьи. Я помню, что концерт нашей музыки был первым, потом, по-моему, шли Beatles, там присутствовал Маккартни и Queen. А Джоан Коллинз спела *Imagine*, причем спела ужасно отвратительно!

Я бы очень хотел участвовать в самом первом проекте Band Aid^[43], но я услышал об этом, когда мы были в Германии. Хотя не знаю, было ли у них желание видеть меня на этой записи. Я уже немного староват. А потом, когда вышел американский сингл, на нем оказалось столько звезд, это было бесподобно. Я думаю, это переросло в замечательную идею концерта Live Aid. А тогда уже Боб позвонил Брайану, и с этого все началось. Мы решили, что такое пропускать нельзя.

Queen выступают чуть ли не по всему свету, так что оказавшись на этот раз как нельзя кстати у себя в Англии, мы сказали только: «О'кей, нам нужно убедиться, что в этот день [13 июля 1985 года] мы будем свободны». Мы с нетерпением ждем своего выступления.

Live Aid обещает быть беспокойным. Должен быть таким. Я хочу сказать, что мы все далеко не пай-мальчики. На самом деле это самый щекотливый момент. Будет много трений — все будут стараться уделать друг друга.

Мы собираемся просто выйти и сыграть. Мы собираемся исполнить наши лучшие песни. Мы пока не решили, какие точно, но думаю, это будут *Champions* и отрывки из *Rhapsody*. В принципе здесь от вас не требуется показать новый материал. Нет, тут сработает то, что хорошо известно.

Песня *Is This The World We Created* возникла из наших с Брайаном мыслей о бедности, которая существует везде в мире. Думаю, мы исполним ее на Live Aid особым номером в самом конце. Забавно, что она была написана раньше, но как нельзя лучше подходит для этого случая.

Странно, но мы написали эту песню до проекта Live Aid. Эта песня о страданиях и умирающих от голода детях по всей планете, и она настолько подошла для данного случая, что мы решили обязательно ее исполнить.

Что касается этого дуэта — *Is This The World We Created*, — говорю вам, эта песня — просто неотъемлемая часть мероприятия; в ней, по сути, выражено все то, чему оно посвящено. Боюсь, мне будет трудно сдержать слезы, когда мы будем ее исполнять. Хотелось бы мне спеть ее как следует.

Это удивительно: первая же строка этой песни — «Только посмотри, сколько голодных ртов нам нужно накормить». Просто не могу поверить. Как будто кто-то специально просил нас написать песню для этого события, а у нас уже была готовая. Вообще-то, идея исполнить ее принадлежит Джиму Бичу. Джим это предложил. А поскольку все уже было готово и расписано, нам выделили особое место в программе.

Мы хотим исполнить песни, которые знакомы публике, по которым нас узнают. Да, этот концерт вызван страшной человеческой трагедией, но мы хотим сделать его радостным событием. Это не рекламная акция.

Честно говоря, если смотреть правде в глаза, все мы, рок-звезды, всё еще хотим быть в центре внимания, а это событие — отличный повод показать себя. Давайте будем откровенны. Да, мы оказываем помощь, но с другой стороны, это широчайшая аудитория — трансляция будет идти одновременно по всему миру. Для нас это тоже важно, и не стоит об этом забывать. Я думаю, здесь вряд ли найдется артист, который бы не принял этот факт во внимание. Так что это тоже надо учитывать.

Не думаю, что я стал бы делать это из чувства вины. Буду я это делать или нет — бедность никуда не денется. Она будет всегда. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы помочь, потому что это хорошее дело. Но, что касается меня, я делаю это из гордости. Здесь есть чем гордиться — тем, что я среди звезд первой величины и что я могу сделать что-то стоящее. Да, я горжусь этим.

Иногда ты действительно чувствуешь себя беспомощным, и я думаю, это мой способ внести свою лепту. И это самое большее, на что я способен.

Глава тринадцатая

This Is The Only Life To Me ^[44]

*Люди боятся со мной
знакомиться, они думают, я
собираюсь их съесть.*

*Но под этой маской я очень
застенчивый и робкий, и очень
немногие знают, какой я на самом
деле.*

Помню, было время, когда я, конечно же, хотел, чтобы меня замечали, поэтому и одевался соответствующим образом. Я носил одежду от Зандры Роудс и красил ногти в черный цвет, подводил глаза и отращивал длинные волосы. Я надевал женские блузки, а потом врвался в компанию и отставлял всех от ума. Это один из способов заявить о себе, так почему это не сделать? Вы можете делать подобные вещи, находясь в таком положении. Но теперь, пройдя через все это, я хочу уединения.

Я терпеть не могу тусоваться с людьми из шоу-бизнеса. Я могу изобразить из себя Рода Стюарта и присоединиться к толпе, но я предпочитаю держаться подальше от всего этого. Я не из тех, кому нравится ходить на пресс-конференции, потому что больше всего на свете я не люблю рассказывать о себе. В юности мне нравилось, когда меня узнавали, но сейчас нет. Когда я не в Queen, я хочу быть обычным человеком с улицы.

Бывают моменты, когда я просыпаюсь по утрам и думаю: «Боже мой, как бы мне хотелось не быть сегодня Фредди Меркьюри!» Я все время на виду, нравится мне это или нет, но я не хочу, чтобы все, что я делаю, становилось достоянием общественности. Я — Дева, я как Грета Гарбо, я хочу, чтобы меня оставили в покое. Я немного затворник, но это не просчитанный ход. Мне нравится быть одному, и я изолирую себя от других, но я бы ни за что не хотел оказаться на необитаемом острове. Я бы этого не вынес. Мне нравится, когда вокруг меня люди, но только если это мое окружение. У меня много друзей, которые приходят ко мне, и, может быть, это эгоистично с моей стороны, но для меня это замечательное развлечение.

Люди, конечно, важнее всего, но меня постоянно должно что-то окружать, даже если это просто произведения искусства. Поэтому я много коллекционирую, весь мой дом заполнен прекрасными образцами японского искусства и антиквариатом.

По этой же причине мне нравится иметь много аквариумных рыбок и много кошек. Полагаю, это своеобразная попытка отгородиться.

В музыке я могу бесконечно идти на риск, потому что в этом мире для меня не существует никаких границ. Но в повседневной жизни я не стану рисковать. Мне нужно почувствовать уверенность в обществе, прежде чем я войду туда, и из-за этого я могу казаться очень скучным человеком. Думаю, я становлюсь более общительным, когда мотаюсь по свету, потому что мне нравится разнообразие, а Лондона в этом смысле мне маловато. Наверное, потому что это дом, и когда я здесь, я хочу оставаться дома. Но в турне я провожу лучшее свое время, потому что я вижу новые места и не боюсь испытать что-то новое. Я достаточно любопытен. О чем-то мне рассказывают, но я люблю все узнавать сам.

Я рос очень неуверенным мальчиком, возможно, потому, что меня всегда опекали. У моего дяди была вилла в Дар-эс-Саламе, всего в нескольких ярдах от моря, и по утрам меня будил слуга. Я хватал апельсиновый сок и буквально выпрыгивал на пляж. В каком-то смысле мне очень везло с самого детства. Мне нравится, когда меня балуют, это чувство просто выросло вместе со мной.

Я был развит не по годам, и мои родители решили, что школа-интернат пойдет мне на пользу. Так что, когда мне исполнилось семь лет, меня отправили на время в Индию. Это был просто какой-то переворот в моем воспитании, что, по всей видимости, действительно сработало.

Конечно, было чувство оторванности от родителей и от сестры, по которой я очень скучал, чувство одиночества, отверженности, — но делать было нечего, так что самым разумным было как можно лучше воспользоваться тем, что имелось. Я попал в обстановку, где мне пришлось заботиться о себе самому, так что я с раннего возраста прекрасно понял, что такое ответственность, и, думаю, именно это сделало меня таким дьяволом.

Уж чему действительно учит школа-интернат, так это как заботиться о себе самому, и я освоил это с самого начала. Я научился быть независимым и не полагаться на других. Все, что говорят о школах-интернатах, более или менее правда, — все эти грубости и прочее.

Я ненавидел крикет и бег на длинные дистанции; я был совершенно не способен ни к тому, ни к другому! Но я мог пробежать спринт, хорошо играл в хоккей и просто блистал на боксерском ринге: хотите — верьте, хотите — нет.

У меня был странноватый воспитатель, который преследовал

меня, но это меня не шокировало, потому что в школах-интернатах такие вещи не становятся неожиданностью — ты просто постепенно начинаешь понимать что к чему. В то время я был молод и зелен. Я был увлечен этим воспитателем и мог бы сделать для него все, что угодно. Через это проходят все школьники, и у меня были свои школьные шалости, но я не намерен развивать эту тему.

Я брал уроки фортепиано, и мне это действительно нравилось. Это была идея моей мамы. Она убедилась, что я серьезно учусь, и у меня были четверки по классике, практике и теории. Сначала я занимался только потому, что она хотела, но потом игра на инструменте действительно стала доставлять мне удовольствие. Вообще-то я играю на слух и не умею читать с листа. Да мне это и ни к чему. Пусть это делают другие. Я ведь не Моцарт. Так мы доступнее для многих.

Насколько я помню, мне всегда нравилось петь, но я никогда не смотрел на это как на будущую профессию. Маленьким ребенком я участвовал в хоре, и мне просто это нравилось. Я подражал Элвису Пресли, а потом вдруг осознал, что могу сам писать песни и сочинять собственную музыку. Назовите это природным даром или как-нибудь еще.

Позже я поступил в художественную школу в Илинге — через год после того, как ее закончил Пит Таунсенд^[45]. Мы все учились на разных факультетах, но в свободное время занимались музыкой — эта школа была просто питомником музыкантов. Я получил свой диплом и решил попробовать себя в качестве свободного художника. Через пару месяцев я подумал: «Боже мой, с меня хватит!» Мне это было просто не интересно, зато музыка увлекала все больше и больше. В конце концов я сказал себе: «Я делаю решительный шаг и выбираю музыку». Я из тех людей, кто считает, что нужно делать то, что интересно. Музыка — потрясающе интересная штука!

Тщеславен ли я? До определенной степени — да. Есть у меня такая черта. Мне нравится выходить из дома, чувствуя, что я хорошо выгляжу. Я думаю, это внутреннее счастье. Оно должно идти изнутри. Для меня счастье — самая главная вещь на свете. Когда я счастлив, это сразу видно, потому что это отражается в моей работе. Мое счастье может проявляться по-разному. Просто купить кому-нибудь подарок — это прекрасно, но выступление перед публикой дает абсолютное удовлетворение. Я не был бы в этом бизнесе, если бы мне это не нравилось.

Мне кажется, что такие люди, как я, постоянно проходят через какие-то периоды, и иногда мне выпадает ужасно черная полоса. Но сейчас у меня не так много проблем; как раньше,

когда я, бывало, буквально в них увязал. Я привык бороться с каждой проблемой, которая возникала. Для меня это было очень важно, мне обязательно нужно было взять барьер, иначе я бы не пережил этого, я не смог бы ничего сделать. Думаю, теперь я повзрослел и научился справляться с ними. Я не позволяю им беспокоить меня, потому что это отнимает здорово много времени, а я живу сегодняшним днем — это действительно так.

Безусловно, я яркая личность, и мне нравится жить на полную катушку. Конечно, чтобы иметь эту возможность, я чертовски много работаю, и я хочу получать удовольствие от жизни. Такого может больше не повториться, так что я хочу немного повеселиться. Меня не волнует, что время от времени я попадаю в дерьмо, потому что я наслаждаюсь жизнью.

Скука и однообразие — самые страшные болезни в мире. Никто не скажет, что жить со мной скучно. Крайности — часть моей натуры, мне действительно необходимы опасность и возбуждение. Меня часто предупреждали, чтобы я держался подальше от клубов, потому что там очень опасно. Но я наслаждаюсь этим. Я не боюсь влезать в опасные ситуации. Я создан не для того, чтобы сидеть и смотреть телевизор. Мне нравится окружать себя странными и интересными людьми, потому что они дают мне ощущение полноты жизни. Исключительно правильные люди утомляют меня до смерти. Мне нравятся чудики. По своей природе я беспокойный и взвинченный человек, так что из меня не выйдет хорошего семьянина.

Я ничего не делаю наполовину. Я очень легко перехожу от одной крайности к другой. Я не люблю середину. Серый никогда не был моим любимым цветом. Я меняюсь день ото дня, как хамелеон. Каждый день для меня как новый, и я всегда смотрю вперед, потому что не хочу изо дня в день оставаться одним и тем же.

Я не могу весь день валяться в постели и ничего не делать. Я почти не читаю книг, потому что для меня это напрасная трата времени. Мои способы отдыха не понятны большинству людей. Я могу проспять всего 20 минут в самолете и чувствовать себя превосходно. Мне этого достаточно, чтобы отдохнуть, я могу спать всего три-четыре часа в сутки. Мне этого хватает. За это время я перезаряжаю свои батарейки — и снова на ногах.

Мне надо что-нибудь делать каждый день. Я хочу отрабатывать свои деньги. Я не могу долго сидеть на месте, и, если тебе все время необходимо выступать, ты получаешь, что хочешь. Возможно, я просто жаден, но я артист... Это у меня в крови. Я актер — так что дайте мне сцену. Но в определенном смысле я создал чудовище, мне с ним и жить. Возможно, через

несколько лет я сойду с ума. Я стану одним из этих чокнутых музыкантов.

Я живу работой, и буду работать, пока хватит сил. Наибольшее удовольствие я получаю, когда от меня требуется полная отдача: двенадцатичасовой рабочий день и бессонные ночи. Я не один такой. Думаю, Фил Коллинз^[46] — замечательный образец: он настоящий трудоголик.

Меня считают настоящей... это слово начинается на «п», но я его не скажу, что это... хотя это не «праведник»! Со мной очень трудно иметь дело, и для некоторых людей я настоящая сука. На самом деле мне нравится быть сукой. Мне нравится, когда меня окружают суки. Я не ищу идеальных людей, потому что мне с ними скучно. Я помешан на развлечениях, и мне нравится получать от жизни удовольствие. Но сейчас меня больше беспокоит, чтобы люди понимали, что я обычный человек. Так противно, когда о тебе думают: «А, Фредди Меркьюри! Да он не станет со мной говорить!» Но, знаете, это отличная разделительная линия, потому что, когда люди видят, что ты при всех своих деньгах и успехе хочешь остаться их приятелем, они тебя растаптывают. Тогда ты останавливаешься и говоришь: «Я все еще долбаная звезда! Но я имею право выпить с вами чашку чая и повеселиться». Все дело — как себя держать.

У каждого есть определенное представление о том, кто он такой на самом деле. Я считаю, что мой характер на сцене совершенно другой, чем за сценой. Это разные стороны моей личности. Думаю, вообще-то я довольно мил, но я могу впасть в скверное настроение и стать просто отвратительным. Я думаю, любой характер не прост, и я здесь не исключение. Со мной невозможны полумеры, и это может быть рискованным, потому что кто-то может вытереть об меня ноги, что уже случалось много раз. Но иногда я сильный, мужественный, сексуальный и очень самоуверенный. Тогда никто не может меня использовать.

Я не совершенство во всех смыслах, но я живу честно. Иногда я слишком мягок и терпим, в этом моя проблема. Я собственник, но я хочу все и сразу. Если я обнаруживаю, что кто-то меня предал, я становлюсь монстром. Внешне я очень твердый, но я крайне мягок внутри — что-то вроде шоколадного батончика Black Magic.

Образы, которые я создавал в течение стольких лет, — своего рода игра. Я надевал разные костюмы, создавал разные ситуации и изображал разные характеры, но за всем этим скрывался я настоящий. Все это время я играл; надевал бананы на голову, носил блестящую одежду и выезжал на сцену у кого-нибудь на плечах. Мне нравится смеяться над собой, и вообще, я не

воспринимаю себя слишком серьезно. Я бы никогда не надел все это, если бы я был серьезным. Единственное, что поддерживает меня в жизни, это моя самоирония. Все это притворство. Под этими масками я всегда остаюсь музыкантом.

У меня все виды паранойи. Одиночество — один из них. Я не могу идти куда-нибудь один. Со мной всегда должен быть кто-нибудь, даже если я иду за покупками — возможно, потому, что я не люблю, когда на меня глазают. Мне все равно, кто на меня уставился, мне просто не нравится, когда люди ведут себя бесцеремонно и фамильярно, потому что это никому не нравится.

Всем иногда хочется поважничать. Я, например, никогда не завязываю сам шнурки. Никогда. Так в рок-н-ролле не делается. Друзья мои, я самое тщеславное создание из ныне живущих. Иногда я делаю упражнения, хотя я не люблю ходить в тренажерный зал. Я немного смущаюсь, особенно, когда все эти здоровые парни смотрят, как какой-то задохлик пытается поднять гирю. Еще мне не нравится, что мои зубы выступают вперед. Я собираюсь заняться ими, но все никак не хватает времени. А во всем остальном... я — само совершенство. Если серьезно, я очень искренен внутри. Я не стремлюсь утвердиться над другими, я просто ненавижу все это дерьмо, правда. Думаю, мои ближайшие друзья знают, что они всегда могут поставить меня на место.

Это все процесс взросления. Люди растут, и по прошествии лет должно быть видно, что ты вырос, чтобы те, кто рос вместе с тобой, не могли сказать: «Боже мой, он все еще носит длинные волосы, красит ногти черным и надевает женские блузки!» Это просто смешно, и я бы чувствовал, что это смешно. До недавних пор одеваться повседневно означало сменить черный атласный костюм на синий. Я же люблю одеваться стильно.

Я всегда хотел быть сам себе начальником и всегда чувствовал, что знаю лучше, что надо делать. Это звучит слишком самоуверенно, но я всегда знал, чего хотел. И если бы завтра это все закончилось, то я бы сделал все снова и по-своему. Я знаю, что все это может закончиться в один прекрасный день, но я не собираюсь терять из-за этого сон. Это не та причина. В моих правилах — принять вызов. Я не хочу, чтобы мне все давалось легко, чтобы кто-то подавал мне все готовое на серебряном подносе. Мне бы это не понравилось. Я бы все равно от этого отказался.

Я никогда не копаюсь в себе, такие вещи я терпеть не могу, я даже не люблю, чтобы мне гадали по руке. Были случаи, когда мне говорили: «Обязательно сходи к *такому-то* — он здорово точно предсказывает». Но если честно, это меня пугает. Я хочу узнать все сам. Было бы очень скучно знать, что должно со мной

случиться, потому что тогда я бы всю жизнь потратил на попытки этого избежать.

Я из тех людей, кто не оглядывается назад и не останавливается над пролитым молоком. Если и была какая-то ошибка, я просто думаю: «Было и было, и забудем об этом». В то же время нельзя упиваться успехом, потому что в этом бизнесе ты чего-то стоишь, пока чего-то стоит твой последний альбом. И наоборот, так что если бы я выпустил какую-нибудь дрянь, то не особенно бы волновался.

Все хотят, чтобы их хвалили — неважно, занимаешься ли ты музыкой или чем-то другим, и я здесь не исключение. Я был бы вполне счастлив, если бы прославился совершенно другим способом. Важен любой успех и ощущение этого успеха за плечами, будь ты хоть нефтяным магнатом. Я бы везде пробился к успеху, так что я не зацкливаюсь на том, что обязательно должен быть музыкантом. Это чудесный дар. Хотя... не думаю, что я мог бы стать автомехаником, и я совершенно неспособен складывать и умножать. Что касается науки, я полный бездарь, и руками я ничего делать не умею... о, нет. Я никчемный болван!

Я знаю, как раскрыть то, что есть во мне, и я всегда смог бы воспользоваться тем талантом, который имею, чтобы пробиться и прославиться. Сейчас я гораздо лучше, чем раньше, могу распоряжаться собой, потому что точно знаю, чего хочу, а чего нет. Я живу будущим. К черту сегодняшний день! Только завтра! Я не намерен слушать того, кто говорит мне, как следует поступать. Никто не говорит мне, что делать!

Я не считаю себя легендой. Я и легенда — просто две разные вещи. Я просто славный малый... Я миляга. Легенда для меня — это кто-нибудь вроде Монсеррат Кабалье. Вот она — легенда, а я всего лишь старая шлюха. Мне не нравится сравнивать себя с кем-нибудь, потому что, думаю, я вне сравнений.

Глава четырнадцатая

My Melancholy Blues [47]

Меня ужасно подавляют люди, которые *до сих пор* не хотят признать, что все, что мы делаем, просто брызжет оригинальностью!

Глава пятнадцатая

A Man Made Paradise [48]

*Я городской человек.
Деревенский воздух и коровий
навоз не для меня!*

У каждого, кто много зарабатывает, есть мечта, которую хочется осуществить, я воплотил свою мечту в этом прекрасном доме.

Когда я смотрел голливудские фильмы со всеми этими шикарными домами и роскошной обстановкой, я всегда хотел иметь такой же, и теперь он у меня есть. Но для меня важнее было заполучить эту чертову штуковину, чем действительно там поселиться. Это на меня очень похоже — как только я чего-нибудь добиваюсь, я теряю к этому всякий интерес. Я все еще люблю свой дом, но настоящая радость заключалась в его приобретении.

Это дом с восемью спальнями в Кенсингтоне, в Западном Лондоне. Там повсюду мраморные полы и лестницы красного дерева. Даже есть сад в три четверти акра... в Кенсингтоне! Можете в это поверить? Недавно какой-то араб предложил мне за него четыре миллиона фунтов. Я рассказал об этом Элтону Джону, а он мне: «Давай, продавай быстрее и переезжай в стандартную квартиру». Но это дом моей мечты, и мне все равно, во сколько он мне обходится.

Я долго искал дом. Мне не нужны ярды земли, я просто хотел иметь красивый дом разумных размеров. Я городской человек. Деревенский воздух и коровий навоз не для меня!

Просто, пожив в Нью-Йорке и Мюнхене, я чувствовал, что хочу опять жить в Англии. Я хотел приобрести особнячок в Лондоне, но для этого нужно было много времени. Раньше я несколько лет жил в маленькой квартире все в том же Кенсингтоне. Так что я позвонил Мэри из Америки и попросил приискать для меня домик. Как только я увидел его, так сразу же в него влюбился, и через полчаса он уже был моим. Правда, он был в ужасном состоянии, а со всеми переделками, которые я задумал, я смог переехать туда только через год.

Я называю его загородным домом внутри города. Он очень уединенный, несмотря на то что находится в самом центре Лондона. Раз в месяц ко мне приходит вдохновение, и я приглашаю архитектора. «Почему бы нам не снести эту стену?» — предложил я однажды... Все заворчали, а архитектор вообще чуть

не умер. В другой раз я вернулся домой совершенно пьяный после хорошего обеда — наверху у меня есть замечательная спальная зона, я превратил три спальни в одну дворцового размера — и в пьяном тумане я очень вдохновенно сказал: «Как было бы чудесно сделать стеклянный купол над всей этой спальней зоной». Архитектор дрогнул, но взялся за карандаш и сделал наброски в блокноте.

До этого я подумывал поселиться в Нью-Йорке. Я люблю Нью-Йорк. Это удивительный город. Но когда я представил, что буду жить здесь все время, то подумал: «Бог мой, это ведь совершенно другое дело!» Сохранять тот ритм, который вы набираете в Нью-Йорке, будучи в нем проездом, невозможно. Мне не понравилась эта идея. Я бы сдох в первую же неделю.

Я собирался уехать из Англии и попробовать это в качестве эксперимента, я даже попытался подыскать себе жилье на Западной Авеню. Я нашел чудное местечко, и чуть было его не купил. Это было до кабинета Тэтчер. Но потом мы вернулись в Англию, а там она, и я подумал: «Почему нет?» Но к деньгам это не имело никакого отношения^[49].

Работа слишком меня измотала. Мне все это надоело, и я решил, что мне действительно необходим длительный перерыв. Тогда я только что купил квартиру в Нью-Йорке и захотел немного там пожить. Я очень долго ее искал, и как только купил, сразу же туда вселился. Таким образом, на время я предпочел ее своему лондонскому дому. В то время я как раз работал с Майклом Джексоном.

Я люблю Нью-Йорк. Он агрессивен и возбуждающ, и, конечно же, там интересно. Мне также нравится Мюнхен, где я провел много времени. Там очень безопасно и очень красиво. Там мы записывали наши альбомы, и я понял, насколько там безопасно. Мюнхен как деревня. Я находился там так долго, что со временем люди даже переставали мной интересоваться. Меня совершенно никто не доставал. У меня там много друзей, все они прекрасно знают, кто я такой, но относятся ко мне как к обычному человеку и принимают меня таким, какой я есть. Это дает мне прекрасную возможность расслабиться. Я не люблю, когда мне приходится закрываться и прятаться. Вот уж чего бы я не хотел. Меня бы это взбесило. Но еще раньше я сошел бы с ума.

Мне нравится чувствовать, что я могу делать абсолютно то же самое, что и все остальные: ходить на вечеринки, общаться, и все это без всякого напряжения. Если бы я остался в этом городе, это был бы самый замечательный отдых для меня. Ты можешь просто гулять где угодно, не беспокоясь о том, где припаркована твоя машина. Здесь же, в Лондоне, всегда кто-нибудь обязательно

поцарапает твой дорогой автомобиль или еще что-нибудь сделает, и приходится иметь шофера, который следил бы за этим. Но в Мюнхене такого не случается. Там я действительно могу гулять по улицам. В Англии невозможно даже через дорогу перейти. Мне приходится все время оставаться в машине. Нью-Йорк очень безопасен, там я никогда не выйду на улицу просто так. Это было бы просто глупо. Приходится быть осторожным.

Я люблю нью-йоркские клубы. Помню, однажды я захотел пойти в клуб Gilded Grape, о котором я слышал много интригующего, но все советовали мне не делать этого или же, по крайней мере, обзавестись скоростным пуленепробиваемым автомобилем и держать его снаружи. Каждый норовил предостеречь меня от посещения этого клуба, что, конечно же, еще больше меня заводило. Не успели мы там появиться, как разразилась грандиозная драка, завершившаяся у нашего столика. Стулья разбивались в хлам, кулаки так и свистели, повсюду была кровь. Билли [Джин Кинг]^[50] так и оцепенела, а мне это понравилось. Я сказал ей, чтобы она не волновалась, и в самый разгар драки схватил ее в охапку и утащил на танцпол. Это было гораздо веселее, чем уютный обед в комфортабельном гостиничном номере.

Когда я в Нью-Йорке, я просто иду в разгул. Это город Греха с большой буквы. Оттуда надо вовремя сбежать, потому что, стоит задержаться там на день дольше, чем нужно, — и он тебя проглотит. Он очень затягивает. Все эти возвращения в восемь-девять часов утра, полоскания горла, чтобы ты еще мог петь. Это настоящее место. Я люблю его.

Иногда в одинокие ночи я представляю, что лет эдак в пятьдесят заберусь в Garden Lodge^[51] как в последнее убежище и начну обустраиваться там как дома. Когда я стану старым и седым, когда все закончится и я не смогу надевать свои привычные костюмы и скакать по сцене, у меня есть куда отступить — это мой чудесный дом. А пока мне нравится возмущать публику своей музыкой.

Глава шестнадцатая

Fame And Fortune... [52]

Я люблю, когда меня окружают роскошные вещи. Я хотел бы вести викторианский образ жизни в окружении изящных безделушек.

Нельзя отделить успех от денег.

Деньги могут представляться чем-то вульгарным, но они прекрасны. Я очень хорошо справляюсь с богатством — я трачу, трачу и трачу. А зачем тогда деньги, если не для того, чтобы их тратить? Я трачу их так, словно они ничего не значат. Да, у меня много денег, но честное слово, я не смогу сказать, сколько у меня на счету. Так уж я устроен. Я просто выхожу из дома и трачу. Я не из тех, кто запихивает деньги под матрас и пересчитывает их каждую ночь. Я не похож на тех звезд, которые трясутся над каждой своей копеечкой. Я знаю нескольких людей, которые после концерта бегут домой подсчитать, сколько же они теперь имеют, но я не из их числа. Мне совершенно наплевать на деньги. Я просто думаю, что их надо тратить.

Я единственный член группы, для кого деньги не слишком дороги. Я единственный, кто тратит их тут же. Они просто уходят — на одежду, на всякие милые вещицы, которыми я люблю себя окружать.

Все, чего я хотел от жизни, — это иметь много денег и тратить их. Я всегда знал, что буду звездой, а теперь, кажется, и остальной мир согласен со мной. Но из-за того, что я успешен и имею много денег, многие жадные люди обдирают меня. Но это то, с чем я научился разбираться. Чем выше я забираюсь по лестнице, тем выше я воздвигаю забор вокруг себя. Чем больше я открываюсь, тем больше боли мне причиняют.

Кстати говоря, через два или три года, после того как мы стали группой, мы чуть было не распались. Мы чувствовали, что что-то идет не так, вокруг нас было столько акул, и все это очень сильно нас выматывало. Но что-то внутри заставляло нас продолжать, и мы учились на собственном опыте — и хорошем и плохом. Мы практически ничего не зарабатывали вплоть до нашего четвертого альбома *A Night At The Opera*. Большинство наших доходов уходило на судебные издержки и прочее.

Как только начинаешь зарабатывать деньги, каждый хочет войти в долю. Тебя окружают пиявки, и они высосут твою кровь

до последней капли — если ты дашь им хоть малейшую возможность. Деньги привлекают непорядочных людей всех мастей. Похоже, это правда, что деньги — корень всякого зла. Успех может принести проблемы, которых ты не ожидал и о существовании которых даже не знал.

Приходится следить за каждым, кто на тебя работает, и, если ты чувствуешь, что они собираются надуть тебя, от них нужно быстрее избавляться. Нельзя допускать, чтобы это сходило им с рук. Я могу учуять крысу. Это инстинкт. И я могу их выкурить!

Бог мой, сколько было гнусных личностей за все эти годы! Я не держу ни на кого злобы, правда — всё это пустяки. Были поступки и люди, которые просто потрясли меня. Я был чертовски взбешен, но что поделать? Я считаю, что такие вещи происходят, чтобы сделать меня сильнее. Думаю, они способны сделать меня тверже. Я воспринимаю это как испытание, которое мне нужно преодолеть. Это часть моей жизни. Безусловно! Это неизбежно при моем образе жизни. Я спокойно к этому отношусь.

Иногда все дело в осведомленности. Я имею в виду, что я не беспокоюсь, если знаю, что меня хотят прокатить, — в этом случае все в порядке. Но когда я не знаю, что из меня делают дурака, — это совсем другое дело. Было много случаев, когда я прекрасно видел, что меня надувают, но я оставлял им достаточно длинную веревку, чтобы повеситься.

Порой удивляешься, насколько скользкими могут быть люди. Много раз люди, вошедшие ко мне в доверие, предавали меня. Я выстроил барьер — я допускал, что любой, кто хочет сблизиться с нами, обязательно нас надует. Это придавало мне очень холодный вид.

Чем больше денег зарабатывает человек, тем более несчастным он может стать. Это все правда, что успех меняет людей, но справедливо и то, что ты просто вынужден меняться, чтобы пережить этот успех. Я привык шататься по Кенсингтонскому рынку, я проводил там уйму времени^[53], и теперь, когда я там появляюсь, я знаю, что, если не остановлюсь и не поговорю с каждым, они обидятся, хотя раньше я мог просто сказать мимоходом «привет». Если сейчас я не останавливаюсь, они просто говорят: «А, теперь он воображает, что он звезда!»

Я по-прежнему выпиваю в пабах со многими своими друзьями, но иногда я вижу, что меня надувают. Иногда меня это не волнует, просто случается так, что, когда я захожу иставляю выпивку, те, кто только что пил простое темное пиво, сразу же начинают заказывать Southern Comforts. Я это могу понять. Именно из-за таких вот причин со стороны иногда кажется, что ты меняешься. Приходится учиться выживать и переносить груз

успеха, поэтому люди, которые этого не понимают, думают, что ты изменился в худшую сторону.

Моя цель в жизни — зарабатывать кучу денег и тратить их, хотя в последнее время у меня появилось обыкновение сначала тратить, а потом зарабатывать!

С ними нужно что-то делать. Я обожаю тратить деньги. Я просто люблю быть шикарным и экстравагантным. Это такой кайф! В отношении денег я безнадежен. Жизнь слишком коротка, чтобы усесться поудобнее и все время обдумывать такие вещи. Я рок-звезда, я очень богат, я могу купить все, что мне нравится, включая вас!

Я никогда не ношу собой денег, прямо как настоящая королева. Если мне что-нибудь понравится в магазине, я просто прошу кого-нибудь из сопровождения купить это.

Мне нравится делать покупки, и я люблю посещать аукционы и покупать антиквариат на Sotheby's и Christie's. Единственная вещь, которой мне бы не хватало, если бы я вдруг покинул Британию, был бы Sotheby's. Все мои деньги уходят туда. Действительно, я очень долго этим интересовался. И теперь, когда у меня есть немного лишних денег, я не вижу причин, почему бы мне их не потратить. Так что недавно я посетил Sotheby's и купил несколько картин. Торговцы совсем не были этому рады!

Мне нравится Harrods, а еще Cartier, Asprey и Christie's. Японцы называют это сумасшедшим шопингом. Я хожу по магазинам как флейтист из Гамельна — за мной постоянно следует толпа. Обычно я хожу в универмаг с женой продюсера — магазин оставляют открытым специально для меня в нерабочее время: кругом полно продавцов и никаких покупателей, только я один!

Мне нравится окружать себя роскошными вещами, я бы хотел жить в викторианскую эпоху среди изысканных безделушек. У меня много всякого хлама, который не имеет никакой ценности, но который я люблю. Было бы скучно, если бы я шел за покупками с одной лишь мыслью: «О, это будет неплохим вложением капитала».

Я купил в Лондоне дом, который видел только на фотографиях. Я знаю, это глупо, но у меня нет времени заниматься подыскиванием дома. Мне нужно место, куда бы я мог поместить свою мебель и одежду. Этот дом мой уже четыре года. Он вполне изыскан и великолепен. Его до сих пор перестраивают и отделявают. С такими темпами я поселюсь в нем, уже когда состарюсь и поседею.

Я до сих пор гоняюсь за вазами Lalique и Galle — ими уже

забит весь дом. Это становится на самом деле смешно. Знаете, многие говорили, что мой дом больше похож на музей, но теперь я начинаю с ними соглашаться. Это становится действительно глупо.

Мне нравятся все эти истории про Элтона, у которого была подобная проблема: люди, остававшиеся у него в гостях на выходные, могли запросто обнаружить под кроватью работы Рембрандта или кого-нибудь не менее великого. Это правда. В моем случае это японские картины, количество которых становится уже до смешного нереальным.

Мне часто говорят: «Что ты делаешь? У тебя столько дорогих вещей, ты тратишь такую уйму денег! Неужели тебя это не беспокоит?» Мои бухгалтеры и адвокаты постоянно пугают меня: так делать нельзя — это напрасная трата денег, это то да это сё. Плевать я хотел!

Я хочу все делать основательно. Может быть, в плане разумной траты денег я не преуспел, но я намерен делать то, что мне необходимо в конкретный момент — то, что подсказывает мой рассудок и мое сердце.

Я люблю это. Это часть моей натуры. Я от этого буквально расцветаю. Это меня заводит. Я не боюсь тратить свои деньги. Иногда я могу пойти в ювелирный отдел в Carrier's и купить там весь товар. Часто я начинаю транжирить совсем как женщина, которая покупает себе новую шляпку исключительно для поднятия настроения. Бывают дни, когда мне все надоедает, и я просто хочу утонуть в моих деньгах. Я поднимаю настоящую бурю и просто трачу, трачу и трачу. Затем я прихожу домой и думаю: «Бог мой! Что же я накупил?» Но это никогда не бывает пустой тратой денег. Мне чертовски приятно дарить подарки.

Мне нравится покупать подарки для других. Это меня сильно возбуждает. Это самое большое развлечение для меня. Я не люблю жмотничать. Возможно, счастье за деньги не купишь, но они могут отличным образом его доставить! Я не боюсь растрачивать их на кого-то. Вчера я отправился в Carrier's в Лондоне. Но по дороге понял, что они закрываются на обед. Я им тут же позвонил, чтобы узнать, не оставят ли они магазин открытым для меня, — и они его не закрыли. Так что жалюзи на всех окнах были опущены, и я бродил там один. Я чувствовал себя как За За Габор^[54]. Это было очень мило с их стороны. Я купил у них кучу всякой всячины, но не для себя.

Со своими деньгами я могу создать немного счастья. О'кей, на деньги счастье не купишь, это правда, — я даже написал песню, которая так и называется — *Money Can't Buy Happiness*^[55], — но все зависит от того, кто ты; иногда можно заставить себя

быть счастливым. Покупая людям подарки, я думаю: мне нравится делать это, возможно, больше, чем им — получать. Я люблю делать такие вещи.

Я сейчас все это сказал... а ведь многим я и барахла столько покупаю. Хуже всего, что через несколько лет я получаю все это назад!

Как-то я купил одному человеку автомобиль. Про это еще говорилось в немецкой прессе. Забавно, что по идее это должен был быть и мой автомобиль, но водил его он. Вдруг я узнаю из газет, что я купил 500 Mercedes SEC. Я подумал: «Ну давай-давай, дорогуша!» Если бы я хотел подарить машину, я бы так и сделал. Но так случается — теперь он думает, что это *его* автомобиль. А это не так.

Мой любимый автомобиль, между прочим, «роллс-ройс» — всегда. Что касается стиля и комфорта, ему нет равных.

Деньги меня не испортили. Я знаю, это звучит очень банально, но это правда. Покупать людям мелочи — это так прекрасно. Эти мелочи приносят им радость; скромный подарок, жест, нюанс, просто маленькое сокровище. Это значит намного больше, чем получить в подарок Биг-Бен или что-то в этом роде. Люди ценят *скромные* подарки.

Приведу вам хороший пример. Как-то Мэри сделала мне замечательный подарок — нечто совершенно невиданное. Нечто такое, о чем никто другой и не подумал бы и что вам было бы совершенно бесполезно, но это подарок от человека, которому ты не безразличен, — вот в чем дело. Не знаю уж, каким образом ей удалось достать эту маленькую безделицу. Эта была газета, вышедшая в тот день, когда я появился на свет — так что можно было прочесть о том, что происходило в мире именно в тот день. Это был номер The Times от 5 сентября 1946 года. Еще она достала мне экземпляр 1846 года — это было замечательно. Я подумал: какой милый подарок — просто безделица. Всего лишь ворох бумаги, а так чудесно! Она сказала при этом: «Это тебя займет, дорогой. Можешь читать это сидя на троне». Я люблю читать на горшке!

Газета за 1846 год была очень интересной. Она вышла в период холеры. В Индии тогда разразилась эпидемия, это были времена колонии и Ост-Индской компании и все такое прочее. Около ста англичан в Индии заразились холерой, и 858 сипаев. Интересно, правда? Для того, кто знает, кто такие *сипаи*. Но, хочу сказать, это доставило мне огромное удовольствие... просто газета.

Я думаю, просто смешно полагать, что люди, имеющие много денег, не нуждаются в подобных маленьких жестах внимания, как

и все остальные. Мне кажется, многие люди просто презируют такие мелочи. Скорее всего, это очень скучные типы.

Раз у тебя столько денег, некоторые думают: «Ну и что я могу купить тебе в подарок? У тебя все есть. Мне тебе нечего подарить». Я считаю, это просто отмазка. В мире до черта вещей, которые я хотел бы иметь. Я ненавижу все эти оправдания. Они думают, что обязательно должны подарить мне что-то безумно дорогое, чтобы соответствовать моему уровню, но это полнейшая чушь.

Я никогда бы не смог жить на содержании. Никогда! Ни за что! Это не в моем характере. Это как гладить кошку против шерсти. Я бы так никогда не смог. Каждый хочет быть на содержании, но предел моих мечтаний — чтобы ко мне подошел кто-нибудь по-настоящему богатый и знаменитый и предложил: «Я бы с удовольствием взял тебя на содержание», а я бы послал его на х...

В то же время многие люди думают по-другому. Но и содержать кого бы то ни было мне тоже не хочется. Я не люблю находиться по другую сторону, понимаете, о чем я. Может показаться, что я лицемерю, но это не так. Верьте или нет — мне нравится, когда отношения строятся на равных условиях.

Я запросто могу обойтись без славы. Мой образ жизни не изменится вдруг, если я перестану быть знаменитым. Если все мои деньги закончатся завтра, я останусь тем же самым человеком. Я буду так же шляться везде, как будто бы у меня куча денег, потому что я к этому привык. С деньгами или без них — все равно. По-другому я не могу. Я люблю жить на полную катушку. Это моя натура, и я не собираюсь приспосабливаться и прислушиваться к тем, кто учит меня жить. Я делаю то, что хочу. Это нечто врожденное, это часть меня. Я всегда был таким. Успех действительно помогает, с ним проще быть вызывающим и прочее, но это не цель. В юности, когда я еле сводил концы с концами, я экономил неделями, а потом спускал все в один день ради удовольствия. Я всегда буду расхаживать таким персидским попугаем, и никто меня не остановит. Никто не укажет мне, что делать.

Последнее время я безудержно транжирую. Мне советуют успокоиться, потому что сборщики налогов могут заинтересоваться и взять с меня приличную сумму денег. Я потратил около 100000 фунтов за последние три года. Мне не нравится слишком легкая жизнь, поэтому я трачу много, чтобы потом много заработать. Это меня подстегивает.

Я могу потратить целое небольшое состояние за считанные часы, но для меня это хорошо потраченные деньги. Я всегда хочу

хорошо выглядеть, потому что люди, которые делают из тебя так называемую звезду в этом бизнесе, должны видеть, что ты всегда выглядишь как звезда. Сам я не лезу в бизнес. Я совершенно бездарен в обращении с деньгами. Я не верю во вложение денег в банк. Они ведь для того, чтобы ими пользоваться, а не копить. Я просто трачу, что имею. Думаю, я всегда жил шикарно — как звезда. Не произошло ничего нового. Я привык тратить все до последней монеты, и теперь, когда у меня есть деньги, я продолжаю их тратить точно так же.

У меня есть несколько хороших друзей, большой дом, и я могу пойти куда угодно и когда угодно. Но чем больше зарабатываешь денег, тем несчастнее становишься. Просто так получается, что у меня полно денег.

Безусловно, я получаю больше остальных в группе, и я трачу эти деньги. Я получаю больше. Мне причитается больше, потому что я сочиняю хиты. Тут тоже можно поспорить. Но я просто стараюсь быть логичным. Если пишешь хиты, то зарабатываешь деньги.

Изначально наши деньги делятся на четыре части между нами четверьмя. Так заведено. Но — если говорить о деталях всей этой кухни — все зависит от продаж. Автор зарабатывает больше, потому что он получает авторский гонорар с продаж. Таким образом, если альбом состоит, скажем, из десяти песен, из которых Брайан и я написали по четыре, а Роджер и Джон только по одной, то, естественно, Брайан и я заработаем больше. Это чистая арифметика.

Конечно, мы занимаемся этим из-за денег, и я не боюсь в этом признаться. Мы любим деньги. И если кто-то опровергает это, он попросту врет. Да, отчасти из-за денег, и ради славы тоже. Я мог бы запросто все бросить прямо сейчас, потому что у меня есть все, что мне нужно, но, если быть серьезным, дело не только в деньгах, но и в долговечности тоже.

Я больше ничего не умею. Для меня это абсолютно нормальная жизнь. Это как сорвать банк — только я срываю его каждый день. Я вкалывал, чтобы заработать деньги. Никто так просто мне их не давал. Все, что я имею, я заработал. Я все это заработал и за все это заплатил. За то, чтобы у меня был этот чудесный японский сад с карпами, недавно купленными за баснословные деньги. Мне он нравится. Любой, кто любит карпов, купит их себе, если у него есть деньги, почему же мне нельзя?

Думаю, я отработал свои деньги. Я вкалывал, чтобы все это иметь, и для меня это важнее всего. Ненавижу халяву. Я не стремлюсь к бесплатному куску. Мне нравится осознавать, что я добился всего своим трудом.

Я не хочу, чтобы деньги управляли мной, но это не значит, что я слабохарактерный человек. Понимаете, это большая разница. Деньги не имеют надо мной власти. Все, что мне нужно, — это честно признаться себе, что я все еще работаю и получаю удовольствие от своего участия в Queen.

Не думаю, что я мог бы заниматься чем-то еще. Я знаю, это звучит ужасно, но я настолько самоуверен, что мне удалось бы что угодно. Я просто хочу быть уверенным, что отрабатываю все, что имею.

Думаю, если бы я потерял то, что сейчас имею, это была бы катастрофа. Но это не остановило бы меня, я бы справился. Оставшись без денег, я бы не перестал развлекаться. Я могу завтра остаться без копейки, и если завтра я все потеряю, то как-нибудь снова вскарабкаюсь наверх.

Единственный мой настоящий друг — Мэри. Она унаследует все мое состояние. Кому, как не ей, оставить все, когда меня не станет? Если бы я вдруг умер завтра, только она смогла бы управиться с моим богатством. Она распоряжается всем моим капиталом и имуществом, а также шоферами, прислугой, бухгалтерами и адвокатами. А мне остается лишь трясти своим телом на сцене.

Никто больше не получит ни пенни, кроме моих кошек Оскара и Тиффани. В противном случае я вообще не собираюсь никому ничего отдавать, когда умру. Я утащу все с собой. Хочу быть похороненным со всем своим барахлом. Все, кому что-нибудь нужно, могут последовать со мной. Там будет полно свободного места!

Глава семнадцатая

...And Everything That Goes With It

Меня мало заботит, что говорят журналисты. Что они знают?

Черт с ними, если они ничего не понимают!

Что касается прессы, я очень ненавистная для них личность. Но я тоже ненавижу прессу, так что это взаимно.

Я думаю, что с годами научился мириться с этим. Я совру, если скажу, что меня совсем не задевает критика, потому что это задевает всех. Конечно, мне хочется, чтобы все говорили, какой я замечательный, и чтобы всем нравились мои песни, я не возражаю против настоящей, обдуманной критики, но часто люди пишут рецензии на наши альбомы, даже не послушав их. Так устроен мир. Когда-то я действительно приходил в бешенство и рвал на себе волосы, но теперь меня больше не мучает бессонница. Я научился жить с этим. Для того чтобы выжить в музыкальной индустрии, надо иметь сильный характер. Надо быть мудрым и сильным. Надо быть бездушной сукой.

Я не позволяю себе волноваться по поводу прессы. В юности я часто представлял, как выхожу, покупаю газету и вижу статьи о себе, но сейчас совершенно другой расклад, потому что меня волнует только моя музыка. В принципе больше всего я переживаю из-за публики, которая покупает нашу музыку — вот кто заставляет нас двигаться вперед.

Честно говоря, я плевать хотел на критику. Поддержка прессы важна только в самом начале карьеры рок-музыканта. Когда приходит успех, тут уж быть или не быть решают поклонники. Пусть пишут, что хотят. Вы бы удивились, узнав, насколько все преувеличивается и раздувается в прессе, просто чтобы сделать хороший тираж. Я даю им лишь щепотку специй, а они умудряются приготовить из этого гарнир. Я жалею, что так много общался с журналистами, потому что чем больше я раскрывался, тем больше узнавал, насколько болезненно это может быть. Мой стиль жизни и моя безудержная натура были раздуты до немыслимых пределов. Но СМИ насочиняли намного больше того, что я мог им предложить. Я был готов смириться с этим, и от

меня зависело, смогу ли я устоять на ногах. Думаю, что смог. Для меня важнее публика. Не критики покупают мои пластинки, не они платят мне деньги, так что пока народ разбирает мои записи, я не должен беспокоиться о критике.

Любого, кто достаточно долго пользуется успехом, нужно щелкать по носу. Это полезно. Невозможно всегда оставаться примерным мальчиком. Я никак не могу смириться с тем фактом, что есть музыканты, которые считают себя *такими* замечательными. Я думаю, это ужасно. У нас у всех бывают свои подъемы и спады, у каждого свои пределы. Существуют вещи, которые ты просто не можешь сделать. Но я не хочу, чтобы какой-нибудь кретинский критик указывал мне на это. Я предпочту поговорить по-мужски с настоящим музыкантом, который мог бы мне сказать, что я действительно делаю что-то неправильно.

Только настоящий глупец может воображать, что его положение не позволит появиться компромату. Так думать очень глупо. Я всегда знал, что некоторые разоблачения неизбежны. Просто все зависит от того, насколько они ужасны. Мне кажется, большинство из нас знают, что это всегда выбивает. Это то, с чем нам приходится жить.

Это чудовищно. Мне кажется, все, что я сейчас говорю, означает, что я всегда знал, что найдутся люди, которые исподтишка ударят меня — те, которые скажут: «Вилью-ка я на него ведро помоев!» Я всегда знал, что однажды это сделает кто-то из своих. На самом деле я даже удивлялся, что этого не случилось раньше. Я не стану называть имен, но я был страшно обманут в прошлом. С этим тебе приходится жить, и, если ты достаточно умен, в конце концов это делает тебя сильнее.

Думаю, это тоже заложено в человеческой природе, так что я смирился с этим фактом. Многие просто жить без этого не могут. Это человеческая натура.

Чаще всего средства массовой информации предлагают скандальные истории об успешных людях, потому что никто не хочет читать о заурядной Мэри Поттс и тяжелой жизни — бедная девочка! Из этого не сделаешь увлекательного чтения. Но напиши о ком-нибудь известном, знаменитом — вот это будет продаваться; они это знают.

Я первым готов принять честную критику, и, думаю, было бы неправильно, если бы все читали только хорошие отзывы о себе, но, когда видишь несправедливые рецензии, к которым журналисты даже не потрудились подготовиться заранее, это раздражает. Я просто рву подобные публикации.

Откровенно говоря, я не в восторге от британских музыкальных изданий — во многом потому, что они были

несправедливы по отношению к нам. Меня бесит, когда какой-нибудь предприимчивый журналист ставит себя выше артистов. О нас имеют неверное представление. Нас часто называют «разрекламированным продуктом». Но посмотрите на нас на сцене, и вы узнаете, какие мы на самом деле. Мы по своей сути — рок-группа. Все это освещение и бутафория нужны лишь для усиления эффекта. Я считаю, мы пишем хорошие песни, и мы хотим исполнять хорошую музыку — не важно, сколько оскорблений мы получаем в свой адрес. Музыка для нас важнее всего.

Когда мы делали свое первое самостоятельное турне, шума вокруг было предостаточно — и никакой поддержки со стороны СМИ. Мне кажется, им нравится самим находить и раскручивать группы, а за нами они просто не успевали угнаться.

Честно говоря, я мало обращаю внимания на это. Пусть говорят, что хотят. Это совсем неконструктивно.

Американские журналисты готовятся к интервью, и те вопросы, которые они задают, производят гораздо лучшее впечатление. Они больше спрашивают по делу. Сразу видно, что они готовились, потому что они задают очень проницательные вопросы — против чего я вовсе не возражаю, — так что то, что там пишут о нас, имеет гораздо больше смысла. Но здесь, в Англии, все сводится примерно к следующему: «Фредди Меркьюри, почему вы перестали красить ногти черным лаком?» Затем следует рецензия на альбом, о котором они не имеют ни малейшего представления, потому что даже не задали ни одного вопроса по существу.

В этой стране заработать за какой-то срок хоть каплю уважения, кажется, просто невозможно, если не сказать больше. Газетчикам нравится думать, что они держат тебя в своих руках. Ну что ж, мы давно выскользнули из этой хватки.

У американцев нет этих предрассудков, и возникает вопрос: если они могут делать свое дело, то почему этого не могут здешние умники? Потому что здешние слишком узколобы. Это самоуверенные идиоты, которые ничему не хотят учиться. Они ничего не хотят слышать. Они думают, что все знают еще до того, как что-то случилось.

Мы не рядовая рок-группа. Мы делали вещи, которых от нас ожидали меньше всего, — и не ради того, чтобы просто это сделать, а потому что это была очередная фаза, которую мы проходили. Некоторым казалось, что мы привыкли к рамкам рока и можем играть только в одном стиле. Мне было очень жаль таких журналистов, бывших настолько недалекими и думавших подобным образом, потому что все, что от них требовалось, — это

копнуть чуть глубже и подготовиться чуть лучше, чтобы обнаружить, что же на самом деле представляла собой наша группа.

Возможно, мы разозлили журналистов тем, что, как им казалось, очень быстро пробились. Мы завоевали популярность быстрее большинства групп, о нас говорили чаще, чем о других группах, так что это было неизбежно. Никто о нас ничего не слышал, и вдруг в одну минуту мы возглавили все афиши. Разумеется, все это произошло не так. Мы незаметно проскользнули мимо парней из прессы. На самом деле они предпочитают открывать новые группы до того, как ими заинтересуется публика, но в нашем случае мы успели выйти к публике раньше, чем пресса села нам на хвост.

Пресса с самого начала старается подогнать любую перспективную группу под какой-нибудь стиль, которому, по их мнению, та должна соответствовать. Нас они не любили, потому что не могли понять, к какой категории нас занести. Так же обстояло дело и с Led Zeppelin. Мы просто ломали все стереотипы, мы хотели делать то, что считали правильным, и не хотели соглашаться с тем, что они говорили. С первых дней началось это разногласие. Теперь оно стало обычным делом — нормой. Меня это совершенно не волнует. В былые времена недоброжелательность прессы задевала сильнее. Больше всего меня удручала именно британская пресса, но, думаю, сейчас, я научился это переносить. Мы уже столько лет живем с этим!

Моя личная жизнь закрыта для посторонних. То, что из нее просачивается кое-что, это нормально, я даже сам могу проговориться о чем-то скандальном, но не более того. Пресса всегда настороже — все только и ждут, чтобы поймать тебя.

Недавно в одной статье мои слова были в очередной раз совершенно перевраны. С самого начала пресса писала о Queen то, что сама же придумывала, и это всегда сходило им с рук. Журналистка, написавшая последнюю статью, хотела получить от меня что-то абсолютно сенсационное, но ей не повезло. Я сказал ей прямо: «Что вы хотите услышать от меня? Что я торгую кокаином?» Но ради всего святого, если бы я хотел сделать грандиозное признание о своей сексуальной жизни и наконец-то после всех этих лет грянуть с настоящей сенсацией, неужели же из всех газет мира я выбрал бы для этого *The Sun*? Это бы не была бульварная газетенка. Черта-с-два бы я так сделал. Я слишком умен.

Это стратегия. Каждый использует то, что срабатывает лучше. Да если бы всё, что вы читали обо мне в газетах, было правдой, я бы сейчас не сидел здесь и не говорил бы с вами. Я был бы

слишком обеспокоен своей персоной. На самом деле, если бы это было правдой, я бы уже давно уморил себя, это уж точно.

Средства массовой информации старались расколоть нашу группу с самого начала, с того самого момента, когда к нам пришел успех. Пресса это любит! Похоже, им бы очень хотелось, чтобы Queen распались. Думаю, это тот случай, когда ты только спустя многие годы понимаешь, что они пытаются сделать. Многие из них решили, что нам нужно преподать хороший урок только потому, что у нас хватило смелости взобраться наверх раньше, чем они дали на это добро. Мы всегда были уверены в том, что делаем, так что пресса на самом деле нас не расстраивала. Если мы распадемся, то распадемся, и пресса хочет первой узнать об этом.

С годами я становлюсь хладнокровнее. Честно говоря, я уже об этом не думаю. Меня действительно это больше не задевает — уже нет. Мне два раза насрать, если люди сплетничают или болтают обо мне. Было время, когда я очень переживал по поводу того, что обо мне говорят, и хотел, чтобы меня принимали таким, каким я себя ощущал, но теперь это перешло все мыслимые рамки и за этим просто невозможно уследить.

Сейчас я немного раздражаюсь, если в рекламных целях мои слова не приводятся или приводятся неверно. Когда о тебе дают ложное представление, это способно очень сильно задеть: ты чувствуешь, что этот парень неправильно тебя понял или не сумел соответствующим образом изложить мысль, но ведь люди будут это читать и поверят, что это факты. Такие вещи немного задевают. Но что поделаешь? Иногда ты даешь интервью и говоришь определенные вещи, а потом это все выворачивается наизнанку. Такое впечатление, что проклятая британская пресса особенно в этом хороша. Даешь часовое интервью, а потом получаешь всего один абзац, куда вошли только самые пикантные строчки, и думаешь: «Боже мой, боже мой!» Иногда читаешь свое интервью и удивляешься: «Неужели я старался ради этого?», потому что ничего подобного я на самом деле не говорил. Такое происходило много раз, и я научился жить с этим. Я не принимаю это всерьез. Я уже говорил: было время, когда я думал, что мне это здорово вредит, но нельзя допускать, чтобы это беспокойство овладело тобой целиком. Ты должен отстраниться и смотреть на это более абстрактно. Что я теперь и делаю. Это ведь всего лишь статья!

Я верю людям, а не газетам. Мне не интересны процессы типа «мы против *New Musical Express*». Думают, что если я больше не даю интервью, то у меня есть предубеждение против прессы. Это неправда. Я не люблю давать интервью, потому что, когда передо

мной ставят магнитофон, я просто замолкаю.

Мне кажется, в определенной степени мы удобная мишень для прессы, потому что быстро добились популярности. Но у нас ушло два года на то, чтобы сделать свое представление. Когда слышишь, что ты просто раскрученная выскочка, что у тебя нет таланта и вся твоя карьера — ловко сработанный трюк, это ранит в самое сердце. Я никогда не был в восторге от британской музыкальной прессы. Они обычно предполагали, что мы не пишем собственных песен... тогда как вся идея Queen заключалась в том, чтобы быть оригинальными. Мне совершенно безразлично, что говорят о нас журналисты, — мы нашли свою индивидуальность. Что они знают? Да фиг с ними, если они попросту не въезжают!

Глава восемнадцатая

Staying Power ^[56]

*Придет время, когда нам
действительно придется завязать,
когда я не смогу больше бегать по
сцене, потому что это будет
выглядеть смешно, но никто из нас
не намерен уходить.*

*Было бы трусостью
остановиться сейчас.*

Оставаться успешным и не снижать уровень очень непросто. Когда почувствовал успех, да еще такой потрясающий, как у меня, совсем не хочется его отпускать.

Самое трудное по прошествии всех этих лет — удержаться на том уровне, которого достиг. Ни одна группа не может двигаться по колее. Нужно быть готовым меняться со временем и даже опережать его, если хочешь оставаться успешным.

Я думаю, наш успех вполне оправдан, потому что мы много вкалывали. Я считаю, что мы всё заслужили по справедливости. Я чертовски много работал, и работаю до сих пор.

Очень трудно, особенно на протяжении стольких лет, появляться с совершенно потрясающими и оригинальными идеями. Мне хочется делать непохожие вещи. Я не хочу повторять снова и снова одни и те же формы — так можно сойти с ума. Я не хочу становиться банальным, я хочу творить.

Чем более успешным ты становишься, тем большего ожидает от тебя публика; в определенном смысле ты хорош настолько, насколько хорош твой последний альбом. Мне кажется, публика часто бывает изменчивой и непостоянной, но мне это даже нравится. Думаю, тебе оценивают по твоим прошлым достижениям, и если у тебя был великий хит, ты должен соответствовать ему и стараться создать что-то еще лучше.

Я не знаю точного ответа. Просто нужно стараться изо всех сил. Нельзя просто почивать на лаврах — не это конечная цель. Мы не можем прятаться за нашими прошлыми достижениями, хоть это очень просто, но никто из нас не хочет этого делать.

Это всегда в подсознании. Единственный способ узнать — выпустить новый альбом и посмотреть, как он пойдет. Честно говоря, за это всегда переживаешь, и если какое-то время ты ничего не делал, то, насколько бы ты ни был успешен, ты всегда

держишь в подсознании, что тебя могли забыть или решить, что ты уже умер или разбился или еще что-нибудь в этом роде. Думаю, теперь для всех очевидно, что мы еще существуем.

Мы хотим создавать интересные песни. Как только мы начнем делать то, что не будет нам интересно, мы кончимся как группа. Мы будем держаться этого до конца, и если мы чего-нибудь стоим, то мы еще не скоро сойдем со сцены. Если бы мы делали то, чего ждут от нас средства массовой информации, это был бы шаг назад. В настоящее время мы счастливы, потому что делаем то, что считаем правильным. Мы никогда не угождали прессе и не собираемся этого делать.

Мы всегда были уверены в своей музыке и хотели преподнести ее должным образом. И если мы увидим, что подошли к рубежу, когда следует пойти на компромисс, мы не станем этого делать. Бывали случаи, когда мы готовы были навредить себе назло другим, и, по-моему, долгое время это работало, потому что для нас важнее была наша вера в себя. Это не обязательно всегда проходит удачно, но в нашем случае сработало. Вы понимаете, о чем я говорю?

Всегда необходим риск, чтобы идти дальше. Поэтому когда люди говорят: «Что же вы будете делать сейчас, когда достигли своего пика?», я отвечаю: «Чушь собачья! Мы еще не достигли своего пика!» Я отказываюсь думать, что мы достигли своего пика, понимаете, потому что единственный путь после этого — вниз. Думаю, когда все время движешься вверх, единственное, что остается после, — это спускаться.

Когда взбираешься по лестнице успеха, начинаешь топтаться на вершине, потому что идти вниз не хочется. Это трудно.

Самая сложная задача — остаться группой, когда все вокруг говорят, что она распадается. Все думают, что группа вот-вот развалится. Однажды был такой момент, когда я, мы, мы все были очень разочарованы и хотели заняться другими вещами. А когда такие вещи попадают вам в кровь, то достаточно самой малости, чтобы это случилось, или, другими словами, вам нужно просто малейшее оправдание, чтобы покинуть группу.

Сколько можно подниматься? Наступает момент, когда тебе необходимо заняться чем-нибудь другим. Тогда говоришь: «О'кей. Вот здесь остался маленький пробел», и мы устремляемся в этом направлении.

Необходимо иметь стальные нервы, чтобы выдерживать этот темп. Когда добился успеха, становится действительно трудно, потому что узнаешь изнанку этого бизнеса. Узнаешь настоящих мерзавцев. Когда только начинаешь, не имеешь ни малейшего представления об этом. Нужно быть очень сильным и тщательно

отбирать людей. Любой, кто достиг успеха, раз-другой обязательно обожжется.

Не бывает легкого пути к успеху — не бывает эскалатора наверх. Всегда будет конкуренция. В рок-музыке сейчас все это только усиливается как никогда.

Если бы существовала какая-нибудь книга правил, то все бы ее купили и штамповали бы одну и ту же дрянь.

Мы знали, когда начинали, когда сделали решительный шаг и взялись за дело, что нам предстоит тяжелая, изнурительная работа, и мы были готовы к этому. Если бы тогда у нас не было этой прозорливости, мы потерпели бы поражение.

Вы не можете сильно рассчитывать на гарантированный прием. Верность поклонников — это одно; но нельзя ожидать, что так будет продолжаться и впредь только потому, что у тебя был один хит. Ты должен выпускать новые вещи. Если ты не в состоянии их делать, когда они требуются, то можешь забыть об этом. Нельзя жить прошлым, и я не могу все время выезжать на *Bohemian Rhapsody*, потому что сейчас совершенно другое поколение. Нельзя оставаться прежним. Нужно постоянно меняться.

С каждым разом становится все труднее. Что касается конкуренции, сейчас существует множество замечательных групп, которые выходят с новыми, свежими идеями, и новая технология. Становится очень трудно. Необходимо постоянно быть в курсе, и я чувствую, как мне все время приходится тянуться на цыпочках. Мне нравится смотреть, что делают новенькие, потому что очень просто сказать: «О, после десяти лет успеха мы можем позволить себе делать старые добрые вещи». Но я терпеть не могу делать одно и то же. Мне нравится наблюдать за тем, что происходит, и вводить все это в Queen. Я всегда в курсе, и это позволяет мне держаться. Мне интересно то, что происходит в данный момент. Это нечто вроде исследования. Я хожу на все балетные труппы, я хожу на всех знакомых музыкантов, чтобы знать, что происходит в этом мире. Я хочу создавать вещи, которые были бы интересны и которые я никогда прежде не делал.

Можно пресытиться после столь продолжительного успеха. Легко сказать: «Да, мы самые великие!», но на самом деле я не думаю, что мы из тех групп, кто так говорит. Мы сами ставим перед собой задачи. Легко решить, что, раз вы делали что-то на протяжении десяти лет, вы можете продолжать делать старье. Я терпеть не могу повторяться.

Сейчас есть очень много талантливых людей, но они не попали в нужное время или в нужное окружение, чтобы развиваться, а это способно привести к разочарованию в себе. Мы

сейчас в очень выгодном положении, но даже при этом нельзя позволить себе успокоиться и почитать на лаврах.

Честно говоря, после стольких лет совместной работы мы иногда устаем друг от друга, и иногда хочется сделать что-нибудь просто другое, чем Queen, Queen, Queen. Я очень люблю Queen, но я хочу сделать что-нибудь другое, иначе я стану слишком старым, а в инвалидной коляске будет поздно для чего бы то ни было.

Мы не можем жить как квартет все время и постоянно чувствовать себя четырехглавым драконом. Понимаете, о чем я? Мне нравится осознавать себя личностью. Этого отрыва очень трудно добиться. Ужасно чувствовать себя всего лишь четвертой частью.

В какой-то момент, примерно через два или три года после того, как мы начали, мы чуть было не распались. Мы почувствовали, что дело не идет: слишком много было акул вокруг, и мы не могли со всем этим справиться. Но нас поддерживала какая-то внутренняя сила, и мы учились на собственном опыте — как на удачах, так и на провалах.

Не раз я думал, что пора уходить, и я знаю, что придет время, когда мне действительно придется все бросить, когда я больше не смогу носиться по сцене в трико, потому что это будет выглядеть смешно и нелепо, но никто из нас не намерен оставить группу. Было бы трусостью остановиться сейчас. Мы прекрасно сработались, так зачем же убивать курицу, несущую золотые яйца?

Когда атмосфера накаляется, когда мы, делая, альбом, начинаем действовать друг другу на нервы, — а это серьезное испытание, — тут-то и задумываешься: «А стоит ли оно того после всех этих лет? Почему бы нам просто не разойтись в разные стороны и делать что-то в свое удовольствие?» Я задумываюсь об этом. И остальные тоже.

Со временем все это становится не важно. Всё. Песни, музыка, музыкальные вопросы. Все это связано с деньгами, и мы можем открыто заявлять об этом. Чаще всего это зависит от меры участия каждого музыканта в альбоме: так, если бы у меня было больше песен, чем у других, это делало бы их менее значительными музыкантами. До такой оценки недалеко дойти. Я всегда стараюсь быть очень дипломатичным, так что однажды я сказал: «Хорошо, с этого момента пишем песни поровну».

По прошествии всех этих лет ты уже не хочешь драться за то, что делаешь. Всё это мы уже проходили, и, думаю, по большому счету, это должно быть забавным — насколько забавной может быть живая запись.

Мне кажется, мы все четверо нуждаемся в таких вещах, даже

если нам это не нравится. Если бы все было слишком просто, мы бы утратили интерес. Поэтому мы говорим себе: «О боже! Лучше вернуться к этому и продолжать бороться». Полагаю, по-другому я не могу.

В чем причина нашего успеха? Конечно же, в моей невероятной харизме! А если серьезно, то, думаю, мы так долго вместе, потому что никто из нас не хочет уходить. Если ты уходишь, это выглядит как трусость. Пока нашу музыку покупают, все в порядке.

Если после всех этих лет вы все еще вместе, вы чувствуете и понимаете друг друга инстинктивно. Вам не нужно придумывать, как провести вместе время после работы, — мы вообще очень редко это делаем. В принципе мы собираемся вместе только ради музыки. Это наша работа. Мы многое сделали вместе, и сейчас нам остается только держаться вместе и писать музыку, для чего, собственно, мы когда-то и собрались.

По-моему, долгая карьера — очень важная вещь в нашем деле. Спустя первые несколько лет ты должен задуматься о том, как тебе приспособиться к твоей роли в жизни, внутри этого круга, потому что это и есть твоя жизнь. Приходится жить и дышать этим. Так я себе это представляю.

Это тест на выживание. Конечно, мы можем все оставить и сказать: «Прекрасно, мы сделали достаточно» и после этого жить счастливо, но мы сюда пришли не для этого. Мы пришли, чтобы делать музыку. Это то, что меня больше всего интересует.

Мы постоянно очень заняты, и мне делали предложения заняться другими проектами, но я их не принимал, потому что чувствовал, что могу еще очень многое сделать в формате Queen. Я бы не стал этого делать, потому что тогда мне пришлось бы отказаться от других идей.

В настоящее время я не могу думать вне рамок Queen. Мы сейчас на гребне волны. Я чувствую, что мы вулкан, готовый извергнуться в любую минуту. У Queen остаются еще очень большие возможности, и, я уверен, что в ближайшие несколько лет мы продвинемся намного дальше.

Если бы я почувствовал, что группа никуда не движется, мы бы давно разошлись. Но мне кажется, мы прошли долгий путь, и у меня эта целеустремленность в характере. Для этого необходимо сочетание нахальства и самоуверенности. Публика все еще принимает меня и группу. Почему, по-вашему, Голливуд добился такого успеха? Это все декаданс и прочее. Это определенный стиль жизни, с которым я вырос. Мы будем стоять на своем, и, если мы хоть чего-нибудь стоим, мы не скоро сойдем со сцены.

Слухи о том, что Queen распадается, ходят постоянно.

Кажется, что некоторые так и ждут нашего распада. Бог знает почему. Да, в группе бывает много споров и противоречий и порой мы поднимаем невообразимый шум, но все это просто разряжает обстановку. Это неправда, что мы всегда ссоримся. Правильнее сказать, что между нами существует определенная натянутость, которая часто создает неприятные ситуации. Но раз уж мы взялись сочинять музыку, обо всем остальном можно забыть. Кроме того, я считаю, что лучше уж дать себе волю в таких случайных вспышках, чем днями дуться и не разговаривать друг с другом — это только ухудшает ситуацию.

Наша ругань может быть очень яростной, но, по крайней мере, она сглаживает возникающие проблемы, и каждый из нас знает свое место. Мы не ненавидим друг друга. Если бы было так, тогда другое дело, но все как раз наоборот. Эти ссоры происходят, потому что мы очень устаем. Когда вкальываешь, как мы, это может сильно изматывать и опустошать, так что приходится постоянно быть начеку и отслеживать моменты, когда работа становится однообразно-скучной. Так, например, было время, когда все наши турне приходились на зимнее время, и я захотел сломать эту схему. Я просто подумал: «Какого черта! Давайте устроим летние гастроли. Давайте внесем хоть какое-то разнообразие».

Слухи о распаде ходят постоянно. Или вы с вашим самолюбием уже не можете больше находиться все вместе и разрываете отношения, или же, напротив, это делает вас ближе. В настоящее время мы близки как никогда.

Думаю, мы достигли такого этапа, когда можем позволить себе делать все, что хотим. Это замечательно. Я ненавижу подстраиваться и угождать даже вкусам публики или звукозаписывающих компаний. По правде говоря, я как раз размышлял об этом пару дней назад и подумал: «Бог мой! Мы были вызывающими и смелыми во времена *Bohemian Rhapsody*, поэтому у нас все получилось». Но если начать сейчас потворствовать вкусам публики из соображений, почему бы не дать им то, чего они хотят, это будет самым настоящим откатом.

Так что мы не собираемся угождать и идти на поводу у публики. Мы не боимся это делать. Мы не запрыгиваем в последний вагон и не следуем моде. Нет, мы всё делаем с фирменным знаком Queen. Но мы не дураки, и мы в курсе того, что происходит вокруг. Мы не объявляемся со старьем, которое делали пять или шесть лет назад. Мы находимся в соответствии с тем, что творится, и это мне нравится.

Я люблю бросать вызов, и мне нравится делать вещи, которые не вписываются в мейнстрим. Либо это срабатывает, и при этом

срабатывает по-крупному, либо становится большим провалом, но мне нравится идти на риск.

Помню, был у нас альбом *Hot Space*, который буквально умер в Америке, и все сказали: «Да, Queen пошли на большой риск, и провалились, так что теперь они знают, что такого им делать не стоит». Ну уж нет! Если я захочу что-то сделать снова, я это сделаю.

Мне кажется, мы настолько привыкли друг к другу, что держимся на одном инстинкте. Нас не связывают никакие обязательства. Как музыканты мы по-прежнему уважаем друг друга.

Это судьба. Это некая составляющая внутри нас, некая химия, некий сплав. Это вовсе не значит, что у нас нет собственных «я» — мы все ужасно самолюбивы, так что разговоры о распаде группы ходят постоянно. Бывали и закидоны, и не раз кто-нибудь из нас говорил: «Все! С меня хватит!» Но на мой взгляд, такие вещи срабатывают правильно. У нас нет средства, которое позволяет нам держаться вместе. Ничего конкретно-определенного.

В этом смысле я удивляюсь, что мы по-прежнему работаем и что люди по-прежнему покупают наши пластинки и по-прежнему считают нас единым целым. После всех этих лет это действительно нечто. Rolling Stones продолжают работать, выпустив уже двадцать семь альбомов, так что, я полагаю, у нас все еще впереди.

Я правда поражаюсь, что мы до сих пор вместе. Другие команды расходились или меняли состав, но мы, четыре старушки, всё еще держимся вместе. У каждого из нас свои проблемы с самолюбием, но мы не позволяем им заходить слишком далеко. Да продлится царствие наше!

Иногда нас заносило, но это и есть Queen. В некоторых случаях мы осознаем, что нас сейчас занесет. На самом деле это держит нас вместе.

Пора переоценивать ценности. Мы все стали бизнесменами, хоть это и не соответствует нашим лучшим побуждениям. Но так всегда происходит, когда достигаешь успеха. Быть музыкантом не значит только выпускать диски, к сожалению. Хотел бы я, чтобы это было так. У всех у нас теперь есть свои компании, некоторые имеют отношение к музыке, некоторые — нет (мы много к чему руку приложили). Нам приходится на время прерывать свою музыкальную деятельность, чтобы разбираться с делами, иначе все пойдет не так, как надо.

Музыка — лучшая сфера для занятия бизнесом, потому что здесь можно и разбогатеть и получить удовольствие, но это очень

тяжелый труд. Я счастлив, что занимаюсь этим. Если бы было по-другому, то я давно бы оставил это все. Дело уже давно не в деньгах. Мне все еще страшно охота сочинять песни. Это лучшее, что я умею делать.

Если кто-нибудь уйдет — любой из нас четверых, — это будет концом Queen. Мы четыре равные части, и мы зависим друг от друга. Все остальные просто не смогут функционировать без одной из этих частей.

Нас четверо. Это сильный квартет. Мы собираемся быть вместе, пока не сдохнем к чертовой матери. Мы достигли той фазы, когда уже слишком стары, чтобы расставаться.

После концерта Live Aid и нашего тура в 1986 году, который в некоторых городах побил все рекорды по кассовым сборам, у нас появился еще больший стимул, чтобы продолжать. Так зачем же останавливаться? В любом случае, какого черта я буду делать? Я уже сто раз это говорил. Мне больше нечего делать. Я мог бы стать садовником вообще-то. В моем саду такое творится! Я мог бы стать специалистом по японскому ландшафту.

Мы собираемся немного отдохнуть — небольшой заслуженный отдых, я надеюсь по крайней мере. Думаю, если он растянется надолго, мы разойдемся и займемся каждый своим делом. Я думаю, надо ковать железо, пока горячо, и сейчас самое время.

Нам не следует слишком далеко отходить друг от друга и углубляться в другие области, и я сказал им, что нам стоит хорошенько над этим поразмыслить. Так, по крайней мере, мы будем знать, что это у нас в подсознании, и не бросимся сломя голову записывать сольные проекты в том масштабе, который не позволит нам вновь собраться вместе.

Я человек настроения, дорогие мои, и после гастролей Magic Tour я вдруг подумал, что все идет чертовски хорошо, словно бы у меня открылось второе дыхание. Вдруг оказалось, что у Queen еще огромный потенциал. Мы действительно хотим остаться вместе.

Я уверен, что мы инстинктивно знаем, чего хочет каждый из нас. Это как работа. Мы собираемся вместе, даем концерт, а потом расходимся каждый в свою сторону. После каждого концерта нас ждут четыре лимузина, и мы просто разъезжаемся куда хотим.

Если нам покажется, что мы приходим в упадок, то мы бросим все. Никто и никогда мне не скажет, что мое время прошло и что мне пора заняться чем-нибудь другим.

Я восхищаюсь людьми, которые на это способны — которые действительно чувствуют, что нет движения, что они уже сделали

все возможное и пришло время попробовать заняться чем-то другим. Но это должен решить ты сам, В конечном итоге решение принимаешь только ты... неважно, какое именно. Многие могут говорить тебе об этом, но ты сам должен к этому прийти. Ты должен принять тот факт, что все прошло и ты сделал достаточно. Когда-нибудь это должно произойти.

Поэтому я думаю (может быть, я сейчас сильно замахваюсь), что кто-нибудь вроде Нуреева действительно достигает того момента, когда многие говорят, что он очень стар для танцовщика и уже не так потрясая на сцене, как раньше. Но, тем не менее, он все еще в отличной форме, вы знаете, и он выступает. Придет время, когда он должен будет сказать себе: «С меня достаточно». Поэтому сейчас он начал заниматься режиссурой и тому подобными вещами. Он говорит, что чувствует, что ему осталась пара лет, и он хочет отдать себя всего, а потом уйти.

Со временем, если остаешься успешным, появляются приверженцы, которые растут вместе с тобой. Они следуют за тобой и примут все, что ты сделаешь, — это непоколебимые поклонники, насколько я себе представляю. Они верят в то, что ты делаешь. Что касается Queen, мы так часто менялись, но настоящие поклонники с готовностью примут все, что мы предложим в следующий раз.

Мне кажется, у нас есть группа постоянных фанатов. В конце концов, это всего лишь игра... но игра серьезная. Многие люди действительно выросли вместе с нами, и они по-прежнему любят нас, но многих поклонников мы потеряли. Встречаются фанаты, которые могут мне сказать: «Нам очень нравились ваши ранние вещи, но совсем не нравится то, что вы делаете сейчас». Но в то же время есть люди, которые признаются, что им нравятся наши новые песни, и которые даже не знают, что мы делали пять или шесть лет назад; так что одно уравновешивает другое, как мне кажется.

Среди поклонников Queen — самые разные люди, и это на самом деле замечательно. Я бы не хотел думать, что нас любит какая-то определенная аудитория. Это прекрасно, и мне это нравится больше, чем, например, в случае с Давидом Эссексом, который имеет очень узкий контингент фанатов. У нас, кажется, очень разнообразная аудитория, в зависимости от того, что мы делаем. Хорошо, что наши фанаты не стая мышей, хотя и среди них время от времени встречаются камикадзе, которые, однажды решив достать вас, определенно этого добьются. Когда такие фанаты-камикадзе вобьют себе в голову вас достать, их уже ничто не остановит, если только у вас нет телохранителей-каратистов.

Иногда это просто напоминает «Птиц» Хичкока — особенно сюрреалистично было в Японии со всеми этими толпами визжащих фанатов, готовых заклевать тебя, это было совсем особое ощущение. Но вы знаете, публика в этой стране тоже самая разная.

Это все может закончиться завтра. Я этого не боюсь. Это ненадежная жизнь, но мне она нравится. Мне нравится доля риска. Хорошо, я достаточно состоятельный человек, но деньги на банковском счету ничего для меня не значат. Я трачу их так же быстро, как и зарабатываю. Завтра я могу остаться без гроша, но я об этом не сильно задумываюсь. У меня есть инстинкт выживания.

Я не просыпаюсь каждое утро с мыслями о том, что же я буду делать, если Queen прекратит свою деятельность. Я подумаю об этом, когда это случится. Мы к своей работе относимся ничуть не менее серьезно, чем адвокаты — к своей. Я не могу предсказать, как долго мы будем продолжать, но пока мы осваиваем новые просторы, для Queen останется где черпать вдохновение. Я не считаю, что мы достигли своего пика. Группа еще много чего может сделать. Queen все еще здесь. В последнее время у нас нет никаких разногласий и противоречий. Мне кажется, на сегодняшний день все вполне счастливы. Четыре старушки все еще дают жару!

Что бы то ни было, мы будем продолжать, пока кто-нибудь из нас не свалится или что-нибудь такое, или просто не уйдет. Мне кажется, если я вдруг покину группу, им придется что-нибудь придумать, чтобы заменить меня. Меня заменить не просто, а?!

Глава девятнадцатая

In The Lap Of The Gods ^[57]

*Отныне сумасшедшие костюмы
отменяются. Не думаю, что
сорокадвухлетний мужик должен
скакать по сцене в гимнастическом
трико. Это не совсем уместно.*

Нам очень повезло. Я и не рассчитывал, что мы продержимся так долго. Я думал, лет через пять все закончится и мне придется соображать, чем заняться дальше — стать уборщицей или кем-то еще.

Я очень горжусь тем, что после стольких лет до сих пор имею успех, что мои пластинки до сих пор продаются и что со мной до сих пор считаются. Я этого не ожидал. Я горжусь и в то же время удивляюсь. Я по-прежнему сочиняю музыку, которая хорошо принимается публикой. Постоянно слышишь о том, что кто-то исписался, и мне приятно, что я все еще появляюсь с новыми песнями и новыми идеями — спустя все эти годы. Это для меня главное. Самая лакомая часть. Мы достигли той стадии, когда уже слишком стары, чтобы расставаться. Можете себе представить создание новой группы в сорок лет? Было бы немного глуповато, не так ли?

Сейчас мы делаем вещи в стиле, совершенно не похожем на других. Так получилось. Мы просто делаем нашу музыку, потому что это то, во что мы верим. Мне кажется, к Queen вернулись жизненные силы. Я думал, после стольких лет нас могут легко забыть, но недавно мы словно бы заново родились. Я просто изумлен. Тут начинаешь верить, что люди все еще любят нас, и это дает силы продолжать. Это я и сказал со сцены: «Пока вы, мерзавцы, покупаете наши пластинки, мы будем с вами». Если вы нас хотите — мы будем с вами.

Все дело в том, чтобы осознать тот факт, что однажды все закончится и чем дольше мы продолжаем, тем больше приближаемся к этому дню. Где-то в подсознании я знаю, что это безусловно кончится и что оно может кончиться прямо сегодня. И это подстегивает меня как ничто другое. Думая об этом, я получаю еще больше энергии.

Я не хочу быть похожим на Глорию Свенсон^[58] или на кого-нибудь еще, но я НЕ пойму, что наступает конец. В настоящий момент я чувствую, что у нас есть что предложить публике — мы

всё так же уверенны в себе, как и в самом начале.

Так или иначе, я хочу продолжать и хочу быть уверен, что я крепко связан с музыкальной индустрией, потому что, честно говоря, это все, что я знаю и умею делать. Я забыл все, чем занимался когда-то. Я не смог бы вернуться к иллюстрации, потому что потерял все связи с тем миром.

Я был бы ужасным занудой, если бы, просыпаясь каждое утро, задавал себе вопрос: «Боже, что же я буду делать, если сегодня все закончится?» Я дождусь, когда это произойдет, а там все решится само собой. Сейчас я не могу сказать, чем стану заниматься. Я не думаю о будущем в таком направлении. Пока у нас все идет замечательно, так какого черта я должен задумываться об этом? Это негативный взгляд, а я не хочу быть негативным. Я просто хочу продолжать и появляться со свежими идеями, думая о том, что делать дальше. Это как с большим капиталом: не относитесь к нему слишком серьезно, и с вами все будет в порядке.

Я очень рад, что занимаюсь этим. В противном случае я бы это бросил. Это уже не вопрос денег. Определенным образом я чувствую, что у меня есть обязательства перед публикой. Зайти так далеко, а потом вдруг сказать: «Да, я заработал свои деньги, хватит!» — это не по мне. Я по-прежнему хочу отдавать всего себя. Это у меня получается лучше всего.

В этом смысле сейчас я просто получаю удовольствие. Раньше я очень серьезно относился к своему успеху и был сильно озабочен тем, чтобы стать звездой, и все такое прочее, и я думал: «Вот так должна вести себя звезда». Теперь мне совершенно наплевать. Я просто хочу работать по-своему и получать от этого удовольствие. И так я подхожу ко всему, что делаю, и, думаю, это видно из песен, которые я сочиняю. В принципе я научился успокаиваться. Я не такой параноик, каким был раньше. Я не боюсь открыто высказываться, не боюсь говорить что хочу и делать что хочу. В конце концов, быть естественным и откровенным — это всегда выигрышно и, надеюсь, производит хорошее впечатление. Я не переживаю о том, что могу сделать ошибку. Я слишком стар для этого.

Через десять лет я, конечно же, не надену эти костюмы и не буду бегать по сцене. Я не знаю, что я буду делать тогда, но я знаю одно... — я по-прежнему буду получать от жизни удовольствие.

Лично мне хватило всех этих избыточных сценических эффектов. Отныне сумасшедшие костюмы отменяются. Я не думаю, что сорокадвухлетнему мужчине стоит носиться по сцене в гимнастическом трико. Это не совсем прилично. Если люди думают, что в сорок пять или пятьдесят я все так же буду бегать

по сцене, они сильно ошибаются. Это было бы совсем неуместно. Это было бы глупо. Я собираюсь исполнять нашу музыку, одеваясь попроще. Мир изменился — люди хотят большей прямоты и открытости.

Времена визжащих фанатов и всего, что этому сопутствует, для нас уже миновали. Мы выросли и повзрослели. Люди, которые покупают наши пластинки, выросли тоже. Появилось больше зрелости и опыта.

Мы завоевали всемирную признательность, и этого я совсем не мог предвидеть — нашего успеха за пределами Британии. Думаю, мы заслужили определенную долю признательности и уважения как приличные музыканты, которые пишут хорошую музыку. Для меня этого вполне достаточно.

Я хочу поехать туда, где никогда прежде не бывал. Для меня это в первую очередь публика. Для музыки не должно быть границ. Я хочу поехать в Россию и в Китай и в другие места, где я никогда не был, до того, как станет слишком поздно — до того, как я окажусь в инвалидной коляске и уже ничего не смогу. А тогда... я по-прежнему буду надевать свое трико! Могу себе представить, как меня выкатывают на сцену в инвалидном кресле, прямо к роялю, и я все так же пою *Bohemian Rhapsody*.

Если мне захочется попробовать что-нибудь другое: ходить по канату, по острию ножа и делать нечто подобное, рискуя уронить свое лицо и испортить свою карьеру, — что из того? Я это сделаю.

В своей жизни я сделал много такого, чего, возможно, не стоило делать, но всегда учишься на собственных ошибках. О некоторых вещах я сожалею, но разве с другими людьми так не бывает? Я считаю, что в самом начале нашей карьеры мы ошиблись с выбором менеджеров, но в то же время я могу оглянуться назад и сказать: «Ладно, я все равно этому рад, потому что таким образом я чему-то научился».

Что касается моего трико на сцене... В то время, конечно же, я был абсолютно убежден, что поступаю правильно. Когда я делал всякие балетные штучки и одевался соответствующим образом, помню, пресса, как обычно, восприняла это как нечто из ряда вон выходящее, говоря при этом: «О, нате вам пожалуйста! Фредди Меркьюри собирается изменить рок-н-ролл, неся балет в массы». Но, мне кажется, что, если бы у меня до сих пор были длинные волосы и черные ногти и если бы я сейчас одевался, как тогда, я бы выглядел смешно. Я и тогда выглядел смешно, но это работало!

Когда я оглядываюсь назад, вспоминая все эти шифоны, атлас, черный лак для ногтей и прочий реквизит, я думаю: «Боже мой! Что же я вытворял?» Я чувствовал, что все это мне нужно на

сцене. Это придавало мне уверенности. Но сейчас мне это не нужно. Я немного повзрослел. Оглядываясь назад и думаю: «Что за мудак!» или «Что за глупая девка!» Мне становится смешно. На многие из моих костюмов сейчас просто стыдно смотреть, но тогда я воспринимал их на полном серьезе. Но у меня всегда было чувство юмора.

Никто никогда не смог бы так высмеять меня, как это делал я сам. Я делал это посредством всех тех костюмов и других разных вещей. Я всегда говорил себе: «Не воспринимай себя слишком серьезно». А лучший способ этого добиться — надеть смешной костюм, выйти на сцену и притвориться серьезным, но в то же время быть ироничным и сказать себе: «Пока ты это знаешь, все нормально». Мне это нравилось. Это было замечательно.

В то время подобного и так хватало — в моде был глэм-рок. Мы просто вошли в этот образ: одежда, гламур и весь этот имидж. Если бы ничего не изменилось, говорю вам, меня бы здесь сегодня не было.

О многих своих решениях я не жалею. На некоторые свои поступки я смотрю с отвращением и, конечно, думаю: «Боже, как же я мог это сделать?», но, должен сказать, несмотря ни на что, я готов отстаивать большую часть того, что делал.

У меня были потрясения и серьезные проблемы, но было и прекрасно проведенное время — я ни о чем не жалею. Боже мой, я говорю как Эдит Пиаф!

Я не могу уйти на отдых. Чем бы я стал заниматься? Это так весело. Я безмерно счастлив от того, что я достиг. Я добился того, чего хотел. У меня достаточно денег, у меня есть успех и поклонники. Чего еще желать? Я всего лишь музыкальная проститутка, дорогие мои!

Я заработал себе на жизнь, честно говоря. Я вкалывал, чтобы получить все то, что я имею. Я вкалывал, чтобы получить все эти деньги. Никто не дал их мне просто так. Я заработал их, и они мои, и я могу делать с ними что хочу. Оглядываясь назад, я говорю себе: «Отлично сработано, мой дорогой! Удачи тебе. Ты сделал это сам».

Если бы пришлось начать все сначала? Да. Почему нет? Возможно, кое-что я бы сделал немного иначе. Но я ни о чем не жалею.

Глава двадцатая

Taking My Ride With Destiny [59]

Я не рассчитываю дожить до старости, и, более того, меня это совсем не волнует. У меня нет ни малейшего желания дожить до семидесяти.

Это было бы так скучно.

Я умру раньше, чем это случится.

Некоторые согласны на второе место, но не я. Для меня это поражение. Если вы испытали, что значит быть первым, то второго номера вам уже недостаточно.

То, чем я занимаюсь сейчас, интересует меня больше всего, и я очень рад тому, что мои пластинки покупают и что меня любят. Я не хочу это бросать. Когда у меня откажут ноги, я с удовольствием примусь вязать носки для матросов! Единственное, что может меня остановить, — если люди перестанут покупать мои записи. Пока мою музыку покупают, все нормально. Когда они перестанут покупать мои пластинки, я попрошаюсь и займусь чем-нибудь другим — стану стриптизером, или уйду в живопись, или буду делать еще что-нибудь.

Пока я могу сочинять музыку и пока люди хотят ее покупать, я буду продолжать. Это для меня важно, но это не конец всему. Я не собираюсь становиться одним из тех старых бездарных актеров, которые всё никак не могут покинуть сцену. Я предпочитаю уйти и заняться другим делом.

Я хочу продолжать делать то, что делаю, но за все надо платить, я к этому абсолютно готов. Для меня важнее всего моя работа, и я ее люблю. Музыка — единственная вещь, благодаря которой я ощущаю себя полноценным. Мой музыкальный талант для меня словно щит. С ним я могу противостоять чему угодно. Это как вечный бой, и я не возражаю, пока выигрываю и пока мне хоть что-то удастся. Я создал конструкцию, нечто вроде музыкальной веры в себя, и это поддерживает меня.

Это у меня в крови. Единственное, что я умею делать, — это писать музыку и выступать, и этим я собираюсь заниматься; я думаю, все мы собираемся делать то же самое — пока не умрем. Если бы не это, то мне совершенно нечего было бы делать. Я не умею готовить, так что из меня не вышло бы хорошей

домохозяйки. Кажется, я занимаюсь музыкой так долго, что уже ни на что другое не способен. Я совершенно бы растерялся и не знал бы, чем заняться, поэтому, думаю, я просто должен продолжать делать то, что делаю.

Вопрос даже не в том, что я *должен* продолжать; я заработал много денег и мог бы замечательно и прекрасно прожить всю оставшуюся жизнь, но мне обязательно нужно что-то делать каждый день. У меня столько энергии, что мне просто необходимо что-то делать. Внутренний голос говорит мне: «Притормози, иначе ты себя загонишь!», но я не могу остановиться. Это все моя энергия. По сути, я сочиняю музыку и хочу продолжать это делать. У меня много песен, и мне нравится их писать. Понимаете, это дошло до другой стадии: раньше, я чувствовал, что это моя работа, моя профессия, и хотя это по-прежнему моя работа, сейчас мне *не обязательно* этим заниматься. Это просто доставляет мне удовольствие, и это очень интересно. Еще столько осталось неиспробованного, и меня это радует.

Несмотря ни на что, мы любим друг друга и мы любим музыку, которую делаем. Вот в чем, по сути, дело. Если бы не любили музыку, мы бы уже распрощались друг с другом.

Я действительно не знаю, как будут обстоять дела лет через двадцать. Было бы здорово, если бы наши записи всё так же покупались. Мне бы очень не хотелось, чтобы мы делали это только ради того, чтобы продать пластинки и заработать деньги. Мы делаем это, потому что нам интересно, и если бы я утратил интерес, то занялся бы чем-нибудь другим. Мне нравится пробовать себя в разных сферах, но в настоящий момент мы еще очень много можем сделать в рамках

Queen. Однажды я, возможно, скажу: «Я сделал достаточно с Queen, и теперь могу заняться чем-то другим», но я не могу вам сказать, произойдет ли это завтра или через два, а может быть, еще через десять лет. Давайте подождем и посмотрим.

В настоящее время я просто наслаждаюсь жизнью. Я просто хочу все делать по-своему и хочу получать от этого удовольствие. Не думаю, что сейчас мне захотелось бы поехать в концертный тур. Вернуться к гастролям — значит нарушить формат. Что касается меня, я два года не вылезаю из студии: записывал альбом с Queen [*The Miracle*, 1989], а до этого альбом с Монсеррат, и я просто думаю, что тур мне сейчас был бы не к стати. Я считаю, что это было бы возвратом к тому, что мы как раз не хотим делать на данном этапе.

Мне кажется, это всего лишь вопрос времени. Просто нужно подождать и посмотреть. Если все сложится так, что мы решим

поехать в турне, мы сделаем это. Но лично я не хочу отправляться на гастроли по той же схеме, что и раньше, а именно, выпустить альбом и обкатывать его. На мой взгляд, мы достигли уровня стадионов, и теперь пришло время подумать о чем-то другом. Все последние годы мы записывали по студийному альбому в год, потом отправлялись тур и объезжали весь мир, а когда возвращались, приходилось думать о записи следующего альбома.

Дойти до такого уровня, оставаться при деле после стольких лет... думаю, мы никогда бы этого не достигли, если бы не дали себе эти два года отдыха [1987–1988]. Я правда так считаю. На самом деле, отойдя от Queen, занявшись собственными проектами, мы поняли, как нам не хватает Queen и как мы хотим снова собраться вместе и сделать что-нибудь новое. Поэтому, на мой взгляд, этот альбом [*The Miracle*] звучит так свежо.

Нас четверо, и у нас у всех очень разные идеи, а чтобы это сделать, нужны именно все четверо. Если один не хочет ехать в тур, то тур невозможен. Мне кажется, что на сегодняшний день разводящий ключ в нашей работе — это я, — говорю со всей откровенностью. Это я не хочу ехать в тур.

Я не считаю, что тем самым подвожу остальных или что-нибудь в этом духе. Точно так же если бы один из них не захотел делать этот альбом, нам пришлось бы с этим согласиться, потому что нет смысла принуждать кого-то, особенно после стольких лет, проведенных вместе. Это было бы просто ужасно. Нужно действительно загореться этим — мы только так и работали все эти годы. Я терпеть не могу вымучивать что-либо просто ради того, чтобы что-то сделать. Я имею в виду то, что нам не надо больше денег, поэтому мы не делаем это ради денег. Я думаю, мы делаем это ради музыки, что, конечно, звучит неоригинально, но мы делаем это, потому что музыка нам все еще интересна.

Иногда мне кажется, что в жизни должно быть что-то больше сумасшедших скачек по всему миру. Я не могу уже зажигать как раньше; это все уже слишком. Взрослые люди так себя не ведут. Я прекратил свои дикие ночные вечеринки, но не потому, что я болен, а просто уже не тот возраст. Я уже не юнец. Теперь я предпочитаю проводить время дома. Это часть взросления — в этом и есть взросление. Я пытаюсь немного успокоиться и отдохнуть.

Я всегда серьезно отношусь к делу, хотя у меня все такой же легкомысленный характер. Мне кажется, что в тридцать девять лет ко всему относиться более взвешенно. Такие вещи осознаешь подсознательно. Я вообще считаю, что если слишком часто беспокоиться об этом, то действительно состаришься. Я не

переживаю из-за морщин и прочей ерунды. Я не бросаюсь каждое утро, едва проснувшись, к зеркалу посмотреть, сколько их еще появилось. По мне, так лучше всего. Я не волнуюсь. Я имею в виду, что все равно состаришься и будешь выглядеть старым, от этого никуда не денешься — не важно, сколькими кремами ты мажешься. Это все не для меня. С этим ничего не поделаешь. Я не боюсь выглядеть старым. Важно, как ты ощущаешь себя внутри. Это звучит банально, я знаю. И меня не волнует, что я могу растолстеть — честно говоря, мне бы даже хотелось набрать немного веса и стать чуть пухлее.

Я не так уж плох для своих тридцати девяти — совсем не плох. И никаких косметических подтяжек. Возможно, некоторые ищут у меня сзади швы под волосами, но нет, я не Майкл Джексон!

Не знаю, как другие, но я совершенно не беспокоюсь о своем возрасте, потому что знаю, что все равно выгляжу прекрасно. Почему люди так переживают из-за своего возраста? Ведь с этим ничего нельзя поделать, нельзя стать моложе. Моложе, старше — мне все равно, я просто хочу жить полной жизнью и тратить ее, создавая прекрасные вещи. Я просто не переживаю об остальном. Я считаю, что у возраста есть свои преимущества, потому что возраст значит опыт, и я стараюсь как могу использовать весь опыт, который приобрел с годами.

Я подтянут и совершенно здоров, но, разумеется, я забочусь о своем здоровье. А другие разве нет?

Я молюсь, чтобы не заболеть СПИДом. Столько моих друзей уже заразились. Некоторые умерли, другим осталось недолго. Я боюсь стать следующим. Сразу же после секса я думаю: «А что, если это оно и есть? Что, если вирус уже в моей крови?» Я мчусь в душ и отмываюсь дочиста, хотя и знаю, что это бесполезно.

Я был совершенно подавлен, когда услышал, что некоторые из моих друзей умерли от СПИДа. Это заставило меня осознать серьезность болезни. Это был тяжелый урок. А для тех, кто молод, это еще тяжелее. Я подумал недавно, что нам повезло перебеситься в свое время, а они только начинают. Теперь молодым приходится с этим считаться.

Раньше я жил для секса, теперь я изменился. Я прекратил свои загулы, прекратил дикие вечеринки. Я стал почти монахом. Удивительно: я думал, что секс — очень важная вещь для меня, но теперь понимаю, что это совершенно не так. Когда-то я был очень неразборчив в связях, я был невосдержан во всех отношениях, но сейчас я совершенно другой человек. Я все это бросил, и совсем не скучаю по прежнему образу жизни. Все прекрасно.

Понимаете, я из тех людей, кто легко бросается от черного к белому. Я не люблю середину. Полностью завязать с чем-то для меня не проблема. Я бы запросто мог бросить пить. СПИД испугал меня до смерти, и я сразу же бросил секс. Сейчас мне нравится просто возбуждение. Я пребываю в возбуждении. Это гораздо забавнее. А что мне остается делать? Я перестал заниматься сексом и начал выращивать тюльпаны!

Нельзя надеяться, что люди будут вечно воздерживаться от секса. Я считаю, тут важен призыв к безопасному сексу. Каждый, кто спит с кем попало, должен провериться на СПИД.

Мы имеем дело с очень и очень серьезной проблемой. Я думаю, людям сейчас нужно подождать, лучшие времена еще наступят. Безопасный секс — это все очень здорово, но вы все равно можете получать удовольствие. Нельзя ждать, что все просто перестанут заниматься сексом. Люди становятся ненормальными, им кажется, что у них СПИД, и они кончают жизнь самоубийством, а потом выясняется, что никакого СПИДа не было. Надо быть осторожным, но не впадать в паранойю.

Теперь мы с этим живем, это здесь, на нашем пороге, и надо быть дураком, чтобы говорить, что мы никогда об этом не слышали. От этого не скроешься. Но и относиться к этому как к чему-то будничному нельзя — у меня были друзья, которые умерли от СПИДа. Это ужасно.

Сколько можно говорить об этом? Я не спаситель от этой чертовой заразы! Мне нравятся телевизионные ролики, в которых говорится, что перед СПИДом все равны — что деньги здесь ничего не значат. СПИДу все равно. СПИДу безразлично, кто ты и что ты делаешь. Он просто настигает тебя!

Раньше я был ненасытен. Я спал со всеми подряд, это правда, но я бросил все это, потому что тут вмешалась проза жизни. Понимаете, о чем я говорю. Это зависит от человека. Большинство людей живут сексом, но многие могут прожить без него. Многие занимаются этим для развлечения. Я не хочу вдруг заговорить о том, что секс скучен или что его значение преувеличено, потому что это было бы смешно — после того как я признался в своих беспорядочных связях, я бы противоречил сам себе.

Звучит так, как будто я возвожу секс на пьедестал. Совсем нет. Понимаете, секс был во всем, что бы я ни делал. Для меня он был как наркотик. Для меня не было ограничений, секс был неотъемлемой частью всего, что я делал. Он был главной движущей силой многих моих поступков. Но я никогда не думал исключительно об одном лишь сексе. Я жил на полную катушку и бросался в крайности во всем. Была еще и музыка, конечно. У

меня все это было. Я все уравнивал, и мою жизнь можно назвать полноценной во всех отношениях. Разве не так?

Сейчас у меня замечательные отношения, к тому же я уже стреляный воробей, так что тут очень подходит слово «умиротворение». Нельзя назвать свою жизнь умиротворенной, если ты трахаешь полмира. Но я по этому не скупаю. Правда.

Как я уже говорил, в итоге всегда побеждает естественность и откровенность. Я не боюсь совершить ошибку; думаю, я уже слишком стар для этого. Это проверка на выживание.

Когда-нибудь мы примем единоголосное решение, что ли, когда почувствуем, что Queen зашли так далеко, как только можно, что нам некуда больше двигаться ни в конструктивном, ни в творческом плане. А мне меньше всего хотелось бы делать что-либо с Queen через силу. Я бы предпочел остановиться на высоком уровне и заняться чем-нибудь другим. И я уверен, что каждый из нас думает так же.

Я знаю, что настанет момент, когда я вынужден буду остановиться, но музыка всегда останется главным делом моей жизни, поэтому мне следует задуматься о том, что я смогу делать еще. Я не хочу окончить свою жизнь всего лишь звездой рок-н-ролла. Может быть, я займусь звукозаписью или так и буду сочинять песни, потому что, когда теряешь физическую форму, чтобы носиться по сцене, можно просто писать песни. Так или иначе, моя жизнь все равно будет связана с музыкой.

Можно пресытиться, я знаю, но это не так просто для меня — потому что теперь все дело в запасе энергии. Когда вы всего достигаете, что остается? Но дело в том, что у меня нет других занятий, так что я не могу перестать делать то, что делаю. На свои деньги я могу прожить всю оставшуюся жизнь, но я не такой человек. Я хочу работать, иначе мне становится скучно.

Мне приятно сознавать, что я доставляю людям радость, в какой бы то ни было форме. Даже если это всего лишь полчаса в их жизни, то, что я могу сделать их счастливее, поднять им настроение, заставить улыбаться, — вот что для меня важно.

Я совсем не собираюсь изменить мир. Самая важная вещь для меня — это счастье: быть счастливым и получать удовольствие от жизни. Если я счастлив, это отражается на моей работе. Я все прекрасно вижу, но в результате делаю так, как я чувствую. Я прислушиваюсь к советам, но я не могу слушаться всех, иначе я не буду самим собой. В конце концов, ты сам себе хозяин и кнут в твоей руке, а это очень уязвимая позиция. Это моя жизнь, здесь я командую, и по-другому я ее не представляю. Я выслушиваю критику и советы, но потом я должен принять свое собственное решение. В итоге все ошибки и оправдания ложится на меня. Я не

могу переложить ответственность на других. Мне нравится чувствовать, что я был честен перед собой, и я хочу всего лишь получить столько радости от жизни, сколько я смогу за годы, которые у меня есть.

Выдержит ли моя музыка проверку временем? Мне на это плевать! Меня тогда уже здесь не будет, чтобы переживать по этому поводу. Через двадцать лет... я буду мертвым, дорогие мои. Вы с ума сошли?

Я не рассчитываю дожить до старости, и более того, меня это совершенно не заботит. У меня нет ни малейшего желания дожить до семидесяти. Это было бы так скучно. Я умру раньше, чем это случится. Меня здесь не будет. Я буду где-нибудь в другом месте начинать новую жизнь, выращивая собственные гранатовые деревья.

Я не хочу ни для кого быть обузой. Я бы хотел уйти, не будучи ни для кого обузой, и это не из надменности. Я просто этого не хочу. Это чистая правда. Я бы хотел уйти еще на вершине славы.

Я не собираюсь становиться похожим на Еву Перон. Я не хочу войти в историю среди тех озабоченных, кто надеется, что после его смерти люди осознают, что он создал или изобрел нечто значительное. Жизнь дана для того, чтобы жить. На остальное мне наплевать. До сих пор я прекрасно проводил время и хочу продолжать получать удовольствие от жизни.

Я не хочу, чтобы это звучало мрачно. До семидесяти слишком далеко. Думаю, я жил полной жизнью, и если завтра я умру, меня это не пугает. Я жил. Я действительно все сделал.

Когда я умру, я хочу, чтобы меня похоронили со всеми моими сокровищами, как Тутанхамона, и это вполне возможно. Если бы я захотел построить пирамиду в Кенсингтоне, я бы мог себе это позволить. Разве это не было бы потрясающе?

Попаду ли я в рай? Нет, я туда не хочу. В аду намного лучше. Представьте только, каких интересных людей там можно встретить!

C'est la vie!

Я хочу, чтобы после смерти меня запомнили как музыканта, который чего-то стоил и чего-то достиг. Я не знаю, каким меня будут помнить. Я не думал об этом — умер и умер. Нет, я об этом не задумывался. Я действительно не задаюсь вопросом типа: «Боже мой! Когда я умру, будут ли обо мне помнить люди?» Это их дело. Когда я умру, кого это будет волновать? Уж точно не меня!

Спасибо!

Храни вас бог и сладких вам снов... дорогуши!

Благодарности

Составители выражают свою благодарность Люси Бэткап (Lucy Batscap), Джиму Бичу, Тилди Бич, Виктору Бланку, Джер Булсара, Энтони Каучи (Anthony Cauchy), Алекси Кори-Смит (Alexi Cory-Smith), Хелен Донлон (Helen Donlon), Джеймсу Харману, Тому Джексону, Джиму Дженкинсу, Джону Либсону, Луизе Лаптон, Энн Мейер, Дженис Пейдж, Робину Ризу (Robin Rees), Амину Салеху (Amin Saleh), Джеки Смит, Джиму Стивенсону, Филу Саймсу, Гэри Тейлору, Нику Уэймауту (Nick Weymouth), Дэвиду Виггу. А также свою признательность Джону Дикону, Брайану Мэю, Роджеру Тейлору и Фредди Меркьюри.

Текст песни *Is This The World We Created* любезно предоставлен компанией Queen Music Lt.d./EMI Music Publishing Ltd.

ИСТОЧНИКИ

Книги

Freddie Mercury and Queen — Neville Marten & Jeffrey Hudson (Faber & Faber), *Living On The Edge* — David Bret (Robson Books), *Queen: An Official Biography* — Larry Price (Star Books), *The Complete Guide To The Music Of Queen* — Peter K. Hogan (Omnibus Press), *The New Visual Documentary* — Ken Dean (Omnibus Press), *Queen: In Their Own Words* — Mick St. Michael (Omnibus Press), *Queen Live: A Concert. Documentary* — Greg Brooks (Omnibus Press), *Freddie Mercury* — Peter Freestone & David Evans (Omnibus Press), *Freddie Mercury: A Kind Of Magic* — Ross Clarke (Kingsileet Publication), *Freddie Mercury: The Definitive Biography* — Lesley-Ann Jones (Hodder & Stoughton), *The Show Must Go On* — Rick Sky (Citadel Press), *As It Began* — Jim Jenkins & Jacky Gunn (Sidgwick & Jackson), *The Truth Behind The Legend* — David Evans & David Mimms (Britannia Press), *Queen: An Illustrated Biography* — Judith Davis (Proteus Publishing)

Журналы и газеты

Classic Rock, *Record Hunter*, *Q*, *Daily Mirror*, *Disc*, *Daily Mail*, *The Sun*, *Mojo*, *NME (New Musical Express)*, *Melody Maker*, *Circus*, *Record and Popswoop*, *Mirror (aka Record Mirror')*, *Sounds*

Фотографии предоставили

Джер и Боми Булсара, Брайан Мэй, Нейл Престон, Ричард Янг /Rex Features, Саймон Фаулер, Денис О'Реган, Питер Рёхслер, Питер Хине, Терри О'Нейл, Гарри Гудвин, EMI Photo Archive, The Mark & Colleen Hayward Archive 2006, The Bolton Evening News, Наоаки Мацумото, Дуглас Паддифут.

Иллюстрации

Гордая мама Джер с семимесячным Фарухом в саду семейного дома в Занзибаре, где родился Фредди. Это было счастливое время для семьи. В то время отец Фредди работал кассиром в Верховном суде Занзибара. Маленький Фарух всегда улыбался, как и на этой фотографии. Мама вспоминает, что Фредди любил позировать перед камерой.

Фредди (в центре) со своей неподражаемой улыбкой в составе The Nectics — своей самой первой музыкальной группы в закрытой школе Святого Петра в Панчгани.

Первый концерт Фредди с группой Ixex в Королевском парке в Болтоне 24 августа 1969 года.

С такими современниками, тоже учившимися в Илингском колледже искусств, как Пит Таунсенд и Ронни Вуд, неудивительно, что Фредди заинтересовался возможностями музыкальной карьеры. На последнем курсе он вошел в свою первую серьезную группу — Ёвх. Фотография запечатлела его в непринужденной обстановке с участниками группы в квартире в Западном Кенсингтоне (Лондон).

На сцене с Queen в 1975 году. Любой, кто видел концерты Queen, знает, что Фредди, как никто другой, умел завоевать аудиторию. На этой фотографии как всегда уверенный в себе Фредди, со своей потрясающей способностью владеть залом.

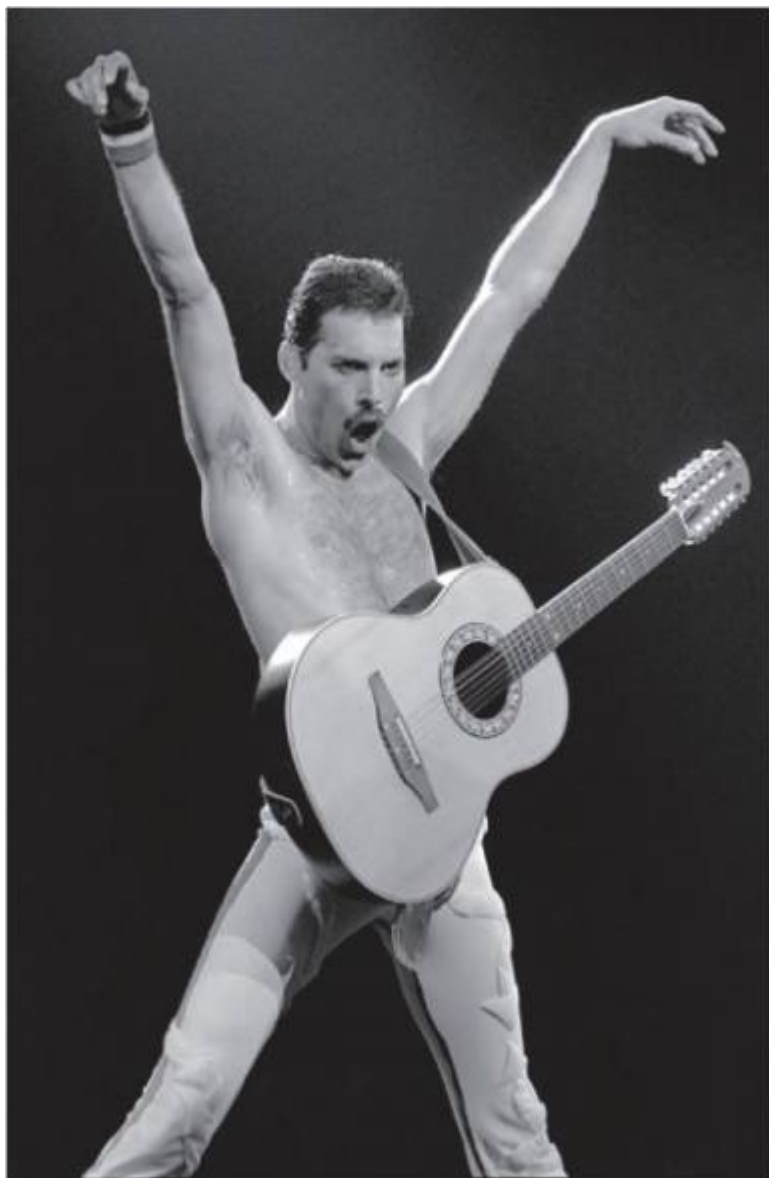
Этот удивительный кадр пойман Брайаном Мэем в студии Ridge Farm в 1975 году во время записи четвертого альбома Queen *A Night At The Opera*. Брайан Мэй вспоминал: «Это одна из самых моих любимых фотографий Фредди — непринужденного, в футболке Biba, в период нашей совместной лихорадочной работы над этим альбомом».

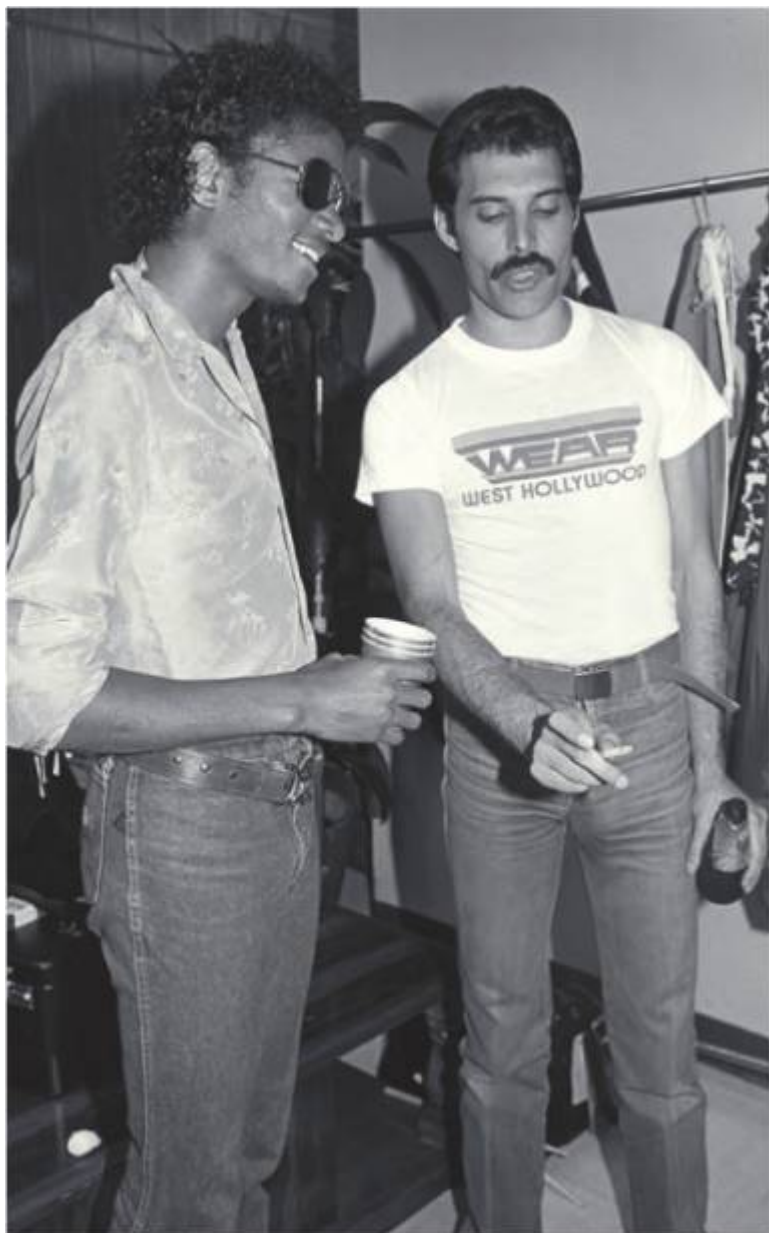
У каждого есть свой любимый период в творчестве Queen, и для многих поклонников это 1975 год — год альбома *A Night At The Opera* с вышедшими на нем *Bohemian Rhapsody* и *You're My Best Friend*. Портрет запечатлел Фредди именно в этот, самый вдохновенный, самый плодотворный и интересный период его жизни.

Свой первый концертный альбом Queen назвали *Live Killers*. Эти эффектные фотографии были сделаны во время североамериканского турне с альбомом *Jazz* в 1978 году, но это же осветительное оборудование использовалось в европейском туре 1979 года, который и стал основой альбома. Снимки дают почувствовать колоссальную энергию, идущую со сцены.

«Десять лет назад я знал только три аккорда на гитаре, и сейчас я знаю те же три аккорда!» Так Фредди представил песню *Crazy Little Thing Called Love* на концерте Queen в Милтон-Кинс в 1982 году (фотография этого же периода). Эта была единственная песня, исполняя которую Фредди играл на гитаре.

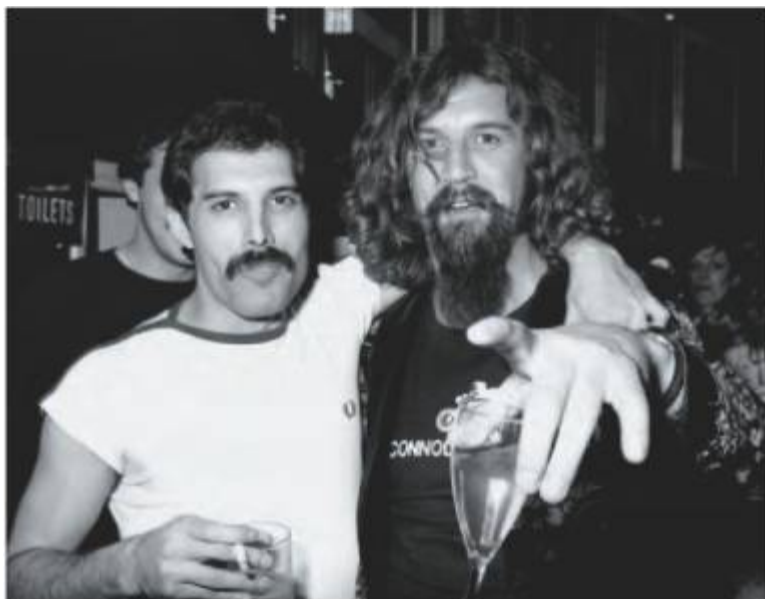
С Майклом Джексонем за кулисами во время концерта Queen в 1980 году.

С Родом Стюартом на вечеринке в 1975 году.

С Митлоуфом за кулисами в Лос-Анджелесе в 1982 году: 14 и 15 сентября Queen дали здесь два аншлаговых концерта.

С несравненным Билли Коннолли на презентации альбома *Flash Gordon* в декабре 1980 года. С Гэри Ньюманом на том же мероприятии.

С Элисом Купером на вечеринке в 1977 году.

Фредди пьет шампанское с двумя лучшими друзьями — Элтоном Джоном и Питером Стрейкером в 1978 году.

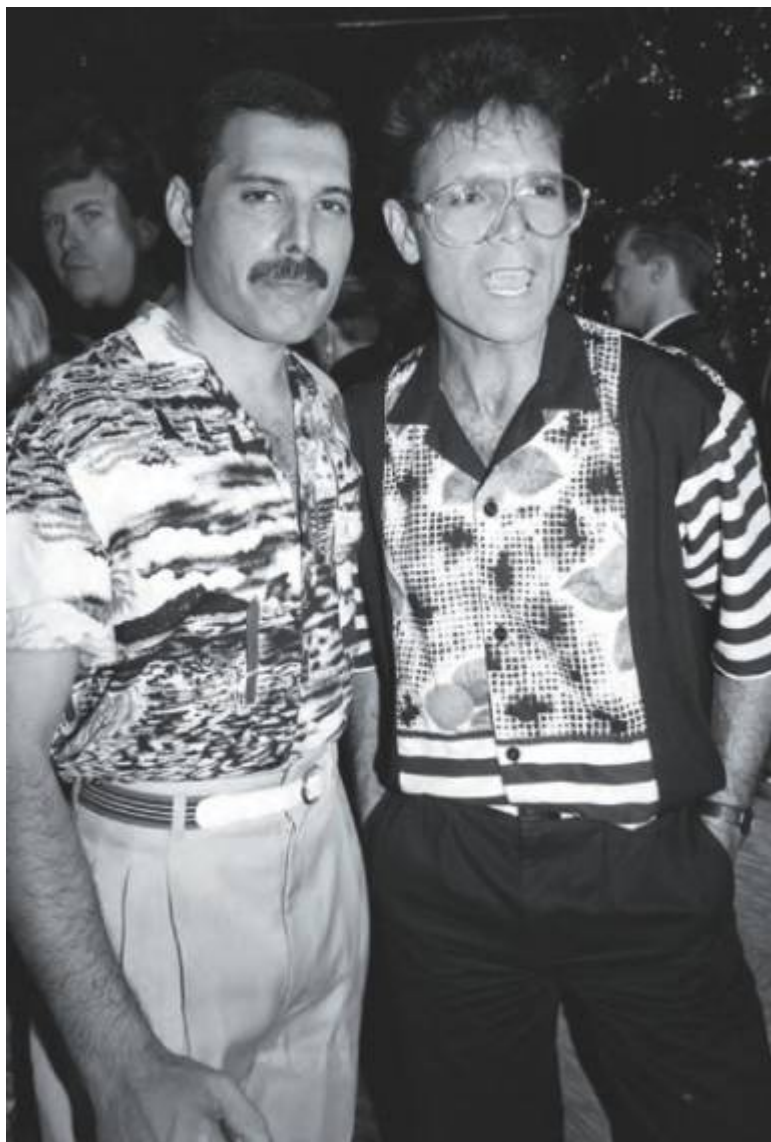
С солистом группы Mott The Hoople Йеном Хантером и радиоведущим Бобом Харрисом (оба — хорошие друзья Queen) на презентации альбома *A Day At The Races*. Лондон, 1976 год.

С актрисой Джейн Сеймур на благотворительном мероприятии Fashion Aid в Королевском Альберт-холле 5 ноября 1985 года.

С неподражаемым и неподражаемо раскрашенным Боем Джорджем (солистом группы Culture Club), которого очень уважал Фредди, на том же мероприятии.

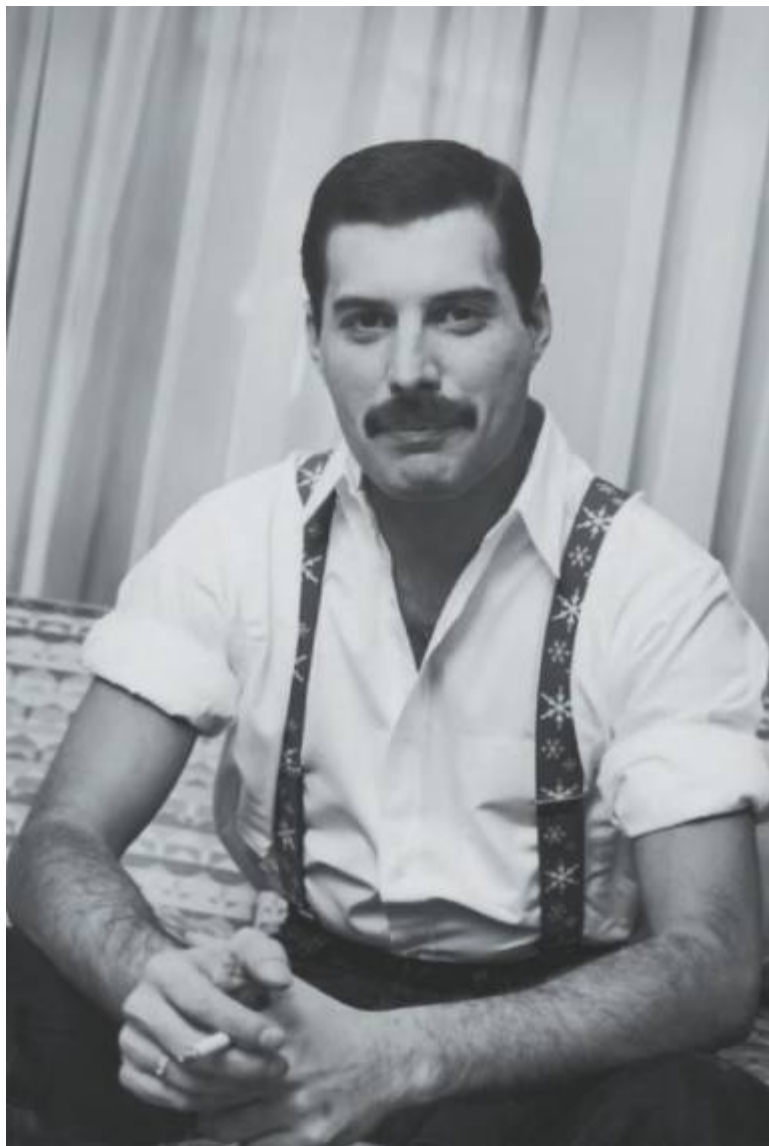
Фредди и Клифф Ричард на вечере в Roof Gardens, посвященном окончанию успешного турне *Magic Tour* и двум аншлаговым концертам на стадионе Уэмбли, 12 июля 1986 года. Менее чем через месяц после запечатленного на этой фотографии события, 9 августа, Queen дадут последний в своей истории концерт в Небуорт-Парке, в Хертфордшире, но тогда об этом еще никто не знал.

Любопытный Фредди с неизвестной гостьей на вечеринке в Рио-де-Жанейро, Бразилия, январь 1985 года.

С Дионой Уорвик в октябре 1988 года за кулисами фестиваля в Барселоне, где Фредди и Монсеррат Кабалье исполнили песни со своего альбома *Barcelona*.

Мюнхен, 1985 год. В этот период Queen, вдохновленные Бобом Гелдофом, работали над синглом *One Vision* и записывали альбом *A Kind Of Magic*. Хотя в этот период группа лихорадочно работала, Фредди нашел время для продолжительных бесед с журналистом Дэвидом Виггом, фрагменты которых включены в эту книгу. В это же самое время Фредди завершал работу над своим первым сольным альбомом.

«Собрать звезд с мировым именем в одном месте — уже подвиг. Концерт Live Aid обещает быть сущим кошмаром. Все будут стараться перещеголять друг друга. Мы просто выйдем и отыграем свое». Фредди вышел, спел — и победил. Как вспоминал позже Брайан Мэй, «это был звездный час Фредди». 13 июля 1985 года.

Многие забывают, что на Live Aid группа выступила дважды. Затмив всех прочих исполнителей двадцатиминутным поурри из хитов Queen, Фредди в финале концерта вернулся на сцену с Брайаном Мэем, чтобы исполнить песню *Is This The World We Created*, которую они написали вместе.

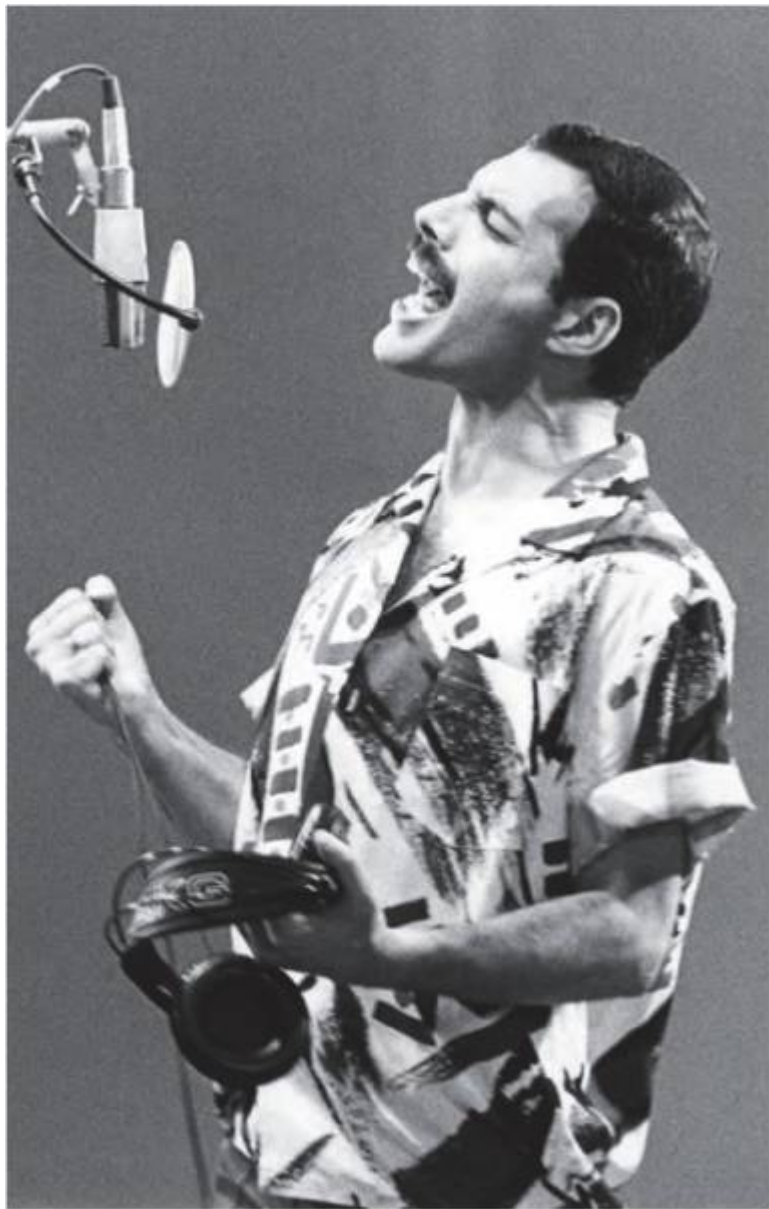
Фредди с фотографом Дэвидом Бэйли за кулисами концерта Live Aid и с Элтон Джоном там же — две легенды вместе!

Фредди и Дэвид Боуи беседуют за кулисами Live Aid, июль 1985 года

Фредди и Брайан в Будапеште во время гастролей *Magic Tour* в 1986 году. Репетируют венгерскую народную песню, которая была исполнена единственный раз 27 июля на концерте на Непштадионе. Фредди пел на венгерском языке, подсматривая текст с ладони, и публика пришла в восторг.

Редкий момент: в студии Musicland Studios, в Мюнхене; Фредди записывает песню *One Vision*, как всегда отдавая всего себя.

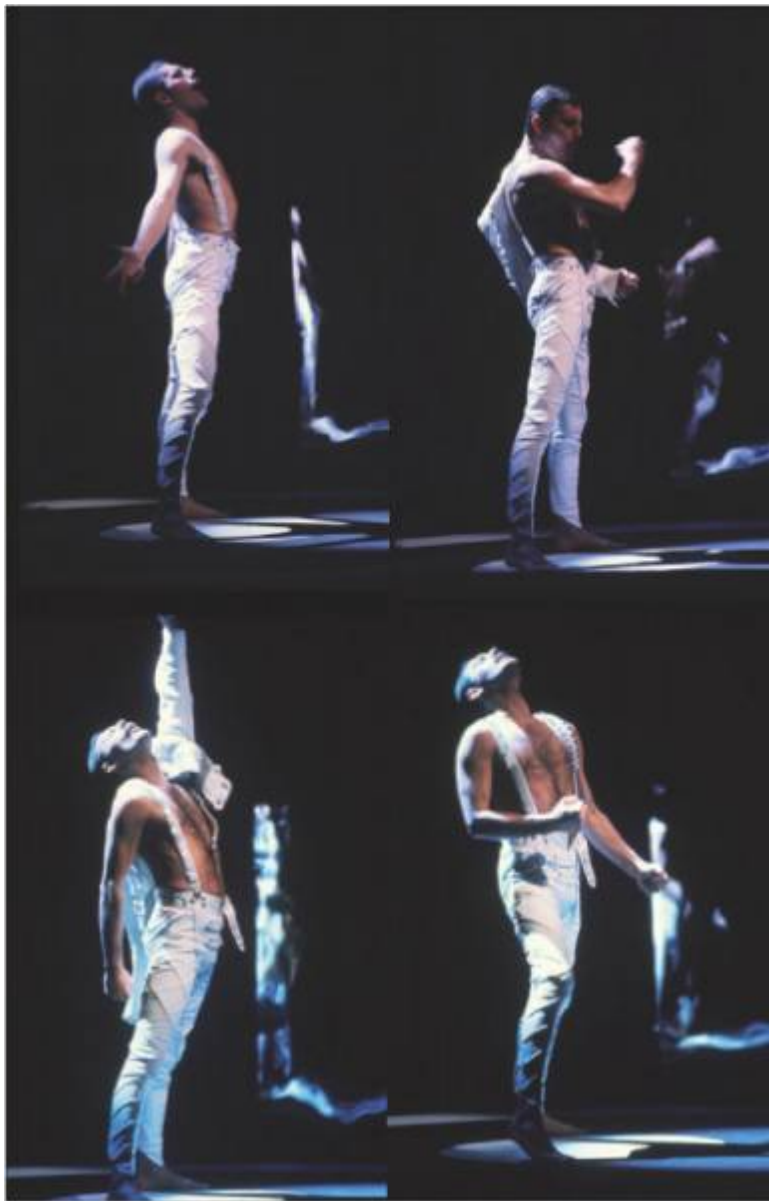

Отдыхая в студии в Мюнхене — на сей раз без игры в скраббл, — Фредди не может избежать объектива камеры. Терпимое отношение к присутствию съемочной группы в студии во время записи альбома объясняется тем, что в это время снимался документальный фильм о Queen. Обычно группа работала в полном уединении: только они четверо и звукорежиссер.

Вверху. Брайан и Фредди работают над сложными гитарными партиями для песни *One Vision*. Отрывки этого уникального процесса можно увидеть в документальном фильме о Queen *Magic Years*, вышедшем в 1987 году.

Внизу. Продолжается процесс создания *One Vision*: Фредди и Роджер обсуждают свои идеи.

Съемки видеоклипа на песню I Was Born To Love You, 1985 год. Фредди среди дрожащих сверкающих зеркал. Режиссером этого клипа, как и многих других грандиозных видео Queen и Меркьюри, был Дэвид Маллет.

Позже Фредди сбрит свои усы, но для этого видеоклипа — *I Want To Break Free*, 1984 год, — он оставил их специально — как всегда, для смеху. Вопреки распространенному мнению, одеться в женские платья было не его идеей... но она пришлась ему по душе!

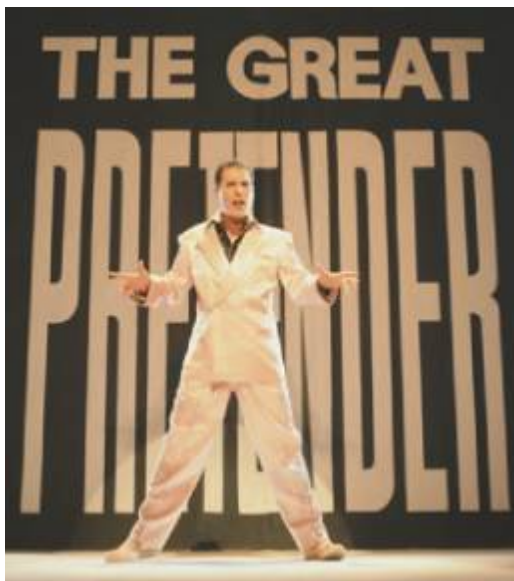
Съемки видеоролика *Radio Ga Ga* (ноябрь 1983 года). Заимствованное из фильма Фрица Ланга «Метрополия» (1926) массовое рукоплескание в такт музыке стало непрямым элементом всех последующих концертных выступлений Queen, и особенно мощно это выглядело на концерте Live Aid.

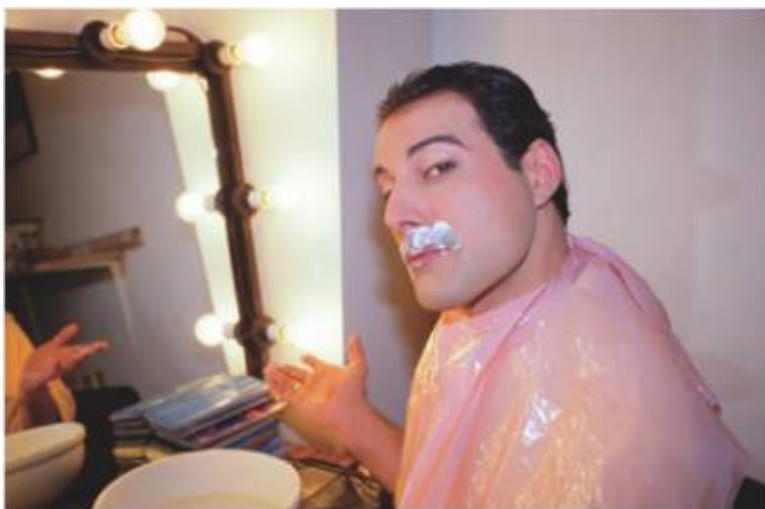
Фредди на сцене с Queen — независимо от количества зрителей, будь их 2000 или 200000 человек — был неумолимым и непревзойденным крутящимся дервишем. Он был неудержим — оставалось только восхищаться им. Этот снимок сделан во время поистине волшебных гастролей 1986 года.

«Спасибо, храни вас бог и сладких вам снов... дорогуши!»
Такими словами Фредди попрощался с залом в 1977 году в Earls Court в Лондоне, хотя и позже он не стеснялся подобных обращений. Только Фредди могло сойти такое с рук — ион знал об этом! На этом снимке Фредди благодарит восхищенную публику в конце еще одного концерта гастролей Magic Tour.

Съемки видеоклипа *The Great Pretender* в 1987 году. Фредди позже признавался в том, что он и есть мастер перевоплощений, так что эта песня подошла ему как нельзя лучше.

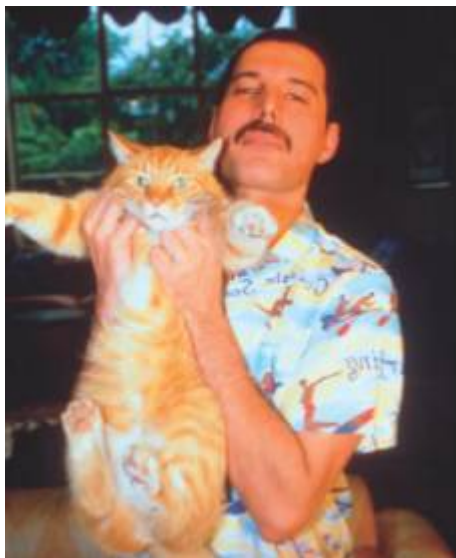
Когда в 1980 году публика на концертах Queen бросала на сцену одноразовые бритвенные станки (в знак шуточного протеста), Фредди спросил их, оставить ему усы или сбрить. «Сбрить!» — закричали зрители. «Идите на фиг! Не сбрею!» — последовал быстрый ответ. Однако семь лет спустя Фредди сбрил их добровольно для съемок видеоклипа *The Great Pretender*.

С самого начала работы над альбомом *Barcelona* в апреле 1987 года и до конца своей жизни Фредди поддерживал дружбу с Монсеррат.

Друзья за работой... или, по крайней мере, обсуждают предстоящую работу; Фредди и примадонна (как он однажды обратился к ней) разговаривают... кто знает о чем? Позже Фредди признавался, что Монсеррат часто поддразнивала его во время их совместной работы — возможно, это один из таких моментов.

Здесь еще одна любимица — Тиффани, 1986 год.

Оскар Меркьюри, 1986 год. Не все знают, что песню *Delilah* для альбома *Innuendo* (1991) Фредди написал о своей кошке. Он действительно любил своих кошек, как это видно на фотографиях. Свой первый сольный альбом *Mr. Bad Guy* (1985) Фредди посвятил не родителям, не сестре и не друзьям: «Этот альбом посвящен моему коту Джерри, а также Тому, Оскару и Тиффани и всем любителям кошек во всем мире — все остальные пусть идут на...»

Лайзой Минелли Фредди восхищался многие годы и говорил, что она повлияла на его творчество. На вечеринке, посвященной двадцатилетней годовщине Queen, 18 февраля 1990 года в Groucho's Club (Coxo).

На том же мероприятии с Джорджем Майклом. Одно из редких появлений Фредди на публике в этот период.

Фредди и его лучший друг Мэри Остин на вечеринке в честь его 38-летия в сентябре 1984 года в Xenon Club (Пикадилли).

Тоже с Мэри на праздновании 39-летия Фредди — черно-белая вечеринка с переодеванием в Мюнхене, в Hendersons Club, сентябрь 1986 года.

notes

Примечания

Отдавая должное проделанной составителями и издателями работе, редактор считает необходимым заметить, что, тем не менее, слова Меркьюри изымаются из контекста или приводятся с минимальным контекстом. К тому же чаще всего абзацы этой книги — компиляция высказываний из разных источников.

«У меня была эта прекрасная мечта» — первая строчка песни *Barcelona* (сингл 1987 года, альбом *Barcelona* 1988 года; авторы — Фредди Меркьюри и Майк Моран).

«Играя свою роль в истории» — строчка из песни *Made In Heaven* (сольный альбом *Mr. Bad Guy* 1985 года, позже записана вместе с Queen и выпущена на альбоме *Made In Heaven* 1995 года; автор — Фредди Меркьюри).

Студенческая группа, в состав которой входили: Брайан Мэй (гитара/вокал), Роджер Тейлор (ударные/вокал), Тим Стаффел (бас-гитара/вокал). Smile была образована в 1968 году, распалась в 1970-м.

Queen подписали контракт с Trident в 1972 году. Владельцами и управляющими компании были братья Норман и Барри Шеффилд. В 1975 году группа в очень напряженных обстоятельствах рассталась с Trident.

Sheer Heart Attack («Настоящий сердечный приступ») — альбом 1974 года. Фотосессию для обложки этого альбома делал известный фотограф Мик Рок: в соответствии с названием и в результате описанной ниже по тексту «экзекуции», четверо участников группы лежат вповалку, покрытые нездоровым румянцем и испариной.

«Ночь в опере» — название комедии 1935 года с братьями Маркс в главных ролях. Следующий альбом Queen — *A Day At The Races* («День на скачках») — повторяет название еще одного фильма с братьями Маркс.

Саймон — настоящее имя лидера Sex Pistols, взявшего себе псевдоним Сид Вишес (vicious, «испорченный»); Фредди «переименовывает» его в Фероушеса — ferocious, «дикий».

Сесил Б. де Милль (1881–1959) — режиссер, сценарист, продюсер. Работавшего в экспрессивной манере и постоянно менявшего направление своего творчества де Милля называли режиссером-хамелеоном.

«Великий притворщик» (или «великий лицедей», «великий актер») — название песни группы The Platters (1956 года); Фредди Меркьюри сделал свою кавер-версию этой песни и выпустил ее синглом в 1987 году; в альбомном варианте она вышла уже только после его смерти в 1992 году.

Идея исполнения *Bohemian Rhapsody* без имитации игры под фонограмму заключалась в том, что, когда запускалась фонограмма «оперной» секции, вся группа покидала сцену и возвращалась, чтобы продолжить живое исполнение с «хард-роковой» части.

Песня из мюзикла «Эвита» (1978) Эндрю Ллойда Уэббера.

Заключительный вечер из серии променад-концертов, ежегодно проводимых в Альберт-холле и основанных Генри Вудом в 1895 году. Это один из крупнейших музыкальных фестивалей в мире.

Fatty — толстяк

Слово взято из названия песни *the Fairy Feller's Masterstroke* (автор — Фредди Меркьюри; альбом *Queen II*), которое, в свою очередь, повторяет название картины Ричарда Дадда, на сюжет которой написана (об этом см. дальше). *Masterstroke* — «последний штрих», «завершающий штрих живописца», а также «ловкий ход», поэтому название песни, в которой волшебный народ ждет, когда же дровосек, поигрывающий своим топором, расколется наконец волшебный орех, можно перевести как «Решающий удар сказочного дровосека», или «Ловкий удар сказочного дровосека», или «Мастерский удар сказочного дровосека».

«Потрясающее чувство» — слова из песни *I Was Born To Love You* (1984; автор — Фредди Меркьюри, вышла на сольном альбоме *Mr. Bad Guy* и, записанная с Queen, на альбоме *Made In Heaven*).

Берни Топин — друг и соавтор Элтона Джона, писавший тексты его песен.

Ричард Дадд (1817–1887) — британский художник, страдавший психическим заболеванием и с 1843 года находившийся в психлечебнице после убийства своего отца.

Категория XXX — только для взрослых.

Скат — манера джазового пения, когда певец импровизирует с бессмысленным набором звуков и слогов в подражание музыкальным инструментам.

Queen делали пометку «No Synths» (без синтезаторов) на вкладышах своих ранних альбомов, потому что устали опровергать ошибки журналистов, писавших об использовании группой синтезаторов.

Нозль Коуард (1899–1973) — английский драматург, актер, продюсер, режиссер и композитор, яркий представитель утонченного и остроумного театрального общества.

Песня *Death On Two Legs* («двуногая смерть») была посвящена Норману Шеффилду — менеджеру группы Queen из компании Trident, с которой у группы был заключен контракт на несколько лет вперед и которая получала внушительные прибыли, выплачивая группе мизерные гонорары. С трудом расставшись с Trident, Queen должны были выплатить 100000 фунтов неустойки. «Кульминационные» слова песни — «а теперь можешь поцеловать мой зад» — звучали тем более язвительно, что буквально через пару месяцев после разрыва контракта с Trident у группы вышел сингл *Bohemian Rhapsody*, в одной только Англии распроданный тиражом более одного миллиона экземпляров, а еще через месяц появился ставший платиновым альбом *A Night At The Opera*. На альбоме название песни *Death On Two Legs* дополнялось красноречивым *Dedicated to...* («посвящается...»).

Стиль народной музыки — пение под аккомпанемент импровизированных инструментов (от расчески до стиральной доски или бутылок), отсюда мелодическая простота и незамысловатость.

Horse Feathers — «Лошадиные перья», фильм 1932 года с участием известных американских комиков братьев Маркс, у которых Queen заимствовали названия для двух своих альбомов.

I Did It My Way («Я сделал это по-своему») — песня Фрэнка Синатры, своеобразная оценка прожитой жизни.

But It's Been No Bed Of Roses («но этот путь не был усыпан розами», «но это был нелегкий путь») — строка из песни *We Are The Champions*.

The miracle — «чудо», The Invisible Man — «человек-невидимка».

Innuendo — «Намек».

«Никто не догадывается, как я одинок» — строчка из песни
The Great Pretender.

«Любовь всей моей жизни» — название песни Фредди Меркьюри (альбом *A Night At The Opera*).

«Я всего лишь певец» — строчка из песни *In My Defence* («В мою защиту»), авторы — Дэйв Кларк, Дэвид Сомс и Джефф Дэниелс; записана Фредди Меркьюри в 1985 году для мюзикла *Time* (1986); при его жизни выпущена не была.

Слова из песни *Let Me Entertain You* («Дайте мне вас развлечь»; автор — Фредди Меркьюри; альбом *The Jazz*, 1978) — *We'll Give You Crazy Performance*, «Мы дадим вам сумасшедшее представление».

EMI — Electric And Musical Industries — британская звукозаписывающая компания, одна из крупнейших в мире.

«Чтобы пронять вас, мы используем любые приемы» — еще одна строка из песни *Let Me Entertain You*.

Coronation Street. («Улица Коронации») — популярный британский сериал о жизни нескольких семей с одной улицы в промышленном районе на севере Англии. Транслируется по Независимому телевидению с 1960 года.

«Твой голос проникает в меня» (исп.) — слова из песни *Ensueno* (альбом *Barcelona*; авторы — Фредди Меркьюри, Майк Моран, Монсеррат Кабалье).

Зандра Роудс (р. 1940) — дизайнер одежды с мировым именем. В 1968 году основана собственную марку, в 1970-е годы была одним из ведущих британских модельеров. Ее модели отличались экзотическим декором и изысканным кроем с элементами этнического стиля и пользовались успехом у представителей богемы.

Название группы, Hair, Nose and Teeth («Волосы, нос и зубы»), должно было намекать на характерную особенность внешности каждого из троих участников.

Эта вещь позднее стала песней *Let Me Live*, которая вышла на последнем альбоме Queen *Made In Heaven* (1995), но уже без вокала Рода Стюарта.

«Один человек, одна цель, одна мечта» — слова из песни One Vision (альбом A Kind Of Magic, 1986; коллективное авторство Queen).

Этот благотворительный концерт состоялся 8 декабря 1981 года — музыку Queen исполняли Королевский симфонический оркестр (Royal Philharmonic Orchestra) и Королевское хоровое общество (Royal Choral Society).

Деятельность Боба Гелдофа в помощь голодающим Африки началась в 1984 году с выпуска благотворительного сингла *Do They Know It's Christmas?* («Знают ли они, что сейчас Рождество?»), для записи которого Гелдоф собрал около сорока британских исполнителей (в их числе были Пол Маккартни, Стинг, Джордж Майкл, Бой Джордж, группы Genesis, U2, Duran Duran, Status Quo, Spandau Ballet и др.). Эта супергруппа получила название Band Aid.

«У меня только одна жизнь» — слова из песни *Keep Passing The Open Windows* («Не задерживайся у открытых окон», альбом *The Works*, автор — Фредди Меркьюри).

Пит Таунсенд (р. 1945) — британский музыкант, гитарист группы The Who, автор рок-опер Tommy и Quadrophenia.

Фил Коллинз (р. 1951) — сначала ударник, а с 1976 года вокалист группы Genesis.

«Мой меланхоличный блюз» — песня с альбома *News Of The World* (1977); автор — Фредди Меркьюри.

«Рукотворный рай» — название песни с сольного альбома Фредди Меркьюри *Mr. Bad Guy*.

Фредди отводит обвинения в том, что он спасается за границей от налогов — согласно английским законам, человек, проживающий за пределами страны более десяти месяцев в год, освобождается от уплаты налогов. Так, в 1978 году Queen, основавшие собственные коммерческую, музыкальную и кинематографическую компании (Queen Production Ltd., Queen Music Ltd. и Queen Films Ltd.), вынуждены были отправиться в «налоговую ссылку» в Европу.

Билли Джин Кинг — знаменитая американская теннисистка, становившаяся финалисткой Уимблдонского турнира в 1969 и 1970 годах. Активистка феминистского движения. Знаменита своей победой в так называемой «Битве полов» (1973). Этот суперпоединок был организован чемпионом в мужском теннисе 30-х — 40-х годов Бобби Риггсом, критиковавшим женский спорт. Принявшая его вызов Билли Джин выиграла у Риггса матч со счетом 6:3.

Garden Lodge — тот самый дом в Кенсингтоне, о покупке которого речь шла в начале этой главы. В этом доме Фредди жил с середины 80-х годов до самой смерти.

Слова из песни *We Are The Champions* (альбом *News Of The World*; автор — Фредди Меркьюри) — [You've brought me] fame and fortune... — «[вы принесли мне] славу и богатство...»; продолжение этой строки — ...and everything that goes with it («...и все, что с этим связано») — взято в качестве названия к следующей главе.

На Кенсингтонском рынке Фредди Меркьюри и ударник Queen Роджер Тейлор во времена студенчества и ранней карьеры группы держали небольшой магазинчик антикварной одежды, в котором торговали, зарабатывая на жизнь; на этом же рынке в бутике Viba работала Мэри Остин.

За За Габор (р. 1917) — американская актриса и светская дама венгерского происхождения. Девять раз была замужем. Известна своими афоризмами: «Мужчины любят глазами, а женщины ушами», «Чтобы узнать мужчину по-настоящему, нужно с ним развестись», «Не позволяй себе возненавидеть мужчину настолько, чтобы вернуть ему перстень с бриллиантами» и др.

Записана в 1984 году во время работы над сольным альбомом *Mr. Bad Guy*, но в альбом не вошла.

«Запас энергии», «выносливость», «стойкость» — название песни с альбома *Hot Space* (1982); автор — Фредди Меркьюри.

«В руках божьих» — название двух песен с альбома *Sheer Heart Attack*; второй вариант имел подзаголовок *Revisited* — «переделанное»; автор обеих песен — Фредди Меркьюри.

Глория Свенсон (1897–1983) — американская актриса; была одной из ведущих актрис Голливуда в 20-е годы, с приходом звукового кино перестала сниматься, но вернулась в кинематограф спустя многие годы, и довольно успешно — была номинирована на «Оскар» за роль в фильме Билли Уайлдера «Сансет-бульвар» (1950). Последний раз снялась в кино в 1974 году.

«Покоряясь судьбе» — слова из песни *Made In Heaven*.